Арес-2

Арес - 2

Даниил Павлович Аксенов

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Хитрым людям часто не везет. Именно поэтому они становятся хитрыми людьми. Герою этой книги не повезло глобально — он оказался в месте, где только происхождение и боевые навыки играют роль. Его положение низко, тело нетренировано, а он сам… по прежнему хитер. Мы ведь помним, что ему не везет.

Книга из разряда «наши там».

- Аксенов Даниил Павлович
  - Глава 1
  - Глава 2.
  - Глава 3.
  - Глава 4.
  - Глава 5
  - Глава 7.
  - Глава 8.
  - Глава 9.
  - Глава 10.

Аксенов Даниил Павлович
Арес-2

Глава 1

Серым пасмурным вечером к огромному замку ан-Мерея, гордо возвышающемуся на холме, подъехали два всадника. Один из них, совсем юный рыжеволосый парнишка, был одет в добротный темно-синий плащ, а другой, молодой мужчина с каштановыми волосами, выбивающимися из-под крепкого железного шлема, являлся обладателем странной белой накидки, закрывающей не только тело, но и руки. Такие накидки носят воины в полном боевом облачении, чтобы казаться скромными и скрывать доспехи баснословной стоимости. Но, как поговаривали, некоторые из воителей использовали накидки по другому назначению: чтобы люди думали, что им есть, что скрывать.

Однако наш герой относился именно к первой категории. Если бы кто-нибудь дерзнул сорвать с него белую ткань, то увидел бы отличный пластинчатый доспех, доставшийся от щедрот барона ан-Орреант. Вместе с прочным копьем, замечательным мечом и другими атрибутами профессионального рыцаря.

До входа в замок оставалось совсем чуть-чуть. Уже можно было разглядеть грубые коричневые доски ворот, плотно подогнанные друг к другу и скрепленные железными скобами, тронутыми ржавчиной. Ворота были прикрыты, но не заперты и, судя по голосам, раздающимся из-за них, там находилась большая группа встречающих. Но это нисколько не смущало всадников, судя по непринужденной беседе, которую они вели.

— Господин, — говорил паренек, обращаясь к молодому воину, — так правду говорят, что графиня Ласана очень красивая? Что все мужчины влюбляются в нее с первого взгляда?

— Не знаю как насчет влюбляются, — степенно отвечал всадник в белой накидке, — но глядя на весь этот ажиотаж с турниром, я могу предположить, что мужчины к ней хорошо относятся.

— Ну, а если она не такая красивая? Вдруг слухи врут? — продолжал допытываться рыжеволосый юноша.

— Если она не красивая, то к ней хорошо относятся женщины. Тут все просто, Рикста, — воин извлек копье, прикрепленное на седле, и уверенно постучал в ворота тупым концом.

Раздался глухой звук, а разговор за крепостной стеной стих. Приезжий выждал пару секунд и хотел было опять начать стучать, но его опередили.

— Кто там? — раздался голос и створка ворот чуть приоткрылась.

— Меня зовут Ролт ан-Орреант, — важно ответил воин. — Я прибыл на турнир.

Створка открылась полностью. За ней обнаружилась троица стражников, одетых в блестящие кольчуги очень хорошего качества.

— Ваша милость — сын графа? — спросил один из них, высокий и с длинной бородой с проседью, почти достигающей пояса.

— Нет, сын барона, — ответил воин.

На лице стражника мелькнуло едва заметное разочарование.

— Старший сын? — с надеждой спросил он.

— Лучший, — последовал ответ.

Разочарование стало отчетливей, но стражник справился с собой.

— Я — десятник Рекпа, ваша милость, — сообщил он. — В связи с большим количеством участников турнира, мы вынуждены уведомить каждого, что замок не в состоянии предоставить привычный комфорт всем, за что ее сиятельство графиня извиняется, но…

Воин нетерпеливо кивнул. Он уже ознакомился с политикой Ласаны. Желающих было действительно много, поэтому графиня решила их сортировать. Очень практичный подход. Старшие сыновья графов и те, кто стоит выше их на социальной лестнице, селились в наиболее роскошных комнатах замка. Им дозволялось взять с собой до пяти слуг. Младшие сыновья графов и старшие баронов располагались в комнатах поплоше и сопровождающих у них было меньше. Все остальные ограничивались лишь одним слугой, а их апартаменты… ну, воину очень хотелось надеяться, что никто не станет выселять кур из привычного им помещения, чтобы разместить вновь прибывшего. Поэтому он оставил двух сопровождающих в лице дружинников Нарпа и Пестера в ближайшей деревне и прибыл лишь с одним слугой.

— Я знаю об этом, десятник, — сказал воин.

— Добро пожаловать, ваша милость! — стражник, поднатужась, широко открыл створку ворот. — Вы найдете господина дворецкого в донжоне. Он разместит вас.

Виктор Антипов, а воином в белой накидке был именно он, вступил на территорию замка. Его обуревали странные чувства. С одной стороны — трепещущее предвкушение нового, неизведанного, с другой — рациональное желание побыстрее расправиться со всем этим делом, а с третьей — банальное опасение, что ничего не получится. Если перенестись мысленно

на три дня назад, когда закончилось почти двухмесячное экспресс-обучение, измотавшее Виктора, которое, к тому же, было подкреплено очередным штурмом соседского замка, то можно будет увидеть любопытную сцену прощания Антипова с бароном Алькертом и другими лицами.

Итак, три дня назад Виктор покидал невольно ставший ему родным замок ан-Орреант. Его провожали отец Ролта Кушарь, менестрель Нартел, сам господин барон и многие другие заинтересованные лица.

— Береги честь рода, — говорил Алькерт, внимательно глядя на человека, которого он недавно усыновил, разрешив непростую моральную дилемму. — Помни о том, чтобы не опозорить меня!

— Конечно, ваша милость, — кивал головой Виктор. — Все будет в лучшем виде. Комар носа не подточит.

Барон хмурился. Он частенько не понимал смысла витиеватых выражений Ролта, бывшего лесоруба, а теперь — полноправного дворянина. Вообще же, господин ан-Орреант разрывался между двумя противоречивыми желаниями. Ему хотелось обрести хоть какой-то шанс на то, чтобы выиграть турнир в соседнем графстве, и совсем не нравилось отправлять туда выскочку Ролта, человека, обладающего способностью к быстрому обучению воинским умениям. Правда, когда выяснилось, что означенный лесоруб принадлежит к неизвестному дворянскому роду, с плеч барона упала тяжесть. Он твердо решил отправить Ролта на турнир. Уж очень Алькерту хотелось заполучить графство, для чего он был готов схватиться за соломинку и выставить против знаменитых бойцов темную лошадку. Барон начал действовать. Прежде всего, он категорически запретил Ролту рассказывать о своем дворянстве, опасаясь, что слишком многие заподозрили, что барон использовал маре-н-мар. Да и привлекать внимание к странному феномену нахождения дворянина в теле крестьянина очень не хотелось. Поэтому Алькерт задал себе простой вопрос: как можно выставить на дворянском турнире безродного лесоруба? Единственный ответ был быстро найден — усыновление. Вообще же, усыновление в королевстве, находящимся под влиянием бога виноделия Зентела, с точки зрения Виктора, было сходно с таковым во многих странах Земли. Потомственные дворяне имели возможность усыновлять кого угодно даже при живых родителях, но для передачи права наследования требовалось разрешение сюзерена. Поэтому барон просто прибавил еще одного 'ребенка' к двум уже усыновленным им.

По замку сразу же поползли слухи о том, что лесоруб на самом деле — родной сын барона, рожденный от крестьянки.

Однако Кушарь, настоящий отец Ролта, с помощью своих кулаков сумел подавить подобные слухи в зародыше. Среди простого люда воцарилось недоумение, но, как это часто бывает, власть предержащих оно не волновало.

— Несмотря на твои тренировки и некоторый опыт, на турнире ты будешь не самый сильный, — говорил барон. — Добрая половина участников окажется лучше тебя.

Виктор отлично понимал это, а заодно догадывался, почему его все-таки отряжают на турнир. По двум причинам. Во-первых, Алькерт надеялся на помощь его покровителя, Ареса. А во-вторых, верно оценивал личность самого Ролта. Тот славился нестандартными подходами к решению проблем. Поэтому барон рассчитывал на лучшее и… беспокоился за свою честь. Ролт мог проявить себя, принести роду славу, но также мог и опозорить славное имя ан-Орреанта. Пятьдесят на пятьдесят, но Алькерт, опытный управленец, решил рискнуть.

После того, как барон закончил свою честеспасительную речь, за дело взялся Нартел, менестрель и доверенное лицо владельца замка ан-Орреант.

— Послушай, Ролт, — сказал он, отводя Виктора в сторону. — Его милость правильно говорил о том, что каждый дворянин должен быть отважным, искренним и честным. Ты ведь согласен с этим?

— Конечно, согласен, — подтвердил Антипов, гадая, куда клонит Нартел.

— Но ты-то дворянин в теле лесоруба, — произнес менестрель, глядя собеседнику прямо в глаза. — Понимаешь?

— То есть я могу быть неотважным, неискренним и нечестным? — уточнил Виктор.

— Конечно, нет, что ты! — слишком горячо возразил Нартел. — Просто я хочу сказать, что если возникнет ситуация, в которой понадобится некоторое отступление от общепринятых правил, то постарайся сделать так, чтобы об этом никто не знал.

— Разумеется, постараюсь, — легко согласился Виктор.

— И запомни: господин барон вовсе не думает, что ты сможешь победить на турнире. Он даже уверен, что не сможешь….

— Зачем тогда отправляет меня? — с интересом спросил Антипов.

— Потому что турнир в этом деле не главное, — пояснил Нартел. — Графиня Ласана может отдать свою руку победителю, а может и нет. Кто знает, что взбредет в голову женщине? Ты же постарайся просто не опозориться во время схваток, но и не рискуй там, а в свободное от турнира время тебе нужно….

— Подбить клинья к графине, — иногда Виктор любил называть вещи своими именами.

— Как ты сказал? — удивился менестрель. — Забавно сформулировано. Да, примерно так. Мы все верим в тебя!

— Верите в мою неотразимость у женщин? — уточнил Антипов.

— Неотразимых там будет достаточно и без тебя, — серьезно ответил Нартел. — Это же турнир за графскую корону, за расположение графини! Я даже не удивлюсь, если там найдется несколько субъектов, которые примут участие в одном-единственном поединке, а все остальное время посвятят иной деятельности. Приз слишком велик, чтобы решать его судьбу в ходе обычных схваток.

Виктор догадывался об этом, но не предполагал, что барон решит высказаться так прямо, пусть и устами своего менестреля.

— Но зачем отправлять меня? — снова поинтересовался Антипов. — Я ведь не буду первым ни в бою, ни в куртуазном общении.

— Больше некого, — вздохнул Нартел. — А у тебя есть такие странности, что внимание графини они точно привлекут.

Виктор не знал, комплимент это или нет. Несмотря на то, что барон и менестрель ходили вокруг да около, диспозиция была ясна. Арес требовал от него множества побед военных, а барон — одной-единственной победы, которая к сражениям имеет лишь отдаленное отношение. Антипов с удовольствием бы послал обоих куда подальше, но так поступить было невозможно. Не только потому, что надеялся на помощь Ареса в возвращении домой хоть в каком виде, а еще из-за того, что оказался запутанным в паутину долга благодаря одному глобальному вопросу, на который ответа по-прежнему не было.

Этот напутственный разговор и предшествующая ему подготовка привели к тому, что Антипов все-таки въехал в графское жилище. Расстояние между внешними и внутренними стенами было примерно таким же, как и в баронском замке, но постройки наличествовали лишь в ограниченном количестве. Виктор со слугой двигались по отлично сделанной мостовой, выложенной из черных тщательно подогнанных камней. Слева располагалась конюшня, справа — еще какое-то строение, хозяйственное по всей видимости, вдоль стен рос тщательно подстриженный кустарник лавровишни с большими глянцевыми темно-зелеными листьями. Память лесоруба Ролта, словно какой-то справочник по крупным растениям, услужливо подсказала, что плоды лавровишни есть можно, а вот семена — нет, хотя Виктор не собирался принимать в пищу ни то, ни другое. Дорога также

тянулась вдоль стен и кустарника, видимо, хозяева замка заботились о месте для безопасных прогулок.

Антипов и Рикста ехали по направлению к донжону и поражались многолюдию. Им навстречу попадалось удивительно мало крестьян, но множество дворян. Такого пиршества красок Виктору еще не доводилось видеть ни разу за все время пребывания в этом мире. Зеленые, синие, красные и даже фиолетовые плащи мелькали тут и там. Их владельцы гордо восседали на лошадях или еще более гордо шли вдоль дороги, положа руки на мечи в роскошных ножнах. Проезжая часть была отведена лишь всадникам, но это нисколько не мешало пешеходам высокомерно поглядывать на коллег снизу вверх. Антипов старался раскланиваться с теми, кто проезжал слишком уж близко. Так требовал этикет, преподанный баронским менестрелем. Лицам в очень роскошной одежде, особенно с вышитыми золотом графскими гербами на плащах, полагался более глубокий поклон, чем всем остальным. К чести дворян, они все отвечали Виктору. Некоторые тоже кланялись, а часть тех, кто пренебрегал 'попугайскими' одеяниями, суровые воины, чуть кивали и прикладывали руку к своему шлему, салютуя. Антипов ловил на себе цепкие взгляды, но они быстро гасли и сменялись равнодушием. Молодой провинциальный дворянчик никому не казался конкурентом.

— Смотрите, какой красавчик, господин! — шептал Рикста, наклоняясь к Антипову и показывая на блондина в мягкой роскошной шляпе с плюмажем, из-под которой виднелись длинные завитые кудри. — А вон еще один! А вон тот-то, вон тот! Вот это здоровяк!

Виктор все отлично видел сам, но не препятствовал слуге выражать восторг. Чем дольше воин наблюдал, тем меньше зрелище ему нравилось. И барон и Нартел довольно скромно оценили претендентов, исходя из того, что предстало взору Антипова. Виктор готов был схватиться за голову, но не стал этого делать лишь из-за боязни, что жест будет неправильно истолкован окружающими.

'Вот так вот, господин Дюма, — мрачно думал Антипов, не переставая периодически кланяться, — мне придется сражаться с теми, кто шире меня в плечах раза в полтора, а соревноваться за внимание графини с красавчиками, кто так и просится на обложку какого-нибудь популярного женского журнала в разделе 'Секс-символ месяца' или даже года. На них даже плавки можно оставить. А вот, полюбуйтесь на тот шкаф почти в сплошных доспехах. Если он их не снимет, то куда я буду бить? А вон еще образчик с физиономией Жана Маре. Да такому ничего и

говорить не нужно. Просто выйти и принимать героические или задумчивые позы, а женщины будут сами на шею вешаться. Н-да. Куда меня занесло?

Но это был риторический вопрос. Виктор точно знал, что его занесло в графский замок, и сейчас он приближается к донжону, обуреваемый печальными думами. У Антипова даже возникла предательская мысль все бросить и вернуться домой, но ни барон, ни, тем более, Арес не обрадовались бы такому исходу. Эта парочка славно спелась за последнее время. Алькерт с наиболее верными приближенными тайно признали бога войны своим покровителем и были преисполнены желания поставлять ему силы взамен на будущую оплату. Арес обещал, что позаботится и о личной мощи верных ему воинов и об их загробной жизни. Последний вопрос был чрезвычайно интересным. Бог войны подробно объяснил Антипову, что происходит с верующими в тот или иной пантеон богов. Их тела после смерти воссоздаются заново в той или иной форме (не биологической, конечно). Затем душа, пойманная покровителем, вкладывается в новое тело. Это тело живет в загробном мире, который существует ровно столько, сколько боги могут его поддерживать. Если мощь пантеона слабеет, то все тела умерших разрушаются, а души высвобождаются неизвестно куда. Виктора очень позабавил такой подход. Получалось, что вся деятельность олимпийских богов была направлена на то, чтобы создавать временную ловушку для душ, препятствовать им выполнить свое истинное предназначение, в чем бы оно не заключалось. Арес в целом согласился с таким выводом, но сказал, что барону и прочим об этом знать не надо, а демоны, которые правят этим миром, предлагают гораздо худший вариант. С последним было трудно спорить.

Когда Виктор достиг входа в донжон, то спешился и отдал поводья подскочившему лакею. Потом помедлил, запустил руку в кошель и извлек серебряную монету.

— Тебя как зовут? — спросил он у лакея, тощего детины, подстриженного чуть ли не налысо и одетого в ливрею — яркую красно-оранжевую куртку.

— Нисттеа, — глухим баском произнес тот. Его глаза смешно выпучились, когда он, разом заволновавшись, пытался смотреть в лицо собеседнику, не упуская из виду и монету.

— Это тебе, Нисттеа, — Виктор царственным жестом вложил деньги прямо в протянутую руку. — Где найти дворецкого?

— Я сейчас кликну его, господин! — лакей мгновенно преисполнился рвения.

— Подожди, не торопись, — Антипов остановил его, а потом,

после небольшой паузы, добавил. — Меня зовут Ролт ан-Орреант. Запомнил?

— Да, ваша милость, — кивнул Нисстеа, выжидательно глядя на доброго гостя графини.

— Скажи-ка, братец, а как к тебе относятся приезжие дворяне?

От такого странного вопроса лакей еще больше вытаращил глаза и захлопал белесыми ресницами.

— Хорошо, ваша милость. Не бьют.

— Ну, а говорят с тобой? Дают деньги за хорошо выполненную работу?

— Как когда, ваша милость. Редко.

— А у тебя бывает свободное время, Нисттеа? — Виктор тщательно выговаривал странное имя, чтобы оно отложилось в памяти. — У меня только один слуга, но может понадобиться еще кое-кто для… различных поручений. Я хорошо заплачу. Найдется для меня время?

— Конечно, ваша милость! — лакей быстро оглянулся, чтобы убедиться, что разговор никто не подслушивает, и это подсказало Виктору, что его слова упали на благодатную почву.

— Вот и хорошо. Расскажи еще, где найти распорядителя турнира и ступай. А потом заглядывай ко мне несколько раз в день, чтобы не упустить счастливого случая стать богаче.

За время прохождения расстояния между внешними и внутренними воротами Антипов успел не только впасть в отчаяние, но и наметить некоторые шаги по перелому ситуации в свою пользу. Воин рассуждал так: друзей у него тут нет, слишком большое сближение с дворянами опасно, но откуда-то ведь нужно получать информацию. Конечно, Рикста наладит отношения со слугами, но точно такие поручения дадут и дворяне собственным людям. Виктор решил общаться с лакеями напрямик, исключая промежуточное звено. Он ведь не гордый и не спесивый, а приятный во всех отношениях парень, который запоминает имена нужных простолюдинов и хорошо платит. Это было несомненное преимущество по сравнению с остальными претендентами. Жаль, что маленькое. Но Антипов знал, что именно мелочи доставляют врагам крупные неприятности.

Графиня Ласана ан-Мереа сидела перед большим серебряным зеркалом, украшенным причудливым узором переплетенных веток и листьев. Ходили слухи, что она красива, но еще ни один из рассказчиков не мог передать истинного очарования этой молодой девушки. Мягкие белокурые волосы обрамляли лицо с по-девичьи пухлыми щечками и прекрасной формы алыми

губами, не нуждающимися ни в какой помаде. Изящный носик так и просился на портрет в профиль кисти какого-нибудь знаменитого художника (или даже эта картина могла бы прославить почти любого живописца), а светло-зеленые глаза удивительно гармонировали с бровями, которые были немного темнее, чем волосы. Ласана рассматривала свое лицо в зеркале как что-то привычное, хотя многие мужчины отдали бы все на свете, чтобы любоваться им вечно.

— Так что там у нас за проблемы, Вирета? — голос графини был звонкий и нежный, поэт мог бы сравнить его с журчанием лесного ручья или даже заявить, что этот самый ручей должен чувствовать себя польщенным таким сравнением.

Рядом с Ласаной стояла доверенная дама, черноволосая девушка лет двадцати пяти, одетая в роскошное черное платье, которое резко контрастировало с белой ночной сорочкой графини. Вирета принесла тревожные вести и старалась подать их легкомысленной форме, словно это могло как-то изменить их суть.

— Ваше сиятельство, нам сообщили, что к нам пожалуют жрецы на время турнира. Вероятно для того, чтобы сразу по его окончанию заключить брак вашего сиятельства с каким-то счастливчиком.

Однако графиня не оценила шутку.

— Жрецы? Какие жрецы? — переспросил она. — Зачем они? У меня ведь есть собственный.

— Его благочестие Верховный жрец Ларант отрядил к нам очень высокопоставленного священника со свитой. Он прислал письмо, в котором утверждает, что какой-то знаменитый преступник может почтить своим вниманием наш турнир. И жрецы хотят схватить его.

— Преступник? Какой еще преступник? — Ласана слегка наморщила чистый и высокий лоб.

— Не знаю, ваше сиятельство. Этот турнир — большое событие, мало ли кто к нам заявится. Но вопрос в том, где мы разместим жрецов. Все комнаты заняты, а священники высокопоставленные. Их нужно поселить хорошо.

— Неужели ничего нет?

— Нет, — покачала головой Вирета. — Кого-то придется потеснить.

— Только не Женара! Он ведь старший сын соседнего графа и к тому же отличный боец.

— Я знаю, что вашему сиятельству он нравится, — улыбнулась дама.

— Конечно, нравится. Он и кое-кто еще. За такими точно

будешь как за каменной стеной. Ты знаешь, что это нам сейчас очень нужно. Король мне опять угрожал.

Вирета тихо вздохнула. Она догадывалась, о чем говорит госпожа. Год назад скончался отец Ласаны и на совсем юную девушку, единственную наследницу, свалился ворох забот о землях. Возможно, графиня бы и справилась со всем сама, если бы не ее дядя Гийор. Тот спал и видел себя наследником. И для осуществления его мечты надо было всего ничего — убедить короля в том, что если Ласана в ближайшем будущем не выйдет замуж, то нужно забрать ее земли и передать ему, Гийору. Единоличное управление графством женщиной было невозможно. Ласана и так продержалась долго. Целый год. Неудивительно, что девушка искала сильного защитника.

— Ваше сиятельство, ходят слухи, что к нам со дня на день пожалует сам Менел, — дама сочла за благо изменить тему разговора. — Его тоже придется где-то размещать.

— Что, тот самый? — с недоверием переспросила графиня.

— Да.

— О котором говорят, что он — сын бога? Герой?

— Да, ваше сиятельство. Непобедимый Менел, который даже не носит рестр. Вы ведь слышали об этом? Никто не знает, сын ли он кого-то из богов на самом деле, но чары магов не оказывают на него никакого влияния. Поговаривают, что и боги с ним мало что могут сделать.

Графиня слабо улыбнулась. Она еще не решила, как отнестись к этой новости. Если сюда заявится настоящий герой, то исход турнира будет предрешен.

— А ты добавила вновь прибывших к списку? Ничего не напутала? — Ласана подумала, что разбираться с проблемами нужно по мере их поступления. Менела ведь еще нет в замке.

— Как можно, ваше сиятельство! — возмутилась Вирета. — Все, как мы договаривались. Знатные занимают верхние строчки, а знатные и сильные — еще выше. Но список разросся. Я предлагаю больше не включать в него провинциальных дворянчиков.

Ласана была очень практичной девушкой. У нее склонность к этому проявилась с детства, а последний год развил и укрепил данное качество. Поэтому графиня решила подойти к процессу отбора женихов рационально и… завела список. В нем основные претенденты были на самом верху и могли двигаться вверх и вниз. Очень удобно.

— Может быть ты и права. Слишком много кандидатов, — согласилась графиня. — А что, уже кто-то не вошел в список?

— Да, ваше сиятельство. Но только один. Я решила не

добавлять нищих дворянчиков только сегодня.

— Один? Кто же он, этот невезучий человек?

— Некий Ролт ан-Орреант, младший сын какого-то барона. Я его видела. Одет так себе, доспехи неплохие, но это, пожалуй, все, что у него есть. Даже слуга — мальчишка. Об этом Ролте никто не знает. Птица низкого полета. На такого жаль тратить время.

Ласана посмотрела на свои тонкие и ухоженные руки. Она старалась быть непредвзятой, но ведь Вирета права. Зачем ей нужны никому не известные дворянчики?

— Сыновей баронов перестанем вносить в список с завтрашнего дня, — распорядилась графиня. — Так что, добавь этого Ролта. Так будет справедливо. Но помести его в самый конец. Только там ему место.

Глава 2.

Верховный жрец Зентела Ларант не любил не только устриц, но и бассейны. Он не умел плавать и считал, что в воде люди уподобляются какой-то рыбе, чтобы вкусить новых ощущений, потешить свое тело. Строго говоря, Ларант не был против того, что тешить тело, но предпочитал это делать способами, которые не нужно разучивать и которыми каждый взрослый мужчина владеет интуитивно. А вот ощущений у Ларанта и так было в избытке. Всякий раз он пытался угадать, куда подует ветер в лице плохо предсказуемого господина. И жрецу это удавалось.

В тот день Ларант в своей обычной белой, как свежий снег, мантии стоял у бортика мраморного зеленого бассейна и наблюдал за тем, как господин плавает там. На лице жреца был написал восторг. Если бы кто-нибудь спросил у него в тот момент, как он относится к морям, озерам, прудам и бассейнам, то Ларант признался бы в горячей и непреходящей любви ко всем означенным водоемам и прочитал бы целую лекцию о пользе плавания и необходимости обучать этому занятию поголовно всех жрецов с пеленок.

— Так что ты сделал, Ларант? — господин остановился, взявшись рукой за противоположный бортик бассейна. На этот раз им было выбрано тело восемнадцатилетнего светловолосого юноши, которое слегка преобразилось под влиянием его обитателя и стало еще красивее. Зентел не утруждал себя созданием новых тел, а использовал уже имеющиеся, не интересуясь согласием их владельцев.

— Господин, — Верховный жрец откашлялся. — Я понимаю, что мы до сих пор не поймали Посредника, но похоже, что он залег на дно, как говорят схваченные нами мошенники и воры. Мы допросили всех жуликов, до которых могли добраться, предполагая, что хоть один из них будет сообщником пришлого бога вреда и обмана. К сожалению, тщетно. Тогда мне пришла в голову мысль, что хитрый Посредник может просто примкнуть к какому-нибудь графу или даже к королю. Поэтому ко двору всех крупных дворян направлены соглядатаи. Им же дано поручение задержать мерзавца Аренеперта, если они его встретят. А младшие жрецы, количество которых мы увеличили, будут скоро посланы ко всем баронам без исключения….

Зентел усмехнулся. Выражение его лица испугало Ларанта, но через миг угроза исчезла.

— Не обращай на Аренеперта внимания, — сказал бог

виноделия. — Я сам займусь им. Рано или поздно он выдаст себя. Сосредоточься на главном. Уже прошло почти три месяца, а Посредника все нет. Хотя гость должен требовать от него служения. Гостю ведь нужны силы.

— Будет сделано, господин, — Ларант подобострастно кивнул. — А еще в графстве ан-Мерея намечается очень крупный турнир, о котором вы знаете. Я предположил, что Посредник может попытаться провернуть там какую-нибудь каверзу. Это сразу окупит все его бездействие. Поэтому распорядился послать туда лучших из лучших. Пусть наблюдают.

— Молодец, — похвалил Зентел. — Правильно мыслишь.

— Спасибо за одобрение, господин, — поклонился Верховный жрец. — Я стараюсь изо всех сил. И вот еще подумал: может быть мы тайно выставим на этом турнире нашего человека? Отберем самого сильного бойца из храмовой стражи и пошлем его туда. Может быть, он увидит то, что будет незаметно жрецам.

— Так и сделай, — согласился бог виноделия. — Только пусть он не выигрывает турнир. Нам нужно сохранять паритет. Но жрецы и воин могут поспособствовать тому, чтобы на турнире победил верный нам и богобоязненный дворянин, с которым не будет хлопот.

— Ваша мудрость безгранична, — сообщил Ларант. Он знал, что церковь и так контролирует почти все сферы жизни подданных королевства, а у дворян должна быть иллюзия свободы. Это решили боги, вечные и великие. Они, правда, редко снисходили до просьб своих поклонников, но ведь так и нужно. Если боги будут выполнять все пожелания верующих, то мир станет безлюдным, потому что каждый человек ненавидит своего ближнего, завидует ему. Это — азы, которые знает каждый жрец Зентела, бога виноделия.

Ракла, дворецкий замка ан-Мерея оказался маленьким и толстым старичком, одетым в красно-оранжевую куртку, но его шею украшала массивная золотая цепь, к которой был приклеплен герб графини — бегущая лисица. Он смешно картавил, однако показал недюжинную деловую хватку, направляя Виктора строго в соответствующее его статусу помещение и пресекая всякие поползновения гостя улучшить жилищные условия.

— Не волнуйтесь, ваша милость, — бормотал Ракла, ловко и быстро сворачивая в нужных местах коридора так, что Антипов частенько видел лишь мелькающую плешь, — это комнаты прислуги. Бывшие, конечно. Но у нас действительно нет мест. Зато такой замечательный воин, как вы, наверняка привык к

тяготам военных походов. Возможно даже, вы не можете спать иначе, как на твердой земле и эта комната вовсе вам не нужна.

— Нет, нет! — Виктор интенсивно мотал головой, пытаясь выразить несогласие с последними фразами.

— Да, я так и говорю, ваша милость, — комната вам не нужна, — твердил старичок, не оборачиваясь. — Такой доблестный воин и какая-то каморка! Курам на смех. Но ее сиятельство будет против, если гости начнут устраиваться вдоль крепостных стен. Поэтому выбора у нас нет. Комната будет ваша.

Антипов облегченно вздохнул. Перспектива устроиться вдоль стен его не только не привлекала, но и навевала мрачные ассоциации. Видя такое скопление дворян, Виктор на самом деле вначале предположил, что ему придется несколько дней спать на полу. И очень сильно встревожился. Но фразы насчет комнаты успокоили его. Там ведь должна быть какая-то кровать.

— В комнате есть камин и два топчана, ваша милость, — пробормотал Ракла, словно подслушав мысли гостя и стремительно вписываясь в очередной поворот. — Я понимаю, что ваш слуга очень юн и наверняка изнежен, в отличие от вас. Не так ли?

Старичок внезапно остановился, так, что Виктор едва не врезался в него на полном ходу.

— Ну, вообще-то да. Слуга… гм… юн и изнежен, конечно, — Антипову было неуютно под пристальным взглядом дворецкого.

— Но вы-то, вы привыкли к походам и лишениям, ваша милость? — с уважением в голосе произнес Ракла.

— Ну… в какой-то мере…, - Виктору не очень хотелось признаваться в обратном, когда собеседник смотрит с таким восхищением.

— Слава Зентелу! — воскликнул старик. — А то я уже хотел оставить вам оба топчана! Но если один не нужен, то его заберем. А то другим не хватает, знаете ли.

'А тут разводят не по-детски, господин клоун Мусля, — с гневом подумал Антипов. — Отдать ему этот топчан? Ерунда ведь. Ан нет! Эта ерунда влияет на репутацию. Сначала слуги обо мне будут плохо думать, а потом и господа. С таким топчаном расставаться никак нельзя. Он слишком дорог'.

— Конечно, забирай топчан! — крикнул Виктор вдогонку хитрому старикашке, который снова продолжил свой путь. — Только назови мне имя того изнеженного дворянина, с которым я собираюсь делиться.

— Да может быть он не дворянину достанется, а слуге какому-нибудь, — на ходу пробормотал Ракла.

— Как слуге?! — Антипов в два прыжка догнал дворецкого и

схватил его за плечо. — Ты что тут говоришь?! Чтобы топчан… эээ… дворянина достался какому-то там слуге? Со своим я еще готов поделиться, а вот с чужим — нет!

Старикашка посмотрел на воина и тот мог поклясться, что у Раклы в глазах мелькнуло уважение. Не привычное уважение к дворянскому происхождению, а настоящее, искреннее.

— Мы уже пришли, ваша милость, — вздохнул дворецкий. — Комната вот.

Его пухлая рука указывала на небольшую коричневую дверь, сколоченную из темных досок. Виктор подошел к ней, взялся за рукоятку (тоже деревянную), потянул, услышал скрип и оказался в комнате, которая в принципе, верно, описывалась словом 'каморка'. Это было небольшое плохо освещенное помещение с одним узким окном. У стен располагались два лежака, подходящих по размеру только лилипуту, а во внешнюю стену был вделан камин, сложенный из серых булыжников. Рядом находилась стопка дров.

Дворецкий, заметив возмущение гостя, поспешил откланяться. Виктор проводил его задумчивым взглядом, так и не успев решить, нужно ли разыгрывать оскорбленную гордость из-за этого жилища или нет. Старикан был опытный и хорошо знал главное правило обслуживающего персонала: воин всегда прав, если слугу не защищает другой воин, лучше первого владеющий мечом.

— Оставь сумки здесь, — сказал Виктор Риксте, — а сам пойди, проверь лошадей. Я же потолкую с распорядителем турнира. Хотя постой… мне для этого могут понадобиться деньги. Достань-ка кошель с золотом из черной сумки.

Рикста кивнул, протянул руку к кожаной котомке, развязал ее, пошарил внутри и извлек на свет какой-то сверток.

— Что это? — спросил Антипов.

— Огниво, господин.

— Огниво? — Виктор невольно бросил взгляд на камин. — Оно может нам пригодиться, по ночам уже холодно. Положи его на дрова.

Рискта бросил матерчатый сверток на стопку деревяшек, но так неловко, что сверток, подскочив, закатился между дровами и стеной.

— Ладно, потом достанем, — махнул рукой Антипов. — Где кошель?

— Вот, — паренек снова пошарил в сумке и протянул руку господину.

— Что это? — Виктор несказанно удивился. — Это же огниво! Ты что, взял два?

— Нет, господин, — озадаченно пробормотал Рикста. — Взял с собой только одно, когда укладывал котомки. Не могу понять, откуда взялось второе. Но на ощупь оно сейчас выглядело точь в точь как кошель.

— Положи-ка его в другую сумку, — распорядился Антипов, показывая на коричневую котомку. — И достань мне наконец золото.

Паренек выполнил указание и снова погрузил руку в черный кожаный мешок. Вскоре он нашел то, что искал, но не стал сразу же вытаскивать, а, поднеся предмет к горловине внимательно посмотрел на него. После чего сдавленно вскрикнул и прижал руку к груди.

— Что там? — с подозрением осведомился Антипов. — Что ты прячешь?

— Там… господин… там… огниво, — Рикста разжал кисть и показал ее содержимое. На ладони покоился уже знакомый матерчатый сверток.

— Ты взял три?!

— Что вы, что вы, господин! Я точно помню, что положил лишь одно.

— Ну-ка, дай мне сумку, я сам.

Рикста положил огниво на край топчана, чтобы передать котомку Виктору. Потянулся и смахнул матерчатый сверток куда-то на пол.

— Подожди, не ищи, потом найдешь, — остановил слугу Антипов. — Сейчас нам главное золото достать.

Воин еще больше ослабил горловину мешка, стянутую тесемкой, и высыпал все содержимое на свой топчан. Синий кошель с вышитой серебром буквой 'О', выданный от баронских щедрот, обнаружился сразу же.

— Ну вот, — облегченно вздохнул Виктор. — А то я уже подумал, что мистика какая-то. Кто же мог положить нам в сумку три огнива?

Он развязал кошель, чтобы проверить содержимое, заглянул туда, нахмурился и… вытащил матерчатый сверток, который лежал поверх золотых монет.

— Что за шутки? — Антипов рассматривал огниво так, словно это был бесценный алмаз. — Уже четыре?! Но оно выглядит очень похоже на предыдущие. И зачем его к золоту положили?

— Не знаю, господин, — Рикста развел руками от неподдельного изумления.

— Ладно, потом разберемся. Главное — что золото нашли, — сказал Антипов, раздраженно бросая огниво в дальний угол. —

Иди к лошадям, а я пойду…. Рикста!

— Что, господин? — отозвался недоумевающий паренек. Он увидел, что Ролт начал ерзать, пытаясь достать что-то, расположенное на своей спине.

— У меня такое чувство, словно что-то сейчас провалилось мне за шиворот. Но это невозможно! Гамбесон ведь очень плотно прилегает. Хотя что-то колет прямо в поясницу. Ну-ка, посмотри, что там такое, а то мне неудобно.

Виктор развернулся и показал на свою спину. Рикста подошел поближе, отодвинул в сторону накидку, немного потянул на себя кольчугу и запустил руку под поддоспешник.

— Ну что, нашел? — нетерпеливо спросил Антипов.

— Да, господин, — прошептал слуга таким голосом, словно только что увидел змею, которая заговорила с ним о погоде.

— И что там?

— Эээ….

— Подожди-ка, я догадаюсь, — печально произнес Виктор, поднимая глаза к потолку. — Там огниво?

— Да, господин!

Антипов сел на топчан и разразился емкой минутной речью. Несмотря на ее краткость, ему удалось провести параллели между своим пребыванием в этом мире и чувством юмора, требующим привлечения психиатра; огнивом, которое уже никто не использует, и спичками, которые, впрочем, тоже уже никто не использует; графиней, которая не может выйти замуж по-человечески, и продвинутыми девушками, которые считают, что лучше выйти замуж и тут же развестись, чем остаться незамужней; жрецами, которые служат непонятно кому и счастливы при этом, и богами, которые несчастливы оттого, что им служит непонятно кто, и прочими вещами. Если суммировать эту речь, то она выразится двумя основными восклицаниями, произнесенными не совсем в цензурной форме: 'Когда это закончится? и 'Как вы меня все достали'.

Рикста уважительно выслушал словоизлияния Виктора, а потом задал один-единственный вопрос, точно отражающий смысл услышанного:

— А на каком языке вы говорили, господин?

Антипов устало посмотрел на своего слугу, немного подумал и решил расширить свою речь.

— Жизнь — сложная штука, — произнес он. — И не всегда для ее описания найдутся слова. Но в том языке, который я использовал, есть несколько не вполне приличных слов, но зато ими можно описать все. Абсолютно все! И если настанет момент, когда ты ничего не сможешь сказать и поэтому тебе захочется

кого-нибудь убить, то просто используй те слова, которым я тебя скоро научу…. Кто знает, может быть они спасут чью-то жизнь.

— Но…, - хотел возразить Рикста и даже поднял руку для того, чтобы жестикуляция сделала его фразы убедительнее.

— Не надо, — прервал его Виктор. — Ничего не говори. Просто пойди и проверь лошадей. А огниво, которое ты держишь в руках, сохрани. Оно у нас одно, а вовсе не четыре и не пять. Я пока что побуду тут. К распорядителю турнира схожу потом.

Паренек хотел было заспорить но, увидев выражение лица своего господина, не решился на это. А кивнул и молча направился к двери.

Виктор же, дождавшись, пока он останется один, внимательно посмотрел по сторонам, особое внимание уделил старому деревянному потолку, а потом разомкнул губы и тихо произнес:

— Кеаль, выходи. Я знаю, что ты здесь.

Не прошло и пары секунд, как воздух около камина начал словно сгущаться. Появились знакомые золотистые искры, которые, летая поначалу хаотически, стали собираться в единое целое. Это целое вскоре приобрело вполне законченную форму, которая чрезвычайно напоминала тело и лицо того Кеаля, которого знал Виктор. Только на этот раз он был полупрозрачным.

Антипов не встречался с ним с того самого времени, когда произошла трактирная драка, но частенько испытывал ощущение, что Кеаль где-то поблизости и лишь выжидает удобного случая, чтобы снова объявиться.

— Приветствую, мой лучший жрец, — улыбнулся бог вреда и обмана, ласково глядя на Виктора. — Я знал, что ты догадаешься.

Воин внимательно посмотрел на собеседника. Те же зачесанные назад волосы, та же странная улыбка, вот только невозможно было заметить в полупрозрачной фигуре, что цвет обоих глаз различается.

— Вообще-то шутка с огнивом мне не очень понравилась, — Виктор решил вопреки обыкновению сказать правду. — Она какая-то… обыденная.

— Зато безопасная, — тут же отозвался Кеаль.

— Ну, с этой точки зрения… в ней что-то есть, — Антипов попытался устроится на топчане поудобней. Он не боялся собеседника, потому что догадывался, что очень нужен древнему богу. Это же подтвердил и Арес, когда узнал причины, приведшие к появлению Кеаля-Локи. Виктор даже не очень сильно волновался, он уже вполне приспособился к общению с богами. Человек — существо высокоадаптивное и способен привыкнуть ко

всему, кроме, разве что некоторых чужих привычек.

— А знаешь ли ты, почему я именно сейчас появился? — с любопытством, то ли наигранным, то ли настоящим, спросил Кеаль.

— Могу предположить, — отозвался Виктор. — Не только почему сейчас, но и почему здесь.

Полупрозрачная фигура заинтересованно уставилась на него, и Антипов продолжил:

— Если я у тебя до сих пор единственный жрец, то самое время подтолкнуть меня к каким-то большим свершениям. Это — ответ на вопрос 'почему сейчас'. И с 'почему здесь' — тоже просто. Но я об этом не скажу.

Кеаль расхохотался, отчего его тело заколыхалось.

— Твоему Аресу можно только позавидовать, — ответил он сквозь смех. — Надо же, такая преданность. Ведь ответ должен быть простым: я пришел сюда потому, что с Аресом встречаться совсем не хотелось. Нетрудно догадаться, что мы не очень нравимся друг другу.

— Может быть, — уклончиво ответил Виктор. Он не сомневался, что Кеаль уже вынюхал все, что можно. Антипову приходилось часто врать, да и шутить тоже. Это автоматически позволяло богу вреда и обмана видеть все, с этим связанное.

— А твой Арес — могучий тип, — произнес Кеаль. — Ему бы сил побольше и — в бой. Против этих… Зентела и прочих. Хотя я бы лично начал именно с Зентела.

— Почему с него? И, кстати, если ты — настоящий местный бог, то кто все они такие? — Антипов помнил, что Арес настоятельно просил его узнать ответ на этот вопрос, если вдруг Кеаль появится опять. В прошлый раз бог обмана был так занят собственными планами, что выдал минимум информации. Виктору хотелось верить, что сейчас что-то изменилось.

— Да, я догадываюсь, что кроме меня рассказать об этом некому, — Кеаль продолжал улыбаться. — Но ради общего дела поведаю тебе и твоему пришлому покровителю, как все произошло. Очень поучительная история!

Воин превратился в слух, но коварный бог обмана добавил:

— Потом расскажу, конечно. Сейчас есть другие дела. Поважнее.

Виктор вздохнул и начал механически разглядывать вываленное из черной сумки барахло. Он уже научился ждать. Арес тоже не торопился просвещать насчет многих вещей.

— Но кто такой Зентел, ты можешь сказать? Он действительно бог виноделия? Или демон? Или кто? — Антипов решил, что если и на этот раз ничего не узнает, то это будет уже

форменное свинство.

Кеаль в очередной раз ухмыльнулся и, наверное, догадался о мыслях собеседника.

— Божок, — сказал он. — Мелкий лесной божок. Или демон. Смотря с какой стороны оценивать. Бывший, конечно. Сейчас он наверняка изменился. Но суть-то прежняя.

— Сатир, что ли?! — вырвалось у Виктора знакомое слово.

— Я не знаю, что ты имеешь в виду, — с еще более широкой улыбкой ответил Кеаль, — но судя по твоему обескураженному виду, ты наверняка где-то близко от истины.

— Они все тут такие… ну, как Зентел? — воин теперь пожирал бога обмана глазами.

— Что ты. Они разные. В том-то и прелесть.

— А….

— Я был так любезен, что удовлетворил твое любопытство. Частично. Теперь, полагаю, мы можем перейти к интересующим меня вопросам, — остановил Антипова Кеаль.

— Можем, — энтузиазм Виктора разом угас, его взгляд вернулся к предметам на топчане. Он догадывался, о чем зайдет разговор.

— Что ты собираешься делать на турнире? — поинтересовался бог обмана. — Выигрывать?

— Как получится, — пожал плечами Антипов. Теперь его уверенность в том, куда клонится разговор, окрепла.

— Честно не получится, — Кеаль сделал ударение на первом слове, подтверждая догадки собеседника.

Тот печально посмотрел на золотистую фигуру и снова решил сказать правду.

— Может быть и нет. Но по-крупному я обманывать не собираюсь. К чему мне рисковать сейчас и подставляться? Моя задача — выиграть несколько сражений и понравиться графине. Если получится, то хорошо. А не получится… что же, я пытался, это все знают.

— Ты совсем недавно намеревался встретиться с распорядителем турнира, — сообщил Кеаль. — И прихватить с собой золото. Это ведь неспроста.

— Да я ведь меньше трех месяцев тренировался! — воскликнул Антипов. — А они — годами, с самого детства. Разве не будет справедливо, если бы я чуть-чуть подкорректировал сражения, чтобы не опозориться в первом же круге?

— Справедливо, — согласился Кеаль. — Но зачем останавливаться на этом? Иди дальше. Устрой здесь что-нибудь… в своем стиле. Как тогда в Парреане. Такого потока силы от действий одного-единственного человека мне еще не

приходилось получать.

— Нет, — голос Виктора был тверд. — Зачем мне это? Чтобы в случае провала меня схватили? В Парреане я сделал так, потому что другого выхода не было. А здесь зачем нужен такой риск? К тому же, ни графиня, ни другие участники турнира мне не сделали ничего плохого. К чему обижать ни в чем не повинных людей? Это ведь будет мошенничество уже не ради спасения жизни, а ради… кстати, ради чего?

— Ради победы. И где тут мошенничество? — Кеаль начал говорить вкрадчиво. — Ты разве не понимаешь, что они все, совершенно все участники, твои враги?

— Почему враги? — с подозрением осведомился Антипов.

— Потому что если жрецы Зентела потребуют от них напасть на тебя, схватить тебя или убить, они это сделают. С колебаниями или без, но сделают. Получается, что ты здесь во враждебной среде. Эти воины, как ты выразился, — враги тебе и твоему Аресу.

— Прости, но это — рассуждения на отвлеченные темы, — покачал головой Виктор. — О каких врагах и какой победе ты говоришь? Или полагаешь, что я придумаю что-то такое, что позволит мне победить всех остальных? Я могу только испортить турнир, превратить его в хаос, да и то, если повезет. И это все. Или ты меня одаришь чем-то полезным в военном деле? Дашь силу, скорость?

— Нет, — Кеаль ответил без раздумий. — Это не по моей части. Могу дать удачливость. Временную.

— Удачливость в сражениях? — оживился Антипов.

— В азартных играх, — охладил его пыл бог обмана. — Или в подлых ударах. Хочешь? Любой подлый удар достигнет цели и нанесет максимальный ущерб! Это тоже слегка не по моей части, но ради тебя я постараюсь. Представь, ты бьешь в темноте ножом в спину и всякий раз попадаешь точно в сердце!

— Офигеть. Ты предлагаешь мне перерезать ночью всех участников турнира и так победить или что-то типа этого? Спасибо, Кеаль, я тронут. Если бы это слышал Арес, то даже не знаю, как бы отреагировал. Пожалуй, вам пока не стоит встречаться.

— Вот поэтому я здесь, — глубокомысленно произнесла полупрозрачная фигура, видимо, ярко представляя себе реакцию бога войны на подобные предложения.

— А почему бы тебе самому не попробовать? Смотри, сколько народу кругом. Праздник! Подложи им сам крупную свинью. Но без меня.

— Я не могу, — ответствовал Кеаль. — Местные маги сразу же почуят, что вмешивался кто-то из богов. А тут есть такие

проныры, которые определяют не только наличие божественной силы, но и ее принадлежность. Вот они удивятся, если обнаружат незнакомца. А разоблачать себя, имея в запасе лишь одного хорошего последователя, я не могу. К тому же, если буду что-то делать сам, то это не принесет мне особенной пользы. Нужно, чтобы этим занимался другой. Мой жрец.

— Так, значит, я у тебя все-таки один или почти один? — вздохнул Антипов. — Мне жаль, но помочь не сумею. Ты и так неплохо питаешься от моих шуток. Неужели этого мало?

— Мало. Конечно, мало! — или Виктору показалось или Кеаль начал горячиться. — Ты, конечно, у меня не один, но все-таки самый лучший. И что бы не думали вы с твоим Аресом, скоро придет время, когда и он и я выступим как одна сила. Твой покровитель может делать вид, что не желает союза со мной, но все равно понимает, что придется его заключить. Союз неизбежен! И мне бы хотелось быть к этому моменту во всеоружии.

— Вот и поговори с Аресом об этом. Кроме бессмысленного риска, на который я не пойду, портить праздник графине и остальным что-то не хочется. Я буду жульничать, но слегка. Беспредел не стану устраивать.

Кеаль замолчал, казалось, что он думает. У Виктора не было никаких представлений о том, с какой скоростью происходят мыслительные процессы у подобных существ, но почему-то казалось, что гораздо быстрее, чем у обычного человека.

— Меня разочаровали и первый и второй наши разговоры, — сказал наконец бог обмана. — Но я не в обиде. Уже даже забыл, когда в последний раз обижался, да и вообще испытывал сильные чувства. И понимаю тебя — ты в сложной ситуации. Прибыл из другого мира вместе с таким спутником, который тебе тоже не особенно-то нравится, но ты от него зависишь… У тебя создается впечатление, что все чего-то требуют, хотят, чтобы ты выполнял их желания, но это впечатление ложное. Ты поступаешь так, как выгодно тебе в первую очередь, и я это легко докажу.

— Как же? — заинтересовался Антипов, которому действительно казалось, что он решает сугубо чужие проблемы.

— Встреться с графиней этим вечером во время ужина. Посмотри на нее, поговори с ней, если получится, а потом приходи сюда. Ты увидишь, что-то, что я прошу, соответствует твоим прямым интересам. Выгода будет! Прямая выгода!

Виктор не особенно поверил богу обмана. В самом деле, что может оправдать крупную диверсию, на которой настаивал Кеаль? Практически ничего. Здесь и жрецов-то нет. Другое дело — мелкое мошенничество, которое направлено лишь на то, чтобы 'сохранить лицо' во время турнира. Антипову были присущи и

благородство, и честность, и правила этики, но в умеренных, отнюдь не запредельных количествах. Он не стал бы совершать жульнические поступки ради обогащения. Ни за что и никогда! Но вот ради спасения своей жизни — сколько угодно. И он делал так в Парреане. Но сейчас-то угрозы жизни не было, а имелся простой выбор: либо ты предпринимаешь что-то, либо с высокой вероятностью позоришь себя на турнире и уезжаешь ни с чем. Забавная дилемма: бесчестный поступок направлен на сохранение чести. Но еще забавней другое — Виктору только что пришла в голову мысль, что ради спасения небольшой чести и неблаговидные поступки полагается делать небольшими. А вовсе не то, что предлагает бог обмана.

Поэтому несколько минут спустя Виктор шел по некрашенному деревянному полу темного коридора и интенсивно размышлял о том, что же имел в виду Кеаль, когда сказал, что найдется оправдание для крупной диверсии. Антипову совсем ничего не приходило в голову. Вряд ли бог имел в виду, что его жизни будет угрожать опасность. С чего бы вдруг? Но если не это, то что тогда? Что?

Сквозь узкие бойницы виднелся закат. Солнце садилось очень интересно: оно еще не достигло стен, но спряталось за башенку с зубчатым верхом. Эта башенка казалась обхваченной со всех сторон мягкими красными лучами. Изменился ее цвет и даже в форме появилась какая-то округлость. Иллюзия, конечно, но она наводила на мысли, что башенка не принадлежит этому замку, а относится к прекрасному небесному дворцу, о котором наверняка сложено множество сказаний и мифов. Жаль только, что Виктор с ними не знаком. Но если так пойдет дальше, то он наверняка внесет свой вклад в местную мифологию. И какой-нибудь доморощенный Гомер напишет о нем так: 'Ролт, великий и честный герой, вернувший истинных богов, сумел одолеть силы Тьмы…. Или так: 'Ролт, безумный и коварный авантюрист, жрец двух самозванных богов, пал под могучим ударом сил Света…. И вне зависимости от исхода, все эпитеты касательно Виктора будут правдой.

Глава 3.

Антипов еще в прежнем, своем мире любил наблюдать за творчеством уличных художников, пишущих чей-то портрет или создающих пейзаж. Он останавливался за их спиной и, нежно сжимая руку очередной подруги, шептал ей на ушко комментарии. Что вот, положен неверный мазок, выбран неправильный цвет, да и вообще взят не тот ракурс. За свою жизнь Виктор не написал ни одной картины даже акварелью, да и в целом лучше всего у него выходили лишь неровные круги с помощью цветных карандашей. Но подруги внимали, не моргнув глазом. В конце концов Антипов так осмелел в своих замаксированных шутках, что проводил параллели между означенными уличными художниками и стилем Дега. Не то, чтобы Виктор помнил хоть одно полотно Дега, нет, просто ему нравилось это имя. И когда некоторые из его девушек признавались в том, что закончили художественную школу или училище, Антипов пожимал плечами и говорил, что лучше всего по-прежнему учат в Париже и если подруга хочет достичь каких-то высот, то ей, несомненно, придется переучиваться.

Вот и сейчас Виктор стоял и наблюдал за фехтовальным мастерством некоторых участников будущего турнира. Многие из них были сродни художникам. Те клали мазки уверенной рукой, а эти проводили привычные комбинации ударов.

Антипов попал случайно во двор, который был окаймлен низким кустарником и расположен за донжоном. Мужчина искал распорядителя турнира и ему указали на это место. Выяснилось, что тут происходят увлекательные события. А именно — тренировочные схватки дворян.

Когда Виктор увидел это, то подумал о том, что если бы подобного места не существовало, его следовало бы немедленно ввести в обиход. Ведь что может дать информацию о противниках новичку? Только наблюдение за ними. Возможно, остальные дворяне знали друг друга, догадывались о сильных и слабых сторонах, но Антипов вообще в первый раз лицезрел большинство присутствующих. И ему приходилось бороться с желанием раздобыть бумагу, чтобы тут же записывать достоинства и недостатки потенциальных конкурентов.

Турнир должен был состоять из состязаний нескольких видов. Сюда относились индивидуальные пешие соревнования с мечом и щитом, мечом без щита, двуручным копьем, копьем и щитом, а также классические конные соревнования с копьем.

Индивидуальных видов было ровно пять. В каждом из них выявлялось два победителя, обладателей первого и второго мест, которым вручались большие и малые кольца. После того, как эти пять состязаний будут завершены, назначалось последнее, групповое — ристалище. В нем две команды противостояли друг другу, ведомые лидерами. Участникам, проявившим себя, тоже вручались кольца. Затем количество полученных наград подсчитывалось и выявлялся абсолютный победитель. Официальным призом был старинный меч с безыскусной рукоятью и потрясающими свойствами лезвия. Он когда-то принадлежал знаменитому герою Ролаа, который, по слухам, занимался методичным истреблением арнепов и трехруких, магов. Поговаривали даже, что его смерть была обусловлена тем, что герой опрометчиво бросил вызов одному из богов. Великий воин пал, а меч остался. Неофициальным же призом являлась рука графини вместе с таким пустяком, как крупное и процветающее графство.

Сейчас Виктор стоял, прислонившись к белой каменной статуе сидящего льва, и, забыв о желании отыскать неуловимого распорядителя, любовался тренировками. Двор казался довольно большим, примерно метров тридцать на двадцать. Вдоль низкого кустарника были расположены скамьи и статуи различных животных в разнообразных позах: львов, волков, медведей, но больше всего было лисиц. Землю, покрытую густой травой, еще никто не успел вытоптать, поэтому она больше всего напоминала ухоженное футбольное поле, разве что без разметки. И на этом самом поле, в центре и по краям, находились люди в доспехах, но с деревянным оружием.

Антипов сначала окинул сцену быстрым взглядом, а потом начал осматривать медленно, уделяя внимание каждой мелочи. Многие дворяне сжимали в руках мечи и щиты, нападая, отступая и осторожно перемещаясь вокруг своих противников, но один, великан в черных доспехах, то ли покрашенных, то ли обладающих таким естественным цветом, держал лишь один меч. Его соперники все время сменяли друг друга. Получив удар, один уходил, а на его место заступал другой. У них у всех были щиты, но это нисколько не смущало великана. За несколько выпадов он находил незащищенную часть тела противника и разил туда. К нему выстроилась очередь из шести-семи дворян и проигравшие становились в ее конец. Получался какой-то круговорот.

Приглядевшись, Виктор опознал в умелом бойце того, кого мысленно назвал 'Жаном Маре'. Его голову закрывал конический шлем с защитой для носа, поэтому нижняя часть лица была хорошо видна. Тонкие губы со слегка опущенными вниз уголками

и массивный подбородок придавали очень мужественный вид. И, судя по воинским умениям, вид соответствовал содержанию. Чем больше Антипов смотрел на него, тем больше убеждался, что должно пройти еще немало времени, прежде чем он сам хотя бы близко подойдет к такому мастерству.

Вообще, последние два месяца отзывались болью во всем теле, даже если Виктор просто вспоминал то, что происходило на их протяжении. Когда было принято решение о том, что Ролт отправляется на турнир, за Антипова взялись сразу трое: десятник Нурия, сотник Керрет и сам господин барон. Без всякой жалости и сострадания они гоняли его дни напролет. Виктор, забыв не только о личной жизни, но и о том, что она когда-то была, бегал, прыгал, рубил, колол, подставлял щит, падал, вставал, бросал щит с проклятьями, топтал его, поднимал, извинялся, снова рубил, колол, разучивал приемы и финты, повторял их, садился на лошадь с тихой ненавистью к ней, слезал с нее с ненавистью к себе и так до тех пор, пока обессиленный не валился на койку. Чтобы на следующий день снова пройти все круги ада и испытать те же чувства.

Господин барон дошел даже до того, что приказал всем своим дружинникам показать Ролту тайные приемы, которыми они владели. Алькерт ан-Орреант гарантировал, что их никто, кроме новоиспеченного дворянина не узнает. Поэтому Виктор встречал учителей по одному в пустой комнате замка, получал или не получал желаемое и распоряжался о награде в зависимости от ценности урока. Антипов запоминал все быстро, дар Ареса, способность к стремительному обучению двигательным навыкам, работал без сбоев. Лишь малая часть продемонстрированного оказалась действительно полезной. В этом мире не существовало универсальных школ фехтования. Знания о том или ином предмете, как правило, не выходили на пределы небольшой группы лиц, передаваясь от учителя к ученикам. Поэтому побеждал обычно не только тот, у кого был больше опыт реальных боев, но и тот, кто владел разнообразными приемами нападения и защиты. Бывали случаи, когда малоопытный воин, быстрый и знающий в совершенстве одну из секретных связок, одолевал более опытного противника, который был с подобными финтами незнаком. И в случае смерти бойца или его неспособности запомнить происходящее, губительная связка продолжала свое триумфальное шествие до тех пор, пока не наталкивалась на кого-то, кому уже была известна.

Когда прошел месяц, барон вызвал из Парреана Пексту, известного учителя фехтования, у которого Виктор прежде уже брал уроки. Пекста пробыл в замке десять дней и весьма

разнообразил жизнь Антипова. По сути, это был тоже ад, но другого вида. Учитель честно отработал заплаченные ему деньги. После занятий будущий рыцарь поднялся еще на одну ступень, став самым сильным, самым избитым и самым несчастным бойцом замка ан-Орреант. Но все понимали, что и этого недостаточно для победы.

Во дворе графини Антипов любовался великаном в черных доспехах ровно столько, сколько было достаточно, чтобы понять, что этого бойца ему не одолеть, а потом сосредоточился на его противниках. Они были разные, но, по оценкам Виктора, треть из них все-таки превосходила в мастерстве нового сына барона ан-Орреанта. Молодому воину очень сильно захотелось знать, кто есть кто и классифицировать своих конкурентов.

Справа и слева от Антипова на самом краю поля находились двое дворян. Один из них, блондин с подкрашенными черными усами и в роскошной фиолетовой шляпе, сидел на скамье в элегантной позе и что-то диктовал человеку в простой одежде, услужливо наклонившемуся к нему. Человек записывал сказанное на большом листе, то ли бумажном, то ли пергаментном, свернутом в трубочку.

'Это — шпион, господин Зорге, — безошибочно определил Виктор. — Пока великан сражается и демонстрирует всем свое недюжинное умение, владелец фиолетовой шляпы внимательно наблюдает за остальными. Вон как зыркает в мою сторону. Видимо, хочет знать, что я из себя представляю. Наверное, умный тип. И богатый. Опасное сочетание. Ну ладно, разберемся потом чего у него больше: ума или богатства'.

Антипов посмотрел направо и увидел молодого мужчину в кожаной куртке, расшитой серебром, почти юнца, который стоял, как и он, прислонившись к одной из статуй. Незнакомцу совершенно нечего было делать, судя по тому, как он равнодушно поглядывал по сторонам. Либо военные забавы не интересовали его, либо он уже знал, чего ожидать от всех присутствующих. Помедлив, Виктор напустил на себя самый любезный вид и направился к соседу.

— Добрый вечер, — сказал он с легкой вежливой улыбкой и небольшим поклоном. — Меня зовут Ролт ан-Орреант. Отличная погода, не правда ли?

— Приветствую, — незнакомец поклонился в ответ. — Я — Ипика ан-Фадор. Погода хороша, но лучше бы начался дождь. Тогда мой брат Анкелм, наследный барон ан-Фадор, успокоился бы, перестал скакать с мечом и мы пошли бы в дом.

Антипов улыбнулся шире. Ему понравилось и происхождение собеседника и его ответ. Нужно было развивать успех.

— Вы правы, нам тут только дождя и не хватает, — ответствовал Виктор. — Вы вместе с вашим братом решили принять участие в турнире?

— Он решил все за меня, — рассмеялся Ипика, показав белые крупные зубы. Его смех был заразительный и искренний. — Знаете, я всегда гордился им, но вдруг понял, как он наивен. Вы только посмотрите на этих… особенно на барона ан-Суа! Разве у кого-то есть шансы против него?

Виктор догадался, что собеседник имеет в виду великана в черных доспехах.

— А если сюда прибудет Менел, как говорят, — энергично продолжал Ипика, — то можно из замка даже не выходить. Турнир перестанет быть интересен!

— Вы тут знаете всех? — спросил Антипов. — А то я совсем ни с кем не знаком.

— Тут половина моих соседей, — поспешно ответил юноша. — А другая половина — постоянные участники турниров. Я с ними познакомился еще с прошлой зимы, когда впервые принимал участие в состязании мечников. Вылетел с треском. А вы тоже решили попытать счастья?

— Что вы, только не счастья. Мне постоянно не везет, — сообщил Виктор. — Если бы этот турнир был на удачливость, я бы даже до него, наверное, не доехал. С лошадью бы что-нибудь случилось или со мной в пути.

— А что же, вы — замечательный боец? — широко раскрыв глаза спросил Ипика.

— Вовсе нет, — отверг лестное предположение Антипов. — Боец так себе.

— Тогда как вы собираетесь выигрывать в турнире? — удивился юноша. — Или не собираетесь? Приехали просто, чтобы принять участие?

— Конечно, собираюсь, — Виктор говорил серьезным тоном. — Но я подумал, а вдруг здесь фехтовальщикам сильнее меня будет везти меньше, чем мне, а те, кому везет больше, окажутся фехтовальщиками слабее, чем я?

Ипика наморщил лоб, пытаясь понять столь странную логику, а потом снова рассмеялся.

— Да вы шутник, господин ан-Орреант! — воскликнул он.

— Можно просто Ролт, — сказал Виктор, чувствуя, что дело двигается в нужном направлении.

— А меня называйте просто Ипика! — юноша подтвердил предположения коварного Антипова.

— А кто это сидит на скамье в фиолетовой шляпе? — Виктор сразу решил воспользоваться налаживающимися отношениями.

— О, это Женар, старший сын графа ан-Котеа. Говорят, что ему наша хозяйка благоволит. А еще он немного нечестно ведет себя на турнирах. Не то, чтобы жульничает, но судьи ему подсуживают. Все спорные удары трактуются в его пользу. Вроде и урона чести нет, но все же как-то неприлично это все. А боец он неплохой. И к турнирам очень хорошо готовится, собирает мельчайшие сведения о каждом участнике.

— Надо же, — возмущенно покачал головой Виктор, почувствовавший появление конкурента. — Какой нехороший человек! Мы стоим на страже нашей дворянской чести в целом, а такие как он позволяют себе бросать на нее тень!

Антипов был преисполнен величественного негодования. Он был готов приложить владельца фиолетовой шляпы еще не такими обличающими эпитетами, если бы это помогло тому куда-нибудь сгинуть. Но, поразмыслив, решил не торопить события. Ведь в целом первый день прошел очень плодотворно — наметились два основных противника: барон ан-Суа, боров в доспехах, и хитромудрый графский сынок Женар, составляющий скрупулезное описание каждого рыцаря, невзирая на то, встречался он с ним раньше или нет.

В целях укрепления намечающейся дружбы, Антипов немного пофехтовал с Ипика. Виктор даже не ожидал, что когда возьмет щит и деревянный меч, это вызовет такой всплеск внимания со стороны всех присутствующих. Он видел, как соседи по полю косились на него, а графский сынок, сидя на скамье, откровенно и пристально рассматривал. Но молодой воин был не лыком шит. Представитель замка ан-Орреант быстро определил, что уровень Ипика — добротный середнячок, примерно между Нарпом и Нурия. Поэтому Антипов не стал раскрывать свои способности в полной мере, а решил действовать точь в точь как Нурия. Со стилем одного из своих учителей он ознакомился досконально за последнее время. Можно сказать, что прочувствовал все на себе.

Примерно через двадцать минут внимание окружающих ослабло. Виктор не показал ничего выдающегося, но стабильно выигрывал две трети схваток у своего юного противника. Мужчина, сидящий на скамье, следил за новичком дольше всех, но, в конце концов, отвернулся. Антипов мог вздохнуть с облегчением — его не сочли серьезным противником, поэтому до начала соревнований можно не опасаться никаких подвохов.

После того, как вечерний сумрак окутал двор, тренировки прекратились. Виктор познакомился со старшим братом своего нового приятеля, выслушал несколько мудрых советов по улучшению фехтовального мастерства, а потом вместе с Ипика отправился на розыски распорядителя турнира.

Юный дворянин без устали просвещал благородного Ролта насчет остальных дворян. Антипов сделал правильный выбор, прямо в яблочко. Сверстников Ипика тут не имелось, а умудренные опытом бойцы не хотели тратить время на общение с почти мальчишкой. Поэтому младший сын барона ан-Фадора изнемогал от безделья. Виктор же был само внимание и жалел лишь о том, что у него нет с собой компьютера, чтобы создать базу данных и классифицировать участников по их достоинствам и недостаткам.

— Ролт, а не хотите ли взглянуть на этот меч? — спросил юноша, проходя мимо одной из стен донжона. — Он должен быть где-то поблизости. Вон за тем окном или за этим. Нет, за тем! Точно за тем!

— О каком мече вы говорите? — рассеянно поинтересовался Виктор, пытающийся запомнить только что полученную информацию, гласящую, что барон ан-Крата был специалистом по фехтованию мечом, но без щита, а барон ан-Крета прославился в боях с копьем.

— Как о каком? О призовом! — темные глаза Ипика горели то ли в свете чадящих факелов, то ли от предвкушения незабываемого зрелища.

Только тут Антипов вспомнил, что меч является формальным призом турнира.

— А что в нем интересного? — спросил он. — Или нам дадут его подержать в руках?

— Не дадут, — мотнул головой юноша. — Точно не дадут. Брат говорил, что меч лежит в железном решетчатом ящике, который заперт на замок. Но может быть, если мы заглянем в окно, то что-нибудь увидим? Я слышал, что его лезвие блестит ярче зеркала!

— Так темно же, — резонно возразил Виктор. — Скоро вообще стемнеет.

— Ну а вдруг увидим? — продолжал настаивать Ипика. — Мы ведь одним глазком! Да и окно рядом. Заглянем и все.

Они находились на пустынной части замка между зданием донжона и внутренней стеной. Там тоже проходила дорожка из черного камня, которая местами почти утопала в давно не стриженной высокой траве.

— Ну, посмотрим, если вы так хотите, — Антипов не хотел обижать отказом такого ценного союзника. — Где окно?

— Да вот, — Ипика показал на черный прямоугольник в каменной стене, нижняя часть которого располагалась на высоте человеческого роста.

— Тут подсаживать надо. Иначе не достать, — Виктор сразу

же оценил объем работ. — Да и не видно ничего. Может, завтра утром?

— Но мы же здесь, Ролт! Заглянем, а?

— Ладно. Только вы полезете, а я вас подсажу, — Антипов не видел особого вреда в том, чтобы выполнить просьбу юноши. Все равно поблизости нет ни души, так что пусть Ипика убедится сам, что внутри нельзя что-либо рассмотреть.

Они подошли к окну поближе, юноша попытался подтянуться самостоятельно, схватившись пальцами на нишу, но из этого ничего не вышло. Руки скользили, а ноги не находили опоры в тщательно подогнанных камнях.

Виктор сцепил кисти в 'замок', Ипика встал туда одной ногой, распрямился и, наконец, за что-то ухватился.

— Окно не заперто! — горячо зашептал он. — Похоже, щеколда поломалась.

Антипов уже знал, что в графском замке в некоторых местах имеются самые настоящие рамы. На первом этаже к этим рамам были приделаны железные решетки, плотно прилегающие к стеклам. Если окно открывалось, то и решетка открывалась вместе с ним.

— Вы куда полезли? — с тревогой спросил Виктор, обнаружив, что ловкий юноша начал карабкаться вверх.

— Так не видно же ничего, — шепотом ответил Ипика. — Я только в окно пролезу, может, будет лучше.

Антипов мысленно выругался. Его совсем не привлекала возможность оказаться застигнутым при проникновении в помещение с хранящейся там реликвией. Кто знает, какие у него планы? Поди объясни потом, что собирался просто посмотреть. Он решил, что останется внизу, невзирая ни на что.

Тем временем неугомонный Ипика полностью исчез в черном проеме. Виктор слышал бормотание юнца, который сетовал на то, что по-прежнему плохо видно, что нормально идти мешают какие-то тумбочки, большая кровать занимает слишком много места, а сундук вовсе не решетчатый.

В голову Антипова закралось смутное подозрение, что в том месте, где хранится такой меч, никаких кроватей быть не должно. Но потом он отверг эту идею, предположив, что артефакт находится в одной из спален. От размышлений его отвлек громкий шепот Ипика.

— Ролт! — шипел тот изо всех сил. — Ролт! Помогите! У меня тут неприятность!

— Что случилось? — спросил Виктор, старательно вглядываясь во тьму, хотя точно знал, что ничего там не увидит, слишком высоко.

— Я застрял, Ролт! Палец застрял!

'Приехали, господин Достоевский, — с раздражением подумал Антипов. — Наказание уже есть, теперь дело за преступлением'.

— Как застрял? Где?

— В сундуке, Ролт! Я его сунул в замочную скважину, думал, открою, посмотрю.

Виктору не понравилось то, что он услышал. Из неприятной ситуации имелись два выхода. Либо уйти, оставив все, как есть, либо попытаться помочь. Уход ничего не решал, напротив, приводил к печальным последствиям, если юнец будет схвачен и сообщит, что пришел сюда с сообщником. Да и некрасиво бросать приятеля в беде.

— Сейчас, подождите. Постараюсь залезть, — буркнул Антипов, примериваясь к стене.

Он подпрыгнул и, пользуясь тем, что его рост выше Ипика, а окно уже распахнуто, сумел сразу же ухватиться за раму. Подтянулся, кряхтя, и втиснул свое тело в узкий проем. Скользнул внутрь комнаты и оказался на полу, покрытым роскошным и мягким ковром. Виктор немного постоял у окна, чтобы позволить глазам привыкнуть к темноте, и вскоре обнаружил огромную кровать под балдахином. В углу комнаты рядом с большим сундуком уныло сидел Ипика.

— Это чья-то спальня, — шепнул Антипов, двигаясь к страдальцу мимо зеркала над столиком с изогнутыми ножками. — Женская спальня, наверное. Что там у вас?

— Вот, — было очень плохо видно, но Виктору удалось рассмотреть, что палец юноши погружен в сундук.

Воин на ощупь определил, что там находится замочная скважина отнюдь немаленьких размеров.

— Как вас угораздило? Зачем туда пальцы совать? — Антипов не пытался скрыть недовольный тон.

— Я же посмотреть хотел, — начал оправдываться Ипика. — У моего отца есть похожий сундук. Если туда засунуть палец и согнуть, то можно поддеть самым его кончиком замок. Я так часто делал еще в детстве.

— Понятно. Смотреть больше ни на что не будем, — беззапеляционно заявил Виктор. — Сейчас я вас освобожу и — на выход.

Юноша кивнул, соглашаясь.

Антипов зашарил по одной из небольших полок, приделанных к стене на высоте пары метров. Эта была пуста, он перешел к следующей и обнаружил то, что искал — масляную лампу. Взяв ее в руки, Виктор капнул немного масла на палец

Ипика, действуя больше на ощупь, чем видя, что делает.

— Попробуйте сейчас, — прошептал он. — Подвигайте там пальцем и тащите!

Юноша дернулся и с радостным выдохом освободился.

— Все! К окну! — сказал Антипов, ставя лампу на место.

Ипика пошел вперед по направлению к прямоугольнику окна, казавшемуся даже ярким на фоне неосвещенной комнаты. Виктор уже предвкушал, что сейчас они выберутся и это неожиданное приключение, заставившее его понервничать, наконец завершится. Интересно, что сказал бы барон ан-Орреант, если бы ему сообщили, что его приемный сын схвачен за попытку украсть призовой меч? О, у Алькерта нашлись бы слова. Много разнообразных слов.

Юноша уже взобрался на окно и, свешивая ноги вниз, неожиданно произнес:

— Простите, Ролт, но я сейчас лишь сообразил. Это — другая сторона.

— Другая сторона чего? — нетерпеливо осведомился Виктор.

— Замка! Меч не тут, а там. Здесь ничего нет!

Антипов только собрался с присущей ему вежливостью и тактом высказать все, что он думает о способностях собеседника к ориентации в пространстве, а также о том, куда мужчине пристало совать пальцы, а куда — нет, как вдруг раздался подозрительный шум. Он весьма напоминал звук открывающейся двери, ведущую в эту комнату.

— Быстрее, Ипика! — прошептал Виктор, впадая в легкую панику. Его, конечно, утешала мысль, что меча тут нет, но ведь это мало что значило, потому что здесь есть он, Антипов. В спальне незнакомой женщины. С никому неясными намерениями по отношению к ее имуществу или к ней самой. Даже самому себе неясными.

Но юноша, как назло, замешкался. Дверной замок уже грохотал вовсю. Видимо, его смазывали в начале прошлого столетия, что, впрочем, не могло не радовать.

Виктор с ужасом понял простую вещь — он не успевает. Сейчас Ипика спрыгнет, а потом, буквально через секунду, распахнется дверь. Поэтому Антипов не стал особенно раздумывать а, отшатнувшись от окна, пригнувшись, нырнул под кровать, моля Ареса и Кеаля вместе взятых, чтобы его никто не услышал. Возможно, что какой-нибудь бог дверей и замков по ошибке принял эту мольбу на свой счет, но дверь распахнулась с таким скрипом, что Виктор ощутил огромное облегчение. Услышать что-либо, происходящее в комнате, было невозможно.

Тут же комната наполнилась светом. Антипов, скосив глаза в

щель между покрывалом и полом, заметил нижние края двух длинных юбок. Одна юбка, голубая, отошла к зеркалу и остановилась там, а другая, темно-зеленая, перемещалась по комнате, видимо, зажигая лампы, потому что становилось все светлее и светлее.

— Нужно здесь все починить, — раздался высокий и приятный голосок. — Дверь скрипит, а окно сломано. Распорядись, Вирета.

— Ваше сиятельство пожертвовали собой, когда отдали свои комнаты жрецам, — последовал ответ, произнесенный тоже неплохим голосом, но совсем незаметным на фоне первого. — Слуги еще не успели все сделать, но я их потороплю.

— Жрецы прибывают завтра утром?

— Да, госпожа. Очень хочется, чтобы они побыстрее схватили того, кого ищут, и убирались восвояси. Здесь ведь и без них тесно.

Виктор почувствовал, что по его лбу заструился пот. Он умел делать быстрые выводы и сразу же понял, что жрецы — это неспроста. Особенно, такие жрецы, которым графиня отдала свои комнаты. И кого они ищут, спрашивается? У Антипова было лишь одно предположение, и в тот момент он был готов отдать все, что у него есть из честно нажитого имущества (все пять медяков), за свою осведомленность в отношении других предположений.

Голубая юбка снова начала двигаться. Она отдалилась от столика и… упала на пол. Виктор увидел пару прекраснейших белых ножек, которые вышли сначала из лежащего платья, а потом сбросили изящные синие туфли.

— Мне нужно переодеться к ужину, — сказал первый голос, очевидно, принадлежащий графине.

— Еще не все платья доставлены, ваше сиятельство. Здесь только шесть, — Антипов заметил, как дверцы большого шкафа, стоящего напротив сундука, распахнулись.

— Не могу выбрать, что надеть, — графиня села на край кровати менее чем в метре от головы Виктора. Если бы он решился, то мог бы протянуть руку и дотронуться до обнаженных тонких щиколоток. И, без сомнения, ему этого очень хотелось. — Знаешь, Вирета, нам придется тяжело. Эти мужчины… их слишком много. И они говорят не то, совсем не то!

— Вашему сиятельству не нравятся кавалеры? — спросила Вирета. — Мне кажется, что среди них есть весьма сильные и достойные.

— Сильные — это точно, — с иронией в голосе ответила Ласана. — И их достоинство лишь в этом. Ты думаешь, почему я отличаю Женара? Он ведь умный человек. Но и здесь нет гарантий….

— Каких гарантий, госпожа?

— Во что превратится наша с тобой жизнь, Вирета, после моего замужества? Как ты считаешь? Я буду рожать детей и следить за замком, а муж — играть в кости, проводить время на охоте и иногда с кем-нибудь воевать. Пышные приемы, которые мы сейчас устраиваем, станут редкими событиями. Деньги графства пойдут в первую очередь на забавы мужчины, а уж потом на благо самого графства. И только жалкие крохи перепадут нам с тобой. Сейчас при моем дворе живут шесть поэтов и менестрелей. Я лично слежу, чтобы деревни при замке не бедствовали. Но это все изменится, ты понимаешь?

— Но ваше сиятельство сами решили выбрать лучшего воина. Конечно, он будет тратить деньги, прежде всего на солдат.

— А кого же мне еще выбирать, Вирета, с таким-то дядей? Вот если бы нашелся человек, верный, сильный и проницательный, который сказал бы так: 'Госпожа, я обо всем позабочусь сам. Удвою за год доходы графства, чтобы вы лично и опекаемые вами люди ни в чем не нуждались'. Вот тогда бы я сразу вышла за него.

Виктор, в который раз за сегодняшний день испытал непреодолимое желание законспектировать полученную информацию.

— Увы, госпожа, настоящие мужчины перевелись.

— Они никогда и не рождались, Вирета. Мы смотрим на мужчину через девичьи мечты и называем его настоящим, если он нам подходит. И как разочаровываемся, когда обнаруживаем малейшее отличие! Настоящий мужчина на самом деле представляет из себя ходячее собрание женских грез. Это же смешно. Будем практичными — нужно иметь дело с теми, кто существует в реальности.

'Однако, господин Ницше, графиня-то жжет, — подумал Антипов. — Любопытственный экземпляр. И икры просто замечательные'.

— Помнишь, недавно один из моих менестрелей посвятил мне песенку с таким припевом 'Ах, если бы здесь сейчас же появился мужчина, на которого я могу положиться во всем'? — продолжала графиня, снимая оставшиеся на ней предметы туалета, судя по тому, как ноги поочередно поднялись и опустились обратно. — Очень своевременная песенка и там не было ни слова о настоящих мужчинах! Однако я замерзла. Пусть принесут еще другие платья, Вирета. Нужен больший выбор.

— Я распоряжусь, госпожа. — темно-зеленая юбка подошла к двери. — Сейчас кликну служанок, они доставят всю одежду, а также тут немного приберут, пока вы будете одеваться. А потом,

когда мы уйдем на ужин, кто-нибудь починит дверь и окно.

'Кажется, пора сматываться, — мысль Антипова была очень прямолинейна. — Если сюда придут служанки, то непременно меня обнаружат. И что хуже — опознают. И тогда возникнет вопрос — что я делаю под кроватью графини? И вряд ли поверят в то, что я просто ищу тут призовой меч'.

Дверь со скрипом открылась и захлопнулась. Графиня осталась одна, а Виктор судорожно перебирал возможности побега. Ласана встала с кровати и отошла в дальний угол комнаты, к сундуку, в результате чего воин сумел увидеть не только ножки, но и то, что было сразу над ними. Зрелище привело его в восторг, несмотря на пикантность обстановки.

Однако Антипов сумел взять себя в руки и потянулся к свисающему покрывалу, проверяя, можно ли его быстро сдернуть с кровати. Выходило, что да, можно.

Графиня отворила ключом сундук и со стуком откинула крышку. Она стояла спиной к Виктору, и тот решил, что пришло время действовать.

'Ах, если бы здесь сейчас же появился мужчина, на которого я могу положиться во всем', - очень музыкально запела Ласана.

В эту же секунду из под кровати выкатилось тело Антипова, который, не останавливаясь, заворачивался с головой в желтое покрывало, сдернутое с кровати. Графиня, услышав шум, обернулась и пронзительно закричала. Однако Виктор не стал задерживаться в комнате. Покрывало кое-как пропускало свет, поэтому воин шагнул к окну, нащупал его, распахнул и вывалился наружу, сопровождаемый удивительно звонким и мелодичным криком. Если бы он позволил графине закончить припев, то узнал бы, что мужчина из песни, 'на которого можно положиться', тоже не стал задерживаться, а побежал выполнять работу на благо замка.

Глава 4.

Поздним вечером резко и внезапно похолодало. Ветер стих, каменные стены покрылись обильной росой, вышла яркая луна — все указывало на хорошую погоду завтра. В донжоне во многих окнах горели огни, и если смотреть на него издалека, то создавалось впечатление, что видишь многоэтажный дом из мира Виктора. Обычный городской дом, который готовится отойти ко сну, чтобы отдохнуть от суетного дня, а утром выпустить из своих недр торопящихся жильцов. Вот только никакого города вокруг донжона не было. Да и жители мало напоминали обитателей мегаполиса. Если, конечно, судить по одежде, а не по мыслям и желаниям.

Виктор вернулся в свою конуру взволнованный. Его не беспокоили отличия между людьми Земли и этого мира, а одолевали совсем другие проблемы.

— Скорее, Рикста! — сказал он, ворвавшись в комнату. — Доставай новые башмаки, а с этими что-нибудь сделай, чтобы никто их даже не нашел.

— Что случилось, господин? — слуга, сидящий на топчане, поразился всклокоченным волосам и странному виду Ролта.

— Я только что побывал у графини, вот что, — ответил Виктор, плюхаясь на свою кровать и яростно стаскивая запылившиеся серые башмаки.

— Ее сиятельство была милостива к вам? — с надеждой в голосе спросил Рикста. Ему не очень-то понравилось здесь, и он мечтал о скорейшем возвращении, потому что у барона ан-Орреант после возвышения Ролта, его личный слуга стал важной персоной.

— Очень милостива, очень, — согласился Антипов, не уделяя своим словам особенного внимания. — Даже разделась.

— Она согласилась выйти за вас замуж? — в голосе Риксты звучало восхищение. Он, конечно, всегда верил в незаурядные способности господина, но чтобы так, в первый же вечер, через несколько часов после прибытия при наличии стольких конкурентов….

— Еще не согласилась, но доказала, что изъянов не имеет. Я считаю, что каждая женщина просто обязана так поступать перед замужеством, — Виктор, наконец, справился с башмаками. — Ну, давай другие! И кстати, если кто-то будет спрашивать, то говори, что почти весь вечер до ужина я провел здесь.

Рикста, впав в привычное состояние недоумения, начал

копошиться в сумках, разыскивая обувь. Антипов не был таким дикарем, каким показался дворянам сначала. Он, конечно, взял с собой сменную одежду специально для торжественных случаев. Два костюма, один коричнево-красный, а другой темно-синий, представляли из себя длинные куртки типа 'котарди'. Они застегивались спереди на пуговицы, а также подвязывались поясом на бедрах.

Сейчас Виктор решил остановиться на коричнево-красном костюме. Все-таки первый ужин в присутствии графини. Ему было немного жаль старых и проверенных временем башмаков, но оставлять он их не собирался — Ласана могла заметить его обувь, когда он выпрыгивал в окно. Насчет всего остального Антипов был спокоен — покрывало оказалось достаточно плотным и сейчас валялось где-то на земле на некотором расстоянии от окна графини. Незадачливый лазутчик немного пробежал в нем на случай, если обнаженная женщина решит рискнуть и выглянуть в окно.

— Завтра еще жрецы приедут, — буркнул Виктор, приступив к переодеванию. — И чего им дома не сидится? Есть такая пословица — если долго ждать на одном месте, то все, кто нужен, рано или поздно пройдут мимо. А у этих жрецов никакой мудрости. Суетятся, бегают, пытаются кого-то поймать….

— Так это они за вами? — ахнул Рикста.

— За нами, — поправил его Антипов. — Если что, то на эшафот пойдем все вместе, ведомые мной и бароном. А может нас по-тихому удавят в подвале какого-нибудь храма. Как знать? Только самоубийцам известно, как они умрут, а нормальные люди в лучшем случае догадываются лишь о том, за что они умрут.

— Так бежать ведь нужно, господин! — слуга выронил только что найденные коричневые башмаки.

— Зачем бежать? — удивился Виктор. — Прямой опасности я не вижу, если рассуждать без эмоций. А так как все мои эмоции сосредоточены на графине, то жрецам, конечно, ничего не досталось.

— Но разве они не схватят нас? — Рикста устремил на господина встревоженный взгляд.

— С чего бы это? Вот давай рассуждать, — Антипов поспешил успокоить слугу, на которого его слова о преждевременной смерти произвели большое впечатление. — Если жрецы и знают мою внешность, то очень приблизительно. К тому же, ищут не воина, а какого-нибудь безумного шутника. Они наверняка уже приставили своих людей ко всем крупным дворянам. А сюда едут лишь потому, что турнир-то большой, а безумный шутник может

попытаться устроить здесь какую-нибудь каверзу.

— Но вас-то видели, господин! — Рикста простер руки к Виктору, словно умоляя его немедленно все бросить и бежать. — И меня тоже!

— По-настоящему я опасаюсь лишь двоих, — размеренно ответил Антипов. — Сотника храмовой стражи и парреанского десятника. С ними перекинулся несколькими фразами. Но и то, тогда было темно, цвет моих волос отличался от обычного, а выражение физиономии казалось всем еще более дурацким, чем всегда. Если увижу их завтра в свите, то, конечно, можно и бежать. Иначе — остаюсь. Мои шансы у графини резко пошли в гору. Пусть она об этом еще не знает.

Примерно через полчаса Виктор, одетый в новый костюм, шел, слегка поскрипывая башмаками. Путь лежал в трапезный зал. Ему встречались другие гости, они вежливо раскланивались и общим потоком вливались в большие деревянные двустворчатые двери, украшенные барельефами, изображающими лисиц.

Молодой воин едва вошел в просторное помещение и не успел даже оглядеться, как чья-то рука тронула его за рукав. Повернувшись, Антипов увидел Ипика, который с заговорщицким видом манил его в сторону. Виктор быстро осмотрелся, заметив огромный стол посередине зала, стены, выложенные белой плиткой, потолок с лепниной и высокие окна.

— Что там случилось, Ролт? — нервно спросил Ипика, оглядываясь по сторонам. — Вы удачно выбрались?

— Не совсем, — тихо ответил Антипов. — Меня чуть не поймали. Знаете, с вас причитается.

— Понимаю, — кивнул юноша. — Но вы ведь никому не расскажете?

— Нет, — покачал головой Виктор. Он догадывался о том, что сообщение о пальце дворянина, застрявшем в чужом сундуке, может сильно повредить репутации этого самого дворянина. Ипика был, как никто заинтересован в сохранении тайны.

— А чья эта спальня-то? — полюбопытствовал успокоенный юноша.

— Одной очень высокопоставленной особы, — ответил Антипов. — Положение этой особы настолько высоко, что она даже не заметила меня, лежащего на полу.

— У некоторых дворян слишком развито чувство гордости, — с рьяным осуждением, свойственным молодости, заметил Ипика. — Они привыкли смотреть всегда наверх.

— Данной особе есть чем похвастаться и без титула, — хмыкнул Виктор. — Но пойдем садиться. Где тут наши места?

— Нужно спросить у дворецкого. Он все знает, — отозвался юноша.

Антипову уже приходилось встречать людей, которые знают все. Очень неприятные личности. Упрямые, ограниченные, верящие в то, что только их мнение ценно, формирующие это самое мнение на основе сплетен и умозаключений таких же, как они. И что, удивительно, их образование могло быть любого уровня: от отсутствия всякого до научных степеней. Когда Виктор видел детей людей, знающих все, ему хотелось подойти к малышу и закричать изо всех сил на ухо, чтобы тот запомнил как следует: 'Не бери пример с родителя! Никогда не думай, что знаешь все! Все знают только те, кто перестал что-либо узнавать! К счастью, дворецкий не принадлежал к кругу всезнаек. Он был уже проверен и зарекомендовал себя как мелкий жулик, хорошо относящийся к своим обязанностям. Такому можно довериться.

Однако желание Виктора найти дворецкого не осуществилось. Точнее, найти его удалось, потому что Ракла находился в том же зале, а вот поговорить с ним не представлялось возможным. Дело в том, что бедный толстый и лысый человечек пребывал между двух огней, а именно — рассерженных барона ан-Суа и графского сынка ан-Котеа. Первый, одетый в черный костюм, видимо, традиционных для него цветов, взирал с надменной и подчеркнуто равнодушной миной на соперника, Женара. Тот же, в вызывающе дорогом красно-золотом наряде, покраснел от гнева, под стать своей одежде, но стоял с таким видом, словно решил умереть на месте, но не отступить ни на шаг. Дворецкий суетливо заглядывал в глаза то одному, то другому, что-то бормотал, увещевал, но его старания не приводили ни к чему. Соперники бросали Ракле слова сквозь зубы, а сами соревновались то ли в оскорблениях, то ли в остроумии, Виктор не смог этого понять сразу, потому что, находясь на значительном расстоянии, не слышал точных выражений.

— Ссорятся из-за места, — прошептал Ипика, находящийся рядом.

Все в зале стихло. Дворяне, прежде непринужденно прогуливающиеся или уже успевшие усесться на предназначенные им сиденья, больше не говорили с соседями, не печатали шаг, привлекая внимание к своим расшитым чуть ли не драгоценными камнями туфлям, не поигрывали блестящими эфесами коротких парадных мечей, а изо всех сил прислушивались. Обстановка накалялась буквально по секундам.

Женар схватился за свой меч и сделал такое движение, словно собирался вытащить его. Дворецкий всплеснул руками и

что-то забормотал с новой силой, а лицо ан-Суа озарила презрительная улыбка.

— Сейчас начнется, — снова прокомментировал Ипика. Антипову это стало ясно и без него.

Ан-Котеа что-то сказал сопернику, тот ответил, графский сынок, похоже, не остался в долгу, потому что губы ан-Суа искривились и это уже не походило на улыбку. Он раздраженно показал головой в сторону двери, Женар кивнул, цвет его лица поменялся с красного на мертвенно бледный, и ан-Котеа первый направился к выходу. Барон тотчас последовал за ним.

Никто им не препятствовал. Противники вышли во двор перед донжоном, и остальные дворяне отправились туда же, забыв и о столе и об ужине. Часть двора перед входом была неплохо освещена факелами. Барон и старший сын графа остановились там. Какая-то добрая душа принесла нормальные мечи и соперники даже не стали надевать доспехи, а замерли друг напротив друга, выжидая то ли какого-то сигнала, то ли знака свыше.

Виктор стоял в общей толпе, образующей полукруг, рядом с Ипика и его братом. Никто ничего не говорил, все было понятно и так. Антипов примерно представлял, что последует дальше. Бездоспешные рыцари — своеобразные бойцы. Нет, конечно, они способны наносить отличные и мощные удары, но эти удары будут рубящими большей частью. Даже в арсенале мастера 'практических убийств' Нурия колющих атак было не очень много. По самой банальной причине — им трудно найти частое применение против воина со щитом и в хороших доспехах. Именно на этом Виктор строил свой расчет, когда думал о таком виде состязания, как бой на мечах, но без щитов. Антипов рассуждал так: если выставить рапириста против мечника, то кто победит? Скорее всего, мечник, если у него будет хорошая защита. Но выступи он без щита, то тут уже шансы рапириста значительно перевесят, если, конечно, противник предусмотрительным ударом не поломает его хрупкое оружие в самом начале схватки. Когда учитель фехтования Пекста ознакомился с выводами будущего рыцаря, то, немного подумав, согласился. А потом изменил свои первоначальные планы на то, как Ролт будет выступать в боях на тренировочных мечах, но без щита. Пожалуй, это был единственный вид состязаний, по поводу которого Антипов мог чувствовать относительное спокойствие.

Между тем, события перед донжоном развивались. Барон с графским сыном скрестили клинки, не дождавшись никакого знамения. Первым нанес удар Женар. Ан-Суа с легкостью отбил его и попытался рубануть противника по руке. Тот уклонился и

снова атаковал. Скорость схватки сразу же возросла. Виктор внимательно следил за ней, и в его голове сами собой сформировались два вывода. Во-первых, Женар лишь слегка уступает барону в технике. И это плохо, потому что если графский сынок возьмет щит, то у Антипова не будет шансов против него. А во-вторых, судя по куражу участников, скоро кто-то из них получит ранение. И это хорошо, потому что доспехов нет, рана будет серьезной и один конкурент Виктора покинет турнир. Антипов даже тешил себя надеждой, что может быть противники исхитрятся и нанесут друг другу одновременные удары. Вот это будет здорово.

Но, увы, если уж не везет, то во всем. Уже через несколько секунд после начала схватки, когда Виктор, закусив губу, страстно желал, чтобы именно хитрец Женар совершил ошибку и получил какую-нибудь не тяжелую, но досадную рану, из дверей донжона выбежала графиня.

Антипов сначала не увидел ее, потому что стоял боком ко входу, но услышал знакомый голосок и обернулся.

— Остановитесь! — закричала графиня. — Немедленно!

Она была чудо как хороша. Тщательно уложенные белокурые волосы слегка растрепались, тонкие ноздри гневно расширились, глаза горели яростным огнем. Ее золотистое платье блестело в свете факелов, но этот блеск не только не отвлекал внимание от лица Ласаны, но и подчеркивал его красоту. Виктору еще не приходилось видеть верхнюю часть графини, но сейчас он, забыв даже о схватке, замер и любовался ею.

Ан-Котеа и ан-Суа немедленно отступили друг от друга. Они опустили мечи и стояли, поглядывая то на соперника, то на разгневанную хозяйку.

— Господа, — произнесла графиня, пытаясь справиться с дыханием. — Разве вы не знаете условия проведения этого турнира? Никаких дуэлей! Каждый, замешанный в кровопролитии, должен немедленно покинуть мой замок!

'Вот это удача, — подумал Виктор, радуясь. — Надо же, даже не ожидал. И как я упустил из виду такое замечательное условие? Так еще лучше получится. Все целы, но с вещами на выход. Пока-пока, я помашу платком вслед, вытру скупую мужскую слезу и скажу, что мое горе безгранично оттого, что не удалось скрестить мечи с двумя такими замечательными бойцами'.

Оба соперника, как по команде, развели руки и произнесли:

— Ваше сиятельство!

Потом одновременно осеклись и злобно посмотрели друг на друга. Их позы были настолько похожи, что казалось, то ли барон, то ли графский сын отражаются в каком-то кривом зеркале,

меняющем фигуру, но верно передающим суть, возможно, даже внутреннюю.

— Это — правила для всех. Я ничего не могу сделать, — графиня слегка повернула голову, словно ожидая кого-то, но не решаясь посмотреть назад.

И точно — буквально через секунду из донжона вышла еще одна дама в знакомом Виктору темно-зеленом платье.

— Госпожа, — сказала она. — Не слишком ли суровое наказание?

'Стояла за дверью и подслушивала', - мелькнула мысль в рациональном уме Антипова.

— Достаточное, Вирета, — резко ответила Ласана. — Ты посмотри, они даже не пытаются оправдываться.

Оба дворянина опять, как по команде, издали какой-то звук и смолкли. Если бы их взгляды могли убивать, то оба бы уже валялись на земле бездыханными, искалеченными и без единого кусочка кожи на теле. Они явно мешали друг другу высказаться.

— Не пытаются, — согласилась дама. — Но думаю, что это лишь от огорчения и раскаяния. Посмотрите на них. Для них ведь нет ничего хуже невнимания вашего сиятельства.

Оба соперника синхронно кивнули, умудряясь не сводить глаз не только с графини, но и друг с друга.

— Не знаю, — с сомнением ответила графиня, но чуткое ухо Антипова уловило легкую фальшь.

— К тому же кровь ведь не пролилась, ваше сиятельство, — Вирета с улыбкой высказала убийственный аргумент. — Предлагаю их простить. В первый и последний раз.

'Спектакль! — Виктор был готов взвыть от разочарования. — Обе девушки заранее договорились, о чем будут вести речь в таких случаях! И наверняка это все для того, чтобы спасти Женара… любимчика графини. Вон как бежала ради него'.

Однако участники несостоявшейся дуэли, похоже, не догадывались, что их прощение состоялось задолго до начала поединка. Они смотрели на графиню настороженно, словно ожидая очень важного для них вердикта. Впрочем, Антипов не находил это удивительным: оба были фаворитами в отсутствие загадочного Менела и имели реальные шансы на победу.

— Ну что же, — сказала графиня, словно задумавшись. — Думаю, что это предостережение должно послужить уроком всем остальным. Господа! Больше никаких дуэлей. Все вопросы можно выяснить на ристалище. Каждый будет иметь право записаться в ту команду, в которую захочет.

Ласана резко повернулась и направилась внутрь донжона. За ней ручьем потекли дворяне. Их лица выражали легкое

разочарование, но это разочарование было ничто по сравнению с чувствами Виктора. Он теперь догадывался, что графиня уже назначила победителя. Если не турнира, то другого состязания. А иначе, зачем договариваться заранее о спасении Женара? Возможно, дамочки вообще предусмотрели все варианты развития событий. Плюс в пользу графини, конечно, но минус Антипову. По его наблюдениям, некоторые женщины любят сначала принимать решение, а потом выносить вопрос на обсуждение. Например, выходить замуж или нет. Понятно, что женщина хочет выходить и обязательно выйдет, но ей так нужно для этого именно логическое обоснование, которое могут дать лишь подруги с развитым воображением.

Виктор подумал что, несмотря на первый день пребывания в замке, следует во что бы то ни стало форсировать события. Поэтому тоже устремился внутрь донжона, к столу, рассчитывая, что за едой он найдет возможность обратить внимание графини на себя.

Свое место Антипов нашел быстро с помощью дворецкого, а заодно и понял причину ссоры между графским сынком и бароном. Их посадили слева от графини, но одного ближе, а другого — дальше. Дворецкий путем извилистых умозаключений и взвешивания происхождения и заслуг каждого решил так. Ан-Суа не согласился с этим, а ан-Котеа, напротив, горячо поддержал. Столь очевидный повод выплеснул все, что тайно копилось в душе, но это почти ни к чему не привело — местоположение воинов не изменилось, но аппетит был испорчен.

Теперь зал выглядел совсем по-другому. Человек сорок дворян сидело за столом, покрытом синей скатертью из плотной материи. В углу расположились музыканты в оранжево-желтых одеждах. Их инструменты, от длинной трубы до местной мандолины, варсеты, еще не были пущены в ход, но Виктор знал, что вот-вот заиграет музыка. В ярком свете свечей и факелов между столом и стенами бегали слуги с подносами и без. Но не они привлекли внимание Антипова, а невысокий человечек в зеленом костюме и с серебряными кисточками, менестрель-распорядитель. Его функции были, на первый взгляд, просты — он произносил речи, тосты, да и вообще не позволял гостям скучать. Богатые посетители, осведомленные о собственном косноязычии, могли даже заказать менестрелю какую-нибудь речь от своего имени. Виктору почему-то казалось, что многие так и сделали.

Представителя замка ан-Орреант очень беспокоило собственное положение. Оно не позволяло ему развернуться вовсю, даже за ужином. Антипов знал, что сейчас менестрель-

распорядитель произнесет краткую речь, потом что-нибудь скажет графиня, затем — наиболее знатные дворяне, а когда очередь дойдет до него, то все уже устанут и будут слишком пьяны, чтобы оценить нестандартный подход. А Ласана вообще к тому моменту может уйти и оставить гостей. Поэтому ждать не хотелось.

Заиграла музыка, довольно спокойная мелодия в исполнении струнных инструментов, а перед музыкантами пробежало несколько акробатов в розовых куртках, выполнивших несложные, с точки зрения искушенного жителя Земли, трюки. Когда акробаты исчезли, менестрель прочистил горло и приступил к приветственной речи.

— Господа! — громко произнес он. — Ее сиятельство рада приветствовать вновь прибывших в своем замке. Этот славный турнир не делает различий между дворянами. И граф и младший сын барона принимают участие на равных. Любой может подтвердить это!

— Подтверждаю! — неожиданно раздался громкий и зычный голос. — Благодарю за оказанную честь и возможность высказаться от имени младших сыновей баронов!

Среди присутствующих наметилось замешательство. Все как один посмотрели на высокого дворянина, одетого в коричнево-красный костюм. Он же, как ни в чем не бывало, выпрямился во весь рост и продолжал:

— Если бы уважаемый распорядитель не обратился ко мне за подтверждением, то я бы, конечно, ни за что не решился произнести эту речь, но если так уж получилось, то скажу все!

— Кто это? — спросила графиня, чуть наклоняясь к Вирете, сидевшей справа от нее.

— Тот самый Ролт из конца списка, — шепотом пояснила доверенная дама.

— А…. а почему он говорит?

— Не знаю, госпожа. Здесь, похоже, какая-то ошибка.

Однако Виктор так не считал. С его точки зрения, все шло как надо.

— Мы, младшие дворяне, бесконечно благодарны ее сиятельству за предоставленный шанс. Ведь что есть у нас? Лишь конь и верная рука. Но пусть кто-нибудь скажет, что этого недостаточно! С их помощью мы добьемся всего!

Графские отпрыски и полноправные бароны скривились, но большая часть собравшихся одобрительно загалдела.

— Чем молодость лучше зрелости или старости? — продолжал Виктор, вдохновленный ожидаемой поддержкой. — Да тем, что мы можем приобрести любой опыт, а у остальных есть только тот опыт, который они уже получили. Мы надеемся на

лучшее, а они думают о том, что лучше бы ничего не менять. Мы способны любить женщину страстно, а они — печалятся, что никто страстно не любит их.

— Я не согласен! — разодетый Женар вскочил со своего места и даже хотел ударить рукой по столу, но остановил движение, скосив глаза на графиню.

— Пусть говорит! — закричала половина стола, к которой принадлежал и Антипов.

— Эх, ваша милость, — обратился Виктор к основному конкуренту. — Вот вы говорите, что я неправ. А посмотрите на себя — вы хотели ударить рукой по столу, но почему-то этого не сделали. Почему? Подумали, что это неприлично? Подумали о том, что подумает об этом ее сиятельство? Жест-то неподходящий для галантного кавалера. Вы правы, конечно. А я бы ударил! Потому что не думаю о том, что подумают другие. Я искренен в своих поступках и чувствах. И если я говорю госпоже графине, что считаю ее самой красивой женщиной на свете, то нисколько не преувеличиваю. Вот ваша милость, опытный мужчина, наверняка видели и других красивых женщин, а я — нет. Для меня ее сиятельство — образец, эталон совершенства! Несравненная!

Ласана тихо рассмеялась, а Женар, выпучив глаза, воскликнул:

— Да никого я не ви…, - и тут же осекся. Хорош бы он был, если бы признался в том, что не видел красивых женщин. — Но я знал других, поэтому могу сравнивать, и с большим основанием утверждаю, что Ласана — красивейшая из всех.

— Эх, ваша милость, — вздохнул Виктор. — Я ни в коем случае не скажу, что вы говорите неправду, но сами знаете, сколько в наше время развелось льстецов. Как бедная женщина может поверить опытному мужчине до конца? Ему хочется верить, вот она и верит. А мне — хочется или не хочется, все равно веришь.

Графиня теперь уже смеялась, не скрывая этого.

— Кто-нибудь может сказать, что мы, молодые дворяне, неопытны в бою. — продолжал Антипов. — И будет прав, конечно. Но скажите, ваша милость, вот вы смогли бы в одиночку одолеть сотню врагов, даже если бы за вашей спиной была госпожа графиня?

— Нет, конечно, — пробурчал Женар, пытаясь понять, куда клонит опаснейший говорун.

— Вот! Вы уже знаете, что не сможете. А я еще не знаю, смогу или нет. Вот в чем разница. И верю в лучшее. Ваше сиятельство, я убью их всех! Сотню, две сотни, три, всех, если вы будете за моей спиной!

— Я надеюсь, что вашему сиятельству не нравятся хвастуны, — тихо пробурчал Женар, обращаясь к графине.

— Хвастуны — нет, — ответила Ласана. — Но этот Ролт просто очарователен.

Сын графа закашлялся, ударив себя по золотому шитью на груди.

Виктор не слышал ни фразу Женара, ни ответа графини, но догадывался, что сильно продвинулся в двух направлениях: в приобретении врага и завоевании симпатий женщины. Однако уровень этих симпатий пока оставался тайной. Поэтому он даже решил следить во время ужина за тем, как к нему относится сын графа: если очень плохо, то успех у графини состоялся и следует его закрепить в дальнейшем, а если не плохо и не хорошо, то прямо сейчас нужно еще поработать. Быстро выяснилось, что очень плохо.

Часа три спустя Ласана и Вирета вернулись в комнаты графини. На этот раз там было прибрано, а дверь и окно — починены. Хозяйка замка с опаской села на кровать.

— Там нет никого, госпожа, — сказала Вирета, наклоняясь.

— Все-таки интересно, кто это был, — ответила графиня.

— Какой-нибудь шалопай, ваше сиятельство. Из молодых дворян, думаю.

— А не человек моего дяди?

— Вряд ли. Ваш дядя не решился бы ни на что, пока замок полон гостей.

Ласана вздохнула:

— Как знать. Но ты мне дала правильный совет, чтобы не поднимать тревогу. Представляешь, какие пошли бы слухи? Я, обнаженная, наедине с мужчиной!

— Да, госпожа, это было бы ужасно.

— А ты смотрела на ноги гостей? Были на ком-нибудь серые и не очень чистые башмаки?

— Смотрела, ваше сиятельство. Ничего не нашла.

— Я тоже, — графиня задумчиво теребила золотую кисточку на балдахине.

Воцарилось молчание. Постороннему человеку могло бы показаться, что и Ласана и Вирета прислушиваются. И он был бы полностью прав.

— Они скоро придут, — доверенная дама первая нарушила тишину. — Поступим как обычно? Я буду выглядывать и все рассказывать?

— А они знают, что я сменила комнаты? — поинтересовалась Ласана.

— Думаю, что да. Уверена, что им уже известно все. Особенно Женару. Этот вообще ужасный проныра.

— Да уж, Вирета. Как я удивилась, когда выяснилось, что он привез с собой кастрата. Серенада прошлой ночью была безупречной.

— Конечно, госпожа! Мне безумно понравилась! Но певец ан-Суа тоже неплох. Добротный тенор.

— Жаль, что сыновья баронов стеснены в средствах, — задумчиво произнесла Ласана.

Вирета рассмеялась:

— Ваше сиятельство имеет в виду Ролта? Он очень мил. Такой непосредственный. Действительно жаль, что у него нет денег на хорошего певца. Разве что он сам поет.

— Сам? — графиня улыбнулась такому нелепому предположению. — Ты слышала какой у Ролта зычный голос? Как огромная труба. Бедный, он должно быть совсем не умеет петь.

Глава 5

Пламя камина ровно гудело, освещая желтыми бликами серые стены убогой каморки. Дымом не пахло благодаря неплохой тяге, но зато по комнате разносился запах горящих дров. Создавалось впечатление тепла и уюта.

Антипов сидел на топчане и думал о том, как хорошо было на даче у брата отца, который был писателем. Не Кушаря, а настоящего отца Виктора. Там тоже стоял камин, но не такой примитивный, а с чугунной топкой, длинным дымоходом и ажурными прутьями решетки. Антипову нравилось протягивать руки к огню и сидеть так, наслаждаясь ощущением жара в пальцах. В этот момент на него нисходило ощущение покоя, умиротворенности и отсутствия всяких желаний. Хотелось вечно смотреть на огонь и ничего, совершенно ничего не делать. Возникала даже странная и мистическая мысль, что если просидеть так достаточно долго, то можно по-настоящему отдохнуть, очиститься от тревог и уже по-новому воспринимать этот мир. А потом приходил дядя-литератор, садился рядом и со знанием дела говорил: 'Нравится смотреть на огонь, племяш? Мне вот тоже. Я давно заметил, что на четыре вещи человек может смотреть бесконечно долго: на горящее пламя, бегущие по небу облака, текущий ручей и хвалебные статьи в прессе'.

Виктор попробовал протянуть ладони к огню сейчас, чтобы вернуться к тому чувству уюта, которое он испытывал, сидя у дяди на даче, но ничего не получилось. Его беспокоили два назойливых вопроса: сумеет ли Рикста раздобыть варсету, за которой его послали, и что имел в виду Кеаль, когда заявил, что после того, как Антипов увидит графиню, любые действия автоматически получат свое оправдание.

Огонь внезапно полыхнул и едва не обжег воину пальцы. Виктор успел отдернуть руки и тотчас же с подозрением посмотрел по сторонам — березовые дрова обеспечивают удивительно ровное горение без неожиданных вспышек и прочих сюрпризов. Поэтому по части неожиданностей поленья стояли в числе подозреваемых на последнем месте. А вот на первом находилось… да-да, то самое золотистое сияние, которое начало появляться в углу.

'Как хорошо, что я не живу вечно, господин Соломон, — печально подумал Антипов. — Протяну несколько десятилетий и все. Какое счастье! Тысячелетия дурацких шуток я бы просто не выдержал'.

— Приветствую, Кеаль! — Виктор попытался произнести это самым радостным тоном, на который был способен в данную минуту. — А я вот сижу тут и размышляю о том, как замечательно быть бессмертным. Каждый день приходить к кому-нибудь, чтобы делиться мудростью или опытом или просто шутить… шутить… шутить… каждый раз гм… по-новому.

— По-новому невозможно, — серьезно ответил бог обмана. — Первое столетие еще куда ни шло, а потом приходится повторяться. К счастью, старые объекты шуток быстро умирают, а новым-то и невдомек, что все шутки прежние. Так и перебиваюсь.

— Но другие-то боги живут долго, — возразил Антипов. — Как быть с ними?

— С ними вообще просто. Боги шуток не понимают. Ни новых, ни старых. Никаких.

Виктор вздохнул. У него тоже закрадывалась такая мысль, когда он общался с Аресом. Тот реагировал весьма неадекватно на любой юмор, ставящий под сомнение личную мощь бога войны. Да и не только мощь, если принять во внимание историю со статуей. Даже Рикста, ученик хорошего скульптора, сумел изваять изображение Ареса лишь с третьей попытки. Первые две были забракованы оригиналом как 'не внушающие трепета врагам'. Зато третья, с прищуренными глазами и задумчивым выражением лица, удостоилась сразу же полного одобрения. На резонный вопрос Виктора о причине такого выбора, Арес ответил: 'Задумчивый воин пугает так же сильно, как и шут с острым копьем. Никто не знает, к чему они готовятся'.

— Кеаль, я посмотрел на графиню, — Антипов счел за лучшее перевести разговор на более важную тему. — Теперь ты объяснишь, почему то, что ты предлагал, находится в моих интересах?

— А что, разве неясно? — казалось, что бог обмана удивился ни на шутку.

— Нет, — честно ответил Виктор. — Ничего неясно.

Кеаль помедлил несколько секунд, а потом, видимо, решил начать издалека.

— Ну и как она тебе? — поинтересовался он.

— Кто? Графиня? — переспросил Антипов. — Красивая дама. И мои речи ей понравились. Верный признак женского ума!

Виктор считал, что большинству мужчин все равно, понимает его собеседница или нет. Главное — чтобы ей нравилось, что он говорит. В этом случае она сразу же выглядит очень умной в его глазах. Причем, чем больше она восхищается фразами мужчины, тем она умнее. Тут все просто.

— Так ты ее хорошо рассмотрел, значит, — эти слова Кеаля

тут же навели Антипова на очередные подозрения.

— Постой-ка, а происшествие с кроватью ты подстроил? — Виктор решил сразу же прояснить ситуацию.

— Нет, — отказался бог обмана. — Не подстраивал. Говорю же — напрямую в замке делать мало что могу — маги заподозрят. Но зато я все еще способен влиять на события в целом. Понимаешь?

— Не совсем, — дипломатично ответил Виктор, прикидывая, что сейчас-то он получит очередной кусок информации.

— Вот, допустим, мне нужно, чтобы случилось что-то определенное, выполнимое и несложное, — охотно начал объяснять собеседник. — Например, один человек встретил другого человека. Но я не могу взять их за руки и привести друг к другу. Поэтому трачу часть силы лишь на пожелание того, чтобы встреча состоялась. Гарантий никаких. А если мне противостоят другие боги, то шансов вообще нет. Но зато если встреча произойдет, то я не знаю, как, когда, почему она случится, и какие события приведут к ней. Я этими событиями не управляю. Мне нужен лишь сам факт встречи.

— Теперь понятно, — кивнул Антипов, который мысленно занес в невидимый список еще одно свойство местных богов. — Ты умеешь изменять судьбу.

— Судьбу, сказал же! — рассмеялся Кеаль. — Ничего такого я не могу. Просто графине было все равно, встретишь ты ее или нет, а тебе было даже интересно на нее посмотреть. Если бы кто-нибудь из вас не желал этого, ничего бы не случилось. А судьба — другое. Тут хочешь — не хочешь, а это все равно произойдет.

— Но ведь я видел ее обнаженной! — произнес Антипов. — Вряд ли графиня желала, чтобы ее прелести разглядывали.

— Во-первых, она могла об этом вообще не думать, — ответил бог обмана. — Это ведь ее замок, здесь она в безопасности. А во-вторых, кто знает женщин? Графиня красивая, это безусловно, и как всякая женщина гордится этим. Вот подумай сам, кто увидит ее красоту? Муж и несколько любовников? А ей, может быть, в тайне хочется, чтобы многие увидели. И она права. Там ведь есть на что посмотреть. Красота улучшает мир, как ни крути. Графиня может просто стремится немного улучшить мир. Похвальное желание для человека!

— Гм…, - Виктор закашлялся. — Так ты не сможешь пожелать, чтобы я выиграл турнир?

— Пожелать смогу, — отозвался Кеаль. — Только из этого ничего не выйдет. Каждый ведь хочет победить. Даже если отдам всю свою силу, увы, не поможет. А с графиней получилось потому, что вы находитесь и так рядом друг с другом, и никто

ничему не препятствовал. Хотя и это могло не сработать.

Внезапно золотистая фигура начала таять. Она становилась прозрачней и прозрачней, хотя отблески огня все еще отражались от нее. Но вот пламя мелькнуло в хитрых глазах Кеаля в последний раз, и образ бога обмана исчез. Все произошло за несколько секунд.

Виктор удивился такому внезапному исчезновению, ведь раньше за Кеалем не водилось ничего подобного. Воин только собрался спросить, чем вызван столь быстрый уход, как вдруг входная дверь вздрогнула под чьим-то могучим ударом.

— Господин! Откройте! Спасите! — Антипов без труда узнал голос Рикты. — Убивают!

Виктора не нужно было просить дважды. Он мгновенно подскочил к двери и отбросил щеколду. Рука сама потянулась к рукояти меча, пока слуга вваливался в комнату. Вид у Рикты был неважный, но Антипов не стал заострять на этом внимание, а толкнув того плечом внутрь каморки, наполовину вытащил меч из ножен и выглянул в коридор. Все было тихо. Серые стены освещались далеким чадящим факелом, а замечательный слух Виктора не мог услышать ничего, кроме тяжелого дыхания слуги и приглушенного шума, доносящегося откуда-то снизу.

— Кто тебя убивает? — воин полуобернулся к юноше. — Здесь никого нет.

Значительную часть левой половины лица Рикты занимал свежий синяк. Он, конечно, еще не выглядел синяком, но краснота и отечность точно указывали на то, что вскоре это место посинеет. Юноша держался правой рукой за левое плечо и иногда старательно ощупывал его, видимо, на предмет перелома.

— Музыканты! — сообщил он, болезненно морщась. — Они гонятся за мной! Но наверное отстали.

— Музыканты? — переспросил Виктор, терзаемый плохими предчувствиями. — Это случайно не те, к которым я тебя послал, чтобы одолжить варсету?

— Они! Они, господин! У, злыдни!

— Вот как? И что ты им сделал? — тон Антипова не предвещал ничего хорошего. Он ведь сильно рассчитывал на то, что удастся раздобыть инструмент.

— Да я…, - Рикту прервал теперь уже отчетливый топот, доносящийся из-за угла.

Воин быстро вернул меч обратно в ножны. Если за слугой действительно гонятся музыканты, то не годится дворянину встречать плебеев блеском железа. Это скажется на репутации. Поэтому Виктор просто потянул ножны вверх, высвобождая крючок, которым те крепились к металлическим кольцам

перевязи. Меч в ножнах, сделанных из двух пластин ясеня и обтянутых кожей, сам по себе серьезное оружие в умелых руках.

Погоня не заставила себя ждать. Вскоре из-за угла резво выскочили трое мужчин, одетых в желто-оранжевые длинные куртки. Они грозно потрясали какими-то палками, подозрительно напоминающими черенки от метел.

— Стойте! — Виктор попытался придать своему голосу силу. Это, впрочем, удалось, потому что коридор замечательно отражал звук. — Что вам надо?

Однако то ли расстояние между углом и воином оказалось недостаточно большим (всего метра четыре), чтобы группа нападающих сориентировалась, то ли они вообще сначала не поняли, с кем имеют дело, но приказу Антипова не подчинились. Виктор же не стал дожидаться, пока те добегут и что-то начнут предпринимать первыми а, сделав два шага вперед, точным ударом выбил палку из руки бегущего впереди и, не возвращая назад меч, хлопнул по темечку второго. Неважно, кто был прав, а кто виноват, дворянин не мог допустить, чтобы на него бросался с палками какой-то сброд.

Действия Антипов возымели эффект. Музыканты бежали к нему совершенно молча, а после того, как прозвучали два удара, мгновенно развернулись и столь же безмолвно помчались в обратном направлении. Причем, похоже, что замыкающий сориентировался быстрее тех, кто ощутил на себе силу рыцарских ножен.

Виктор только покачал головой, наблюдая за таким странным поведением. Он не стал их преследовать, лишь постоял немного, прислушиваясь к удаляющимся шагам. А потом бросил взгляд на трофеи — два черенка от каких-то инструментов, валяющиеся на полу, пренебрег столь жалкой добычей и скрылся в своей комнате.

Рикста сидел там, в прежней позе, слегка дрожа. Он боялся то ли своих противников, то ли своего господина.

— Так что случилось? — спросил Виктор, затворяя за собой дверь. — Почему они преследовали тебя?

— Я сделал все так, как вы говорили, господин! — в голосе юноши звучали жалостливые ноты. — Пошел к музыкантам, чтобы взять у них варсету на время. Застал их у какого-то сарая, когда они уже вышли из донжона. Говорю: вот вам серебряный, дайте варсету моему господину на вечер. А они — не можем, нас уже нанял барон ан-Крета.

— Так он их для серенады нанял, — сказал Антипов. — Объяснил бы, что мы-то вместе петь не сможем, поэтому будем по очереди. Сказал бы, что сыграю и тут же отдам.

— Я так и сказал, господин! — Рикста оторвал руку от плеча и попытался им подвигать. — Но слуга этого барона помогал им — нес большую трубу. Такой наглый тип! Он заявил, что уже заплачено и его барон не захочет ни с кем делиться. Особенно со всякими проходимцами.

— С проходимцами? — уточнил Антипов, приподняв бровь.

— Именно, господин! Я рассудил так: если бы он сказал 'с проходимцем', то имел в виду бы только меня. А получается, что сказал и о вас тоже! Это же оскорбление!

— Н-да… И что ты сделал? Врезал ему, надеюсь?

— Как вы учили, господин! — Рикста прижал руку к сердцу. — Вы же сами говорили: если вас кто-то из недворян оскорбит в моем присутствии, то нужно бить сразу же и чем попало. И что вы потом разберетесь.

— Говорил, — согласился Виктор, который считал, что на уважение окружающих оказывают влияние любые пустяки. — И ты ударил?

— Да, ваша милость! Ударил! И вот тут-то музыканты на меня набросились.

— А они почему? Ты же не их бил.

— Не их, — вздохнул Рикста. — Но их трубой. Понимаете, это было первое, что попалось мне на глаза. Я выхватил трубу из рук негодяя и ударил его прямо по голове. Кто же мог предположить, что такая большая труба сразу же погнется? Я не мог. И сказал музыкантам: зачем вам настолько твердолобый наниматель? Труба-то ладно, а если о его голову дорогостоящая варсета разобьется или еще что-нибудь? Риск-то какой! Но они не вняли голосу разума. Бросились к сараю, схватили какие-то палки и погнались за мной. Хотя я им кричал, что мой господин скор на расправу и им придется плохо. Вот так, ваша милость.

Антипов потер рукой лоб. Ему казалось, что первый день в замке прошел слишком интенсивно. Они ведь только часов восемь назад въехали, а уже столько событий.

— Ты как себя чувствуешь? — спросил Виктор. — Ничего не сломано?

— Ничего, вроде, — ответил слуга. — Плечо вот побаливает, но оно в порядке, кажется. Что же теперь делать, господин? Где мы варсету возьмем?

Этот вопрос очень интересовал и Антипова. Понятно, что теперь музыканты ничего не дадут, а завтра еще пойдут графине жаловаться. Можно было бы попробовать с ними помириться, но это требовало времени.

— Если с тобой все в порядке, то сходи к окнам графини, — сказал Виктор. — Посмотри, начали ли петь серенады. Заодно

узнай, есть ли там варсеты или чем-то другим пользуются. И сразу назад!

— Хорошо, господин, — Рикста приподнялся, заковылял к двери, открыл ее, осторожно выглянул в коридор и, убедившись, что никого нет, выскользнул наружу.

Антипов обхватил голову руками и застыл в такой позе. Несмотря на его деятельность, все шло как-то не так и это огорчало. Он решил пока ничего не предпринимать, а подождать возвращения Кеаля. Тот мог просто скрыться из опасения быть замеченным музыкантами или не хотел попадаться на глаза и Риксте.

— Отличный у тебя слуга, — раздался вскоре издевательский голос, подтверждая выводы Виктора. — Почему ты против его посвящения мне? У паренька большое будущее.

Воин поднял голову. Золотистая фигура находилась на своем прежнем месте, словно никуда и не пропадала.

— Я подумаю над этим, — ответил он. — Когда пойму все-таки, почему любые действия в этом замке не только оправданы, но и выгодны мне.

Кеаль рассмеялся. Смех, доносящийся от полупрозрачного образа, казался странным.

— Разве все еще неясно? — спросил он. — Если нет, то объясню подробно. Вот как ты думаешь, что самое главное в жизни человека? Богатство? Власть? Любовь? Счастье? Знания?

— Мне нужно выбирать из этих пунктов? — кисло поинтересовался Виктор, которому показалось, что он догадался, куда клонит бог обмана.

— Нет, можешь свой предложить, — разрешил собеседник.

Неизвестно, собирался ли он застать Антипова врасплох, но это ему не удалось.

— Самое главное в жизни человека — желание что-то делать, — ответил Виктор. — С ним будет и богатство и любовь и счастье. А без него — ничего, если только очень сильно не повезет. Но везет мало кому.

— Согласен! — на полупрозрачном лице возникла широкая улыбка. — Ну что, появилось желание что-то делать?

— У меня оно и так было, — настороженно ответил Антипов.

— Значит, усилилось? — продолжал настаивать Кеаль.

— С чего бы это? — Виктор пытался понять, куда клонит бог.

— Оно должно усилиться, — последовал ответ. — Рядом с тобой ведь двигатель этого самого желания.

— Какой двигатель? — Антипову совсем не нравилось выводы, которые начали вырисовываться перед его внутренним взором.

— Все еще не понимаешь? — расхохотался Кеаль.

— Нет, — соврал Виктор.

— Графиня Ласана! — торжественно произнес бог обмана.

Выражение лица Антипова, бывшее до этого кислым, стало подобно физиономии рыбака, который уже успел попрощаться с женой, идя на очередную рыбалку, но после выхода из дома обнаружил, что его снасти спутаны, а записка с адресом любовницы пропала.

Двадцать минут спустя Виктор вместе с Рикстой шли по лестнице замка, торопясь к окнам графини.

— Ваша милость считает, что господа ан-Котеа или ан-Суа дадут вам на время варсету? — слуга на ходу заглядывал в лицо Антипову, а его голос выдавал недоверие.

Действительно, с чего бы потенциальным женихам идти навстречу конкуренту? Рикста, выросший без родителей и не получавший ничего даром, как никто понимал это. Тяжелая жизнь с детства приучает к практичному взгляду на окружающую действительность. У него не было ничего: ни родительской ласковой заботы, ни игрушек, ни веселых друзей, живущих по соседству. Он радовался каждой малости и никогда не надеялся на то, что кто-то отнесется к нему по-доброму без веской причины. Рикста родился и сразу же вырос, миновав стадию детства. Некоторые люди считают, что человек взрослеет в тот момент, когда начинает осознавать возможность собственной смерти. Риксте же казалось, что он только и делал, что пытался от этой самой смерти убежать. Боролся с голодом, холодом, безумными хозяевами и прочими особенностями своей жизни.

Встреча с Ролтом многое изменила. Рикста неожиданно для себя стал получать подарки. Один за другим. Просто так. Хорошую одежду, прочную обувь, отличный ножик, лук, серебряные монетки, смешную деревянную статую под двусмысленным названием 'Этот карлик был добрым до того, как Ролт его вырубил'… Сначала паренек подозревал, что это непроста, что подарки исчезнут, как только в нем отпадет необходимость. Но время шло, а они не только не исчезали, но и прибавлялись. В конце концов Рикста пришел к невероятному выводу: что-то поломалось в этом мире. Если в нем появились подарки, то что-то определенно пошло не так. Но даже теперь паренек ни на секунду не допускал, что заносчивые дворяне поделятся хоть чем-то с явным конкурентом.

— Не переживай, они дадут мне варсету, — отвечал Виктор, все еще думая о беседе с Кеалем. — Главное, что она у них есть.

— Но как? — Рикста искренне не понимал.

— Увидишь, — отмахнулся Антипов.

Его сейчас больше всего заботило сказанное богом обмана. Тот после напыщенного вступления внезапно стал краток и изложил свои предложения в течение пары минут.

'Мужчина ради нужной ему женщины может пойти на что угодно, и его за это не осудят, — заявил Кеаль. — Ты принес мне пользу, я и хочу отблагодарить тебя. Делай все, чтобы получить графиню, не останавливайся ни перед чем, рви соперников. Укради ее, спали этот замок, если понадобится. Это и дворянской чести не повредит. Если будет туго — хватай графиню и беги. Я даже прикрою'.

Виктор не был наивным и отлично понимал, что похищение Ласаны, случись оно, было бы выгодно в первую очередь Кеалю. Еще бы — какой скандал! Но все же слова бога обмана заронили сомнения. Вдруг тот прав и графиня ему подходит? Не просто подходит, а подходит на самом деле. Если вдуматься, то мало кто из мужчин может похвастаться, что нашел подходящую женщину. Более того, каждый мужчина, даже самый циничный, в глубине души стремится к этому. Удачная встреча с избранницей — мгновенное и верное решение большей части жизненных проблем. Если даже забыть о романтике, сама практичность подсказывает, что обладание подходящей женщиной многократно облегчает жизнь и делает мужчину значительно продуктивней. Во всех смыслах.

Однако Виктора смущало то, что он не испытывал никаких чувств к Ласане. Конечно, внешность графини нравилась ему, на ее лицо хотелось смотреть как можно дольше, но ни о какой влюбленности с первого взгляда и речи не было. Антипов вообще не страдал подобной чепухой. Он считал, что с первого взгляда влюбляются лишь те, кто не может позаботиться о том, чтобы заполучить возможность для второго взгляда. Виктор всегда умел обеспечить себе даже третий взгляд или четвертый. Поэтому никогда не торопился.

Обманул ли Кеаль? Вполне может быть. А если нет? Виктор решил, что это — неплохая возможность попросить бога обмана о даре распознавать обман. Причем, не только из уст людей, но и богов. Антипову было интересно, как тот отреагирует на подобное. Это все равно, что предложить Аресу сделать оружие, которое может нанести ему вред.

Вот так, гадая о коварстве Кеаля, Виктор достиг окон графини, связанных с не очень приятными воспоминаниями. Там уже бурлила толпа.

Дворяне в роскошных шляпах или просто в шлемах с приделанным на скорую руку плюмажем стояли в окружении

слуг. Почти все пространство между донжоном и внутренней стеной было забито. Свободное место наблюдалось лишь около самих окон и, похоже, использовалось выступающим, дождавшимся своей очереди.

Был слышен ровный гул голосов: хозяева давали инструкции собственным музыкантам, а младшие дворяне, прибывшие без певцов, делились впечатлениями друг с другом. Выступления еще не начались, но Виктор быстро понял, что и здесь приоритет принадлежит ан-Котеа. Тот располагал певцом и тремя аккомпаниаторами, один из которых держал варсету.

Антипов с слугой попытались протиснуться поближе к 'сцене', но их перехватил Ипика. Юноша был одет в синюю куртку, шляпу, которая была ему явно велика, а сиреневый плюмаж упорно сползал на лоб, закрывая обзор.

— Ролт, — зашептал он. — Как хорошо, что вы пришли! А то я подумал, что придется полночи провести в одиночестве.

— Когда начнется? — спросил Виктор, еще раз оглядывая толпу.

— Вот-вот. Уже поделена очередь. Представляете, Женар будет выступать три раза! Не подряд, конечно, но все-таки!

— Поделена? — с тревогой поинтересовался Антипов.

— Да. А что, вы тоже хотите выступить?

— Собирался.

— Ну, тогда вам придется в самом конце. Если, конечно, графиня не попросит прекратить. Все-таки ей спать ведь когда-то надо!

С точки зрения Виктора, испорченной современными представлениями о жизни дворян, знатные дамы редко спали по ночам. У них были другие дела. Но информация не могла не тревожить. Вдруг он вообще не успеет? Оставались, конечно, другие дни, но 'натиск' не хотелось ослаблять. Антипов хорошо начал, нужно продолжать в том же духе! Ведь он был готов. Нартел, менестрель, очень сильно помог ему в стихотворных переводах текстов песен.

— Послушайте, Ипика…, - фразу Виктора прервали первые звуки музыки.

Началось! Гомон сразу же стих, все обратились в слух. Играли люди Женара. Мелодия была спокойной и Антипов не подозревал подвоха до тех пор, пока не вступил певец. И вот тут Виктор после секундной растерянности был готов заскрежетать зубами.

Высокий и звонкий голос с выраженным металлическим оттенком разнесся над замком. Неспециалисты приняли бы его за женское сопрано, но Антипов сразу понял, что это не так.

Подобные голоса отличаются от женских не только по звучанию, но и по длине фрагментов, исполняемых на одном дыхании. Контра-тенор. Голос кастрата.

Виктор был хорошо знаком с подобными феноменами. В современном ему мире жили несколько певцов-сопранистов. Они не были кастратами, уступали им по качеству исполнения, но отчего-то природа частично сохранила их детские голоса. Антипов помнил два имени: Филипп Ярусски, которому не помешала бы грудная клетка большего объема, и Раду Мариан, казус из казусов, почти совершенство.

Все еще прислушиваясь к удивительным звукам, Виктор сделал знак Ипика оставаться на месте, а сам стал протискиваться поближе, чтобы лучше рассмотреть происходящее.

За спиной музыкантов, одетых в длинные серые плащи, с довольной улыбкой стоял Женар, блестя золотым шитьем в свете факелов. У него был такой вид, словно это он сам лично пел. Хотя, возможно, окружающие думали так же. Если голос принадлежит певцу, а певец принадлежит дворянину, то почему нужно отказывать означенному дворянину в голосе? Забавная логика.

Виктор, горя желанием хоть как-то сбить спесь с графского сынка, остановился поблизости. Он дослушал выступление до конца, дождался, пока в окне мелькнет Ласана, сменив на мгновение свою доверенную даму, позволил начать выступление певцу ан-Суа — неплохому тенору, аккомпанирующему самому себе, а потом, подойдя вплотную к Женару, произнес:

— Отличный голос у вашего певца, ваша милость. Жаль только, что слишком тихий.

Ан-Котеа удивленно обернулся и увидел человека, в высшей степени неприятного. Нет, поначалу Женар отнес Ролта к безобидным и никчемным конкурентам, наблюдая за его фехтовальным мастерством, но после речи в трапезной… О, после этой речи мнение сына графа изменилось. Так болтать могут лишь опасные люди, ведь все знают, что женщины чрезвычайно чувствительны к словам. К тому же, Женар, обладая рядом несомненных достоинств, отчетливо осознавал, что он такому говоруну не соперник на попроще диспутов. Возможно, философ, старый советник отца, и смог бы справиться с Ролтом, но ан-Котеа даже в голову не пришло взять его с собой. А жаль.

— Почему же тихий, господин… эээ… ан-Орреант? — вежливо осведомился Женар. У него мелькнула мысль, что собеседник собирается как-то опорочить певца. — Релиа — один из лучших. Ему аплодировали короли.

— Один из лучших, ваша милость, — согласился Виктор. — Ему бы добавить громкости и стал бы самым лучшим.

Сын графа поджал губы:

— Мастерство певца не в громкости, господин ан-Орреант.

— Как сказать, ваша милость. Вот, например, когда я пою, то меня слышно издалека. Менестрель в нашем замке говорит, что с таким голосом можно командовать тысячей.

— Так вы поете, господин ан-Орреант? — столь же вежливо поинтересовался Женар.

— Иногда, ваша милость. Менестрель в нашем замке говорит, что мне не хватает мелодичности и какого-то слуха. Не пойму, что он имеет в виду, потому что слышу я хорошо. Но мощный голос у меня определенно есть.

Тонкая улыбка скользнула по губам ан-Котеа.

— Почему же вы тогда не споете здесь, господин ан-Орреант? Все бы послушали.

— Варсеты нет, — простодушно ответил Виктор. — А так бы я спел. И сыграл.

— Вы еще и играете?

— Ну да. Пробовал пару раз. Менестрель нашего замка обучил меня двум нотам. Сказал, что для меня этого достаточно. Я ему верю. Ведь в песне главное — голос.

— Вот как? Двум нотам, значит, — Женар изо всех сил сдерживал улыбку. — А если я дам вам варсету, то покажете свое мастерство, как обещали?

— Разве я обещал? — удивился Антипов.

— Конечно, сказали ведь только что, что сыграете и споете.

Досада мелькнула на лице собеседника ан-Котеа. Надо же, так оплошать!

— Так тут же очередь, — выкрутился он. — Посмотрите, сколько желающих. Уже все расписано!

— Ничего, я уступлю вам одно из своих мест, — галантно сообщил Женар, и, не давая Ролту опомниться, воспользовавшись тем, что тенор ан-Суа закончил, громко крикнул:

— Я передаю свою очередь господину ан-Орреанту! Пусть сейчас выступает! Третьим!

На лицо сына графа было любо-дорого посмотреть. Вот это работа — не успел появиться серьезный конкурент, как он его уже утопил. Графине вряд ли понравится бездарный громкий голос в сопровождении убогой игры на варсете.

Судя по печали в глазах представителя замка ан-Орреант, он только-только начал понимать, в какую ловушку попал. Пообещал непонятно что Женару, теперь придется расхлебывать. Ан-Котеа просто торжествовал. Но что поделаешь?

Виктор с грустью принял протянутую ему варсету, взял медиатор и вышел на пустое пространство перед окном. На него сверху выжидательно взирала Вирета, удивленная таким поворотом.

Молодой воин обернулся, укоризненно посмотрел на Женара, увидел счастливую улыбку, пожал плечами и прикоснулся к струнам. Музыка 'Я встретил вас…, еще неизвестная в этом мире, легко и свободно полилась из-под пальцев. Антипов больше не оглядывался, но знал, что ухмылка хитромудрого ан-Котеа уже стерлась и, возможно, превратилась во что-то иное. Однако это не интересовало Виктора. Он был поглощен пением и необычной, еще не вполне осознанной мыслью. Этот мир все время проверял его на прочность, преподнося странных противников: бывший студент против барона, единственный последователь бога войны против сонма жрецов, недодворянин против сына графа, воин средней руки против целого отряда опытных бойцов и вот теперь последнее, самое забавное, — бас против кастрата. Антипов бы умер от смеха, если бы хоть чуть-чуть допускал, что коварный Кеаль его после этого воскресит.

Глава 6.

Все ворота замков устроены одинаково. Их цель — не пропускать. Массивные двери замка ан-Мерея, сбитые из тяжелых дубовых досок, укрепленные железными скобами и петлями, стойко выполняли свою работу по уменьшению количества нежелательных посетителей. Они чаще были закрыты, чем раскрыты. Ведь ворота распахнуты для каждого лишь у того, у кого их вообще нет. А если они есть, то ими нужно пользоваться. Так считали хозяева замка, так думала стража, так полагали и сами гости. Две башенки, сложенные из больших камней, нависающие над воротами, служили лишним напоминанием входящим об их избранности. В них ведь не летит стрела из узкого окна-бойницы, не льется кипяток из промежутка между зубцами, не падают камни, брошенные меткой рукой ополченца. Гостям путь открыт. Но существует одно, очень нежелательное для хозяев, свойство ворот. Как правило, через них входят неприятности, а выходят радости. Так бывает не всегда, но довольно часто. Радости появляются в замке, чтобы рано или поздно покинуть его, а неприятности обычно возникают за его пределами и умудряются проникать внутрь, невзирая на сильную стражу и мощные укрепления.

Неизвестно, размышляла ли о чем-то подобном графиня

Ласана, когда, стоя у окна рабочего кабинета на третьем этаже, наблюдала за въездом в замок жрецов. Однако она живо интересовалась происходящим. Девушка смотрела на то, как гости входят в длинную утреннюю тень, отбрасываемую донжоном и достигающую внутренней стены, и периодически оборачивалась к Вирете, чтобы сверить впечатления.

— Почему никто из них не едет на ослах, ваше сиятельство? — любопытствовала Вирета, тоже бросая взгляды то на двор, то на госпожу. — Наш жрец ведь частенько передвигается на ослике. А эти вон как гарцуют! Уж не хотят ли они принять участие в турнире?

Около дверей донжона остановилась светло-желтая карета с зелеными рисунками на дверях, сопровождаемая тремя всадниками в белых мантиях жрецов и несколькими солдатами.

— Как говорил мой отец, жрецы высоких рангов не видят разницы между ослами и всеми остальными животными и людьми, — с насмешливой улыбкой отвечала Ласана. — Поэтому им возможно кажется, что они едут на ослах.

Дверца кареты распахнулась и оттуда, опираясь на руку Ракла, дворецкого, медленно вышел тучный человек низкого роста.

— Госпоже не нравятся жрецы, — с легким вздохом осуждения сказала Вирета.

— Почему они должны мне нравиться? — Ласана развернулась всем телом и в упор посмотрела на доверенную даму. — Я им столько всего пожертвовала, но ни один из них не встал на мою защиту перед королем!

Вирета потупилась. Иногда самообладание графини давало трещину. Это можно понять — девушка находится под постоянной угрозой. Такое не каждый выдержит.

— Госпожа решила, кто был лучший вчера? — Вирета предпочла сменить тему. Не годится, чтобы Ласана встретила гостей, скрывая раздражение.

Доверенной даме в самом деле удалось отвлечь графиню. Взгляд Ласаны снова стал насмешливым даже с оттенком мечтательности, а уголки губ дрогнули.

— Я до сих пор не могу перестать думать о голосе Ролта, — сказала она. — Он такой необычный и… такой красивый. От него дрожь по спине.

— Бас. Очень низкий голос, ваше сиятельство, так почти никто не поет. — Вирета успела узнать у менестрелей, что, несмотря на преобладание теноров, басы все же встречаются. Но очень редко.

— А ты разобрала слова? — живо поинтересовалась графиня,

блестя глазами.

— Не все, ваше сиятельство, — мотнула головой доверенная дама. — Разве при таком гудении можно понять? Что-то о любви.

— О любви…, - фыркнула Ласана. — Мужчины всегда говорят о любви, но половина из них лжет, а другая половина имеет в виду любовь к ним самим.

— Ваше сиятельство! Вас же все любят! Разве можно жаловаться?! — эмоционально возразила Вирета, удивленная столь резким высказыванием.

— Любят, говоришь? — прищурила глаза графиня. — Тогда скажи, почему влюбленный в меня, по его словам, Женар уступил свою очередь Ролту? Он ведь должен был выступать первым, третьим и шестым!

Доверенная дама замялась. Она колебалась какое-то мгновение, но потом решила все-таки поделиться с госпожой своими соображениями. Весьма нелестными.

— Я видела, как Женар и Ролт разговаривали перед этим, — сказала Вирета. — Ан-Котеа никогда не уступил бы очередь… разве что Ролт добился этого каким-то посулом или обманом. Скорее, обманом, потому что посул означает, что его милость решил торговать вашим вниманием.

— Обманул самого Женара?! — графиня даже приоткрыла ротик от удивления.

— Да, госпожа.

— Но это невероятно! Женар ведь огромный хитрец! Кто может обмануть такого?

— Больший хитрец, ваше сиятельство, — развела руками Вирета.

— Странно, — пробормотала графиня. — Мне всегда казалось, что простодушные люди обманывают себя, а хитрецы — других. Но два хитреца… не слишком ли много для моего замка? У нас тут ведь военный турнир.

— Может быть и много, но зато выяснилось, что этот Ролт — интересный человек, ваше сиятельство. К нему бы присмотреться поближе….

— Поближе?

— Да, госпожа. Понятно, что ан-Орреант не подойдет в качестве мужа. Но думаю, что он очень перспективен. Полагаю, что ваше сиятельство может даже взять его под свою опеку. Ролт очень молод и наверняка не имеет ни одного хоть сколько-нибудь могущественного покровителя.

Ласана задумалась, слегка наморщив лоб. Снова бросила взгляд в окно, а потом сказала:

— Передвинь его вверх по списку. Поставь выше всех

младших сыновей баронов. Я еще не знаю, как к нему относиться. Мужчины, конечно, все одинаковы, но не у всех есть бас.

В это же самое время Виктор, который все чаще становился предметом разговоров графини, сидел в засаде. На первый взгляд могло показаться, что он вовсе не сидит, а стоит, и не в засаде, а на открытой местности, но эта точка зрения была бы в корне неверна. Антипов сидел в засаде и высматривал врагов.

Он, одетый в серую невзрачную накидку, элегантно опирался о выступ башни во внутренней крепостной стене и вел непринужденную беседу со своим слугой. Разговор мог бы показаться непонятным непосвященному наблюдателю, но был очень информативен для обоих собеседников.

— Длинноволосый? — говорил Виктор, старательно взглядываясь в сторону ворот.

— На гнедой? — спрашивал остроглазый Рикста.

— Да.

— Нет, не похож.

— Слева от кареты?

— Слишком худой.

— Похудел?

— Ни разу не видел худеющего жреца.

— Это стражник, а не жрец.

— Ни разу не видел, чтобы худеющий стражник сопровождал нехудеющих жрецов.

— Ты еще многого не видел.

— Да, ваша милость. Но мы ведь посмотрим на все?

— На то, как жрецы худеют? Возможно.

— Лучше на то, как мы толстеем, ваша милость.

— Мы не станет такими, как они, Рикста.

— Почему, господин?

— Во-первых, быть такими, как жрецы Зентела, низко и подло. А во-вторых, ты же не хочешь растянуть себе желудок?

— Нет, господин.

Виктор так и не обнаружил никого из знакомых среди жрецов и их сопровождающих, которые вошли в замок. Рикста тоже не опознал ни одного священнослужителя из Парреана. Бегство откладывалось.

Антипов провел раннее утро этого дня очень насыщенно. Ему наконец удалось встретиться с наемным распорядителем турнира, пожилым почтенным мужем, выходцем из судейского сословия. Тот, краснолицый бородатый человек, страдал легкой одышкой, отчего неизвестный алмазный орден, висящий на шее, чаще обычного двигался и сиял. Распорядитель произвел на воина

неизгладимое впечатление своей неподкупностью. Качество, в высшей мере похвальное, но досадное, которое однако нужно отделять от честности. Под неподкупностью Виктор понимал невозможность дать взятку лицу, потому что богатство этого лица многократно превышает его собственное.

Однако нет худа без добра. Знания Антипова о турнире значительно пополнились. Теперь ему было известно, как должна проходить жеребьевка.

Каждый из желающих записаться на тот или иной вид состязаний подойдет к писарю и продиктует свое имя. Писарь запишет его на одном из одинаковых клочков пергамента и бросит этот клочок в горшок. Когда количество желающих иссякнет, горшок будет отнесен к графине, которая начнет вытаскивать по два имени за один раз. Это — пары, которые будут сражаться. Сразу же выявятся соперники в следующем круге. Победитель первой пары будет биться с победителем второй пары. Победитель третьей — с победителем четвертой и так далее. В третьем круге встретятся победитель первых двух пар с победителем вторых двух пар и так до тех пор, пока не останется только два претендента на первое место. Схема предельно ясна, за исключением одного вопроса, мучающего Виктор: разве реально подтасовать эту жеребьевку? Он понимал, что если встретится в первом круге, допустим, с ан-Суа, то шансы пройти во второй близки к нулю.

Антипов дождался, пока жрецы втянутся в донжон и почти собрался покидать место наблюдения, но заметил, что какой-то сильно бородатый тип в серо-черной куртке направляется к нему, нервно ощупывая рукоять собственного меча. Сначала, конечно, было не совсем ясно, что этот человек идет именно к Виктору, но, принимая во внимание его диковатый и прямой взгляд, молодой воин решил пока остаться и выяснить цели незнакомца.

Точно — вскоре оказалось, что бородатый тип двигается к Антипову.

— Господин ан-Орреант? — осведомился он, приблизившись достаточно, чтобы не кричать и быть услышанным.

— Да. С кем имею честь? — вежливо отозвался Виктор, подражая манерам Женара. Бывший студент не считал зазорным учиться даже у соперников. Хотя, с другой стороны, если соперник проигрывает, чему у него можно научиться?

— Я — Филиа, барон ан-Крета.

— Рад познакомиться, — сказал Антипов. Теперь-то он припомнил собеседника. Тот сидел неподалеку от ан-Суа за столом во время вчерашнего ужина. — Чем обязан?

Бородатый в упор посмотрел на Виктора, словно пытаясь

проникнуть в его мысли, чтобы понять: он действительно не знает причины визита или только притворяется.

— Вчера между нашими слугами произошел неприятный инцидент.

— Об этом мне известно, — кивнул Антипов, отодвигаясь от башенки. — В нем пострадала труба. Но с музыкантами я сам переговорю чуть позднее. Возможно, возмещу им убытки.

— Пострадал мой слуга, а не труба! — Филия слегка возвысил голос. — Ваш набросился на него как полоумный и избил до полусмерти, чтобы переманить музыкантов, которых уже нанял я.

Виктор обернулся, чтобы взглянуть на Риксту. Тот недоуменно развел руками.

— Здесь какая-то ошибка, — сказал Антипов, которому стало предельно ясно, куда движется разговор. — Ваш слуга оскорбил меня и Рикста сделал ему замечание. Не все могут вынести правду, предъявленную прямо в лицо, поэтому вашему слуге стало плохо.

— Что? — опешил бородач, его глаза широко раскрылись. — Да мой слуга избит! У него вся голова в крови!

— Ваш слуга не совсем потерян для общества, — услышал он продолжение, — если его терзают настолько сильные муки совести, приносящие ему физические страдания. Поэтому я прощаю его и вас за сказанные им слова.

— Вы прощаете меня?! — воскликнул Филиа, задыхаясь от возмущения.

— Да, я — вас. Рассудите сами: вы жалуетесь на избиение своего слуги, а я — на оскорбление, нанесенное мне. Кто кого должен прощать? Уж не думаете ли вы, что здоровье простолюдина выше чести дворянина? Нет, вы скажите, если так полагаете. Мы тогда поставим этот вопрос перед другими дворянами сегодня за общим ужином. Интересно, как они отреагируют?

Барон осекся. Ему совсем не хотелось ставить никакие вопросы перед остальными гостями замка, да и вообще он не любил ввязываться в заварушки с предсказуемо плохим результатом.

— Я бы хотел прояснить все несогласия между нами наедине, — процедил Филия сквозь зубы. — Один на один. Без свидетелей.

Антипов улыбнулся. Он с самого начала догадался, что куда бы не повернул разговор, итог был бы один.

— Предлагаете сначала уничтожить свидетелей? — отозвался представитель замка ан-Орреант. — Ну, это нехорошо с вашей

стороны. Здесь же полно людей! Неужели вы не остановитесь даже перед убийством женщин? Да и детей тут навалом. Признаться, я был о вас лучшего мнения.

Барон схватился рукой за воротник и резко мотнул головой, высвобождая шею.

— Вы меня не так поняли, — хрипло сказал он. — В замке нельзя. Нам обоим укажут на дверь.

'Интересно, его Женар на меня натравил, господин Ришелье? — подумал Виктор. — Или сам барон в своем скудоумии решил повыбивать конкурентов и начать почему-то с конца?

Предложение было очень некстати. Молодой воин опасался последствий. Во-первых, об этом может узнать графиня, тогда пиши пропало. Во-вторых, что он будет делать, если его ранят? Участие в турнире станет невозможным. А в-третьих, высоки шансы на проигрыш. Ипика говорил, что ан-Крета хорошо владеет то ли мечом, то ли копьем. Антипову нужно было время, чтобы точно вспомнить, чем именно.

— Предлагаю отложить встречу, — сказал он. — Буду к вашим услугам, когда закончится турнир.

Бородач сделал нетерпеливое движение рукой:

— Нет, господин ан-Орреант. Я не могу ждать.

'Наверняка за всем этим стоит Женар, иначе барон не был бы так уперт. Это не выгодно не только мне, но и ему, — подумал Антипов. — Быстро графский сынок ответил. Браво! Какая многогранная личность этот Женар: и голос как у кастрата и рука как у ан-Крета'.

— Не можете ждать, а придется, — произнес Виктор, медленно качая головой. — Турнир для меня слишком важен.

Внезапно он заметил, что барон устремил внимательный взгляд на нечто за его спиной. И смотрел так сосредоточенно, что Антипов не выдержал и медленно обернулся. Ему показалось, что у дальней стены донжона стоит знакомая фигура в фиолетовой шляпе и наблюдает за ними. Ан-Котеа, графский сынок. Подозрения молодого воина переросли в уверенность.

— Это невозможно, — голос Филиа был глух, а пальцы крепче сжали черную рукоять меча. Наверное он хотел снова привлечь внимание собеседника. — Сегодня! Иначе мне придется оскорбить вас при свидетелях и будет еще хуже.

'Да что же этот мерзавец Женар ему пообещал?! Вот пронырливый тип. С воображением. Несется как на крыльях. И надоел мне смертельно. Как бы ему крылышки подрезать?

— Что вы предлагаете, господин барон? — приемный сын Алькерта опять посмотрел на своего недруга, гадая, знает ли тот,

что является лишь орудием сведения счетов.

— Мы выйдем из замка по очереди, а вернется лишь один.

— Вы только никому не говорите об этом, — произнес Виктор. — Особенно, Женару. А то ни один из нас не вернется.

Антипов был возмущен сложившейся ситуацией. Как всякий человек, только приступивший к какому-то делу, он был склонен прощать себе отступления от правил, а вот своим конкурентам прощать ничего не желал, что является образцом нормальной человеческой реакции. Вчера он бросил вызов Женару, а сегодня последовал ответ. Тоже все в норме, с точки зрения чувства мести. Виктор начал догадываться, что на поле битвы за графиню схватились двое совершенно нормальных мужчин. В том смысле, что один хотел утопить другого, не испытывая при этом ни малейших угрызений совести.

Вопрос с бароном решился быстро к обоюдному согласию. После обеда оба выезжают за ворота и встречаются в лесу неподалеку. Виктор предложил взять с собой по свидетелю, который будет молчать при любом исходе поединка. Воин не верил в честность ан-Крета и хотел избежать возможных засад. Антипов решил прихватить Ипика, предварительно все рассказав его брату, а барон выбрал ан-Суа. Рыцарь в черных доспехах, по слухам, не был замечен прежде в бесчестных поступках. Виктор считал, что такой сильный боец может позволить себе сохранять приличия в любой обстановке, потому что у него почти нет противников. Если кто-то превратится в великана, то ему будет легко соблюдать кодекс чести, методично истребляя врагов-лилипутов на дуэлях. Можно даже заменить черный цвет одежды на белый и стать олицетворением добра, убивая строго по правилам.

Обед в замке ан-Мерея не был организованным событием в отличие от ужина и тянулся пару часов. Поэтому Виктор рассчитывал успеть расправиться с несколькими намеченными делами, прежде чем обед закончится и придет время дуэли. Волновался ли он? Немного и лишь в те моменты, когда думал о предстоящем бое. Антипов изо всех сил старался придать своим мыслям иное направление, зная по опыту, что если долго не размышлять о важных вещах, то они ничем не будут отличаться от неважных.

— Вас не убьют, господин? — беспокоящийся Рикста упорно мешал сосредоточиться, когда Виктор направлялся в донжон, чтобы прояснить один небольшой вопрос. — Вы сильнее, чем этот боров?

— Скоро выясним, — мрачно ответил Антипов. — Может быть он и сильнее, но я уж точно не слабее.

И оставив слугу гадать о смысле этой таинственной фразы, представитель замка ан-Орреант пошел разыскивать Вирету, доверенную даму графини, с тем, чтобы попросить у нее разрешения взглянуть на призовой меч. Этот поступок был частью продуманного плана Виктора по налаживанию общения с хозяйкой замка. К Ласане ведь не подойдешь так просто, она не гуляет, к примеру, по саду в одиночестве. Чтобы с ней пообщаться, нужно просить аудиенции. Но Антипов выбрал нестандартный подход. Ему, конечно, интересен меч, но не настолько, чтобы смотреть на него накануне дуэли. А вот цепочку 'ухаживаний' за женщиной прерывать нельзя. Женщины могут легко забыть непостоянного поклонника, но не способны выбросить из головы мужчину, о котором думали, что он у них полностью в руках. Так что, не время расслабляться, нужно наращивать темп.

Если бы Виктор просто хотел взглянуть на меч, то попросил бы об этом дворецкого. Тот, возможно, сразу бы проводил воина куда следует. Но обращаясь к Вирете, Антипов преследовал совсем другие цели. Дама доложит графине. И потом уже та будет принимать решение, кто именно покажет меч гостю. Если предыдущие выступления начинающего барда и оратора произвели впечатление, то….

То четверть часа спустя Антипов окажется в милом обществе графини, что и произошло на самом деле. Ласана, одетая в светло-сиреневое платье, сшитое из муслина или из тафты (воин плохо запомнил уроки Нартела касательно женской одежды), вышла к ждущему в коридоре мужчине. Хозяйку замка сопровождала Вирета в наряде любимой зеленой расцветки, но это было совсем неважно. Виктор мысленно поздравил себя — его личность заинтересовала графиню в достаточной мере. Теперь дело за малым: нужно убедить Ласану, что все льстецы, с которыми она сталкивалась, меркнут по сравнению с верным адептом правды, о честности которого скоро пойдут легенды, если, конечно, удастся обмануть менестрелей, легенды распространяющих.

— Господин ан-Орреант, Ролаа, известный герой, был моим дальним предком, — поясняла графиня, стоя так близко от Виктора, что если бы он сместился на несколько сантиметров вправо, то его рука коснулась бы ее руки. — Этот меч передавался в нашем роду по мужской линии, пока наконец она не пресеклась. Мне жаль с ним расставаться, но оружие Ролаа — единственная вещь, которая достойна быть призом на турнире.

Антипов отлично знал, что графиня так не считает. Напротив, она уверена, что на этом турнире есть еще один приз. Важнее,

богаче и красивее прямого и относительно узкого клинка, отполированного до зеркального состояния. Главная награда — сама графиня. И, находясь с ней рядом, вдыхая запах чистой кожи, умащенной дорогими маслами, любуясь безукоризненными чертами лица и мягкими белокурыми локонами, Виктор был готов признать, что она права. Женская красота представляет изрядную ценность, измеряемую лишь величиной чувств мужчины. Что автоматически уравнивает красоту женщины и денежные состояния самых пылких ее поклонников. Но пока лучшие девушки выбирают оплату искренностью и любовью, большинству воротил финансового мира не грозит разорение.

Сам меч, по мнению Виктора, был сделан из стали. Он лежал на столе в большой и светлой комнате. Клинок чуть менее метра в длину переходил в простую рукоять, возможно, деревянную, но обмотанную старой черной кожей. Навершие представляло из себя металлический шар, которым, вероятно, тоже можно было хорошо приложить при желании, а небольшое перекрестье завершало строгий и смертоносный образ меча. Антипов знал, что большинство доспехов и оружия железные. Но благодаря странному подходу жрецов к изобретениям и изобретателям, иногда встречались удивительные вещи. А если прибавить к этому искусство тех магов, которые не брезговали тратить свое время на помощь кузнецам, то свойства этих вещей могли превосходить самые смелые предположения. С магами Виктор не был на короткой ноге и даже благодарил судьбу за это. Волшебная Длань произвела на него в свое время неизгладимое впечатление и он хотел держаться как можно дальше от ее обладателей. С него достаточно Ареса и Кеаля. Эти двое исчерпали собой лимит чудесного, которое мог вынести здравый рассудок Виктора.

— Ваше сиятельство, — проникновенно ответил Антипов, — если бы я выиграл этот меч, то непременно подарил бы его вам. Чтобы вы провели еще один турнир и снова рассказали бы мне все об этом оружии. А именно о том — как оно досталось вам.

Ласана бросила на собеседника заинтересованный взгляд и рассмеялась, продемонстрировав ровные и белые зубки.

— Мужчины часто обещают дарить то, чем не обладают, — сказала она. — Звезды или луну, например. Я даже подозреваю, что если бы в собственности у мужчины оказалась звезда, то он бы не стал ее дарить, а пообещал бы какое-нибудь созвездие, которое ему не принадлежит.

— Увы, ваше сиятельство, мужчины довольствуются для себя скудной реальностью, а женщинам дарят мечту, — отозвался Виктор, удивленный острым язычком графини.

— Женщинам нелегко извлечь пользу из мужских мечтаний, — посетовала графиня. — К тому же, эти мечты, как правило, о нас. Господин ан-Орреант, прошу вас, подарите мне этот меч на самом деле. Тогда мое мнение о мужчинах изменится в лучшую сторону.

'Да это просто Джейн Остин в юбке, — ошарашенно подумал Антипов. — Хм… постойте, Остин и так была в юбке. Значит, — Оскар Уальд в брюках. Хотя и он тоже… Ладно, пусть будет Диоген без штанов'.

Между тем, Ласана, не подозревая о том, что она — Диоген без штанов, потратила на общение с младшим сыном захолустного барона почти целый час, хотя рассчитывала уложиться в несколько минут. Время прошло для нее незаметно. Она впервые встретила достойного противника, умеющего отвечать на ее иронические фразы. Вирета наблюдала за беседующими и не верила своим глазам: Ласана искренне смеялась не только своим шуткам, но и шуткам собеседника.

Неизвестно, о чем конкретно размышляла доверенная дама, но мысли Виктора были просты как поломанный компьютер.

'Пробирает, — с тоской думал он, глядя на сияющие зеленые глаза графини. — Надо же. Кеаль был прав или это у меня гормоны играют? Нет, просто я сконцентрирован на неправильных вещах. Начнем сначала. Нужно как-то отвлечься. Кто стал чемпионом мира по хоккею в прошлом году? Кем был забит первый гол на футболе на последней Олимпиаде? Чем она красит губы и красит ли вообще? Что за фигня! Нет, встречу пора заканчивать'.

Когда Виктор покинул графиню, мысли его были отнюдь не о дуэли. Но реальность быстро взяла свое. Быт, как это часто бывает, захватил его и понес, возвращая на землю. Впереди был обед, на котором ничего не нужно есть в предчувствии боя. Сражаться лучше всего с пустым животом и головой, свободной от посторонних вещей. Так говорил десятник Нурия. Но менестрель Нартел кое-что добавлял к этому. 'Сражаться за себя не почетно, — сказал он как-то. — За другого не интересно. А вот если биться за обоих сразу, то это лучше всего. Вот только попробуй найти такого другого, сражаясь за которого, ты сражаешься за себя'. Антипов сейчас очень хотел верить, что менестрель имел в виду барона или Ареса.

Глава 7.

Узкое окно со стеклом хорошего качества было достаточно высоким, чтобы утренние лучи солнца наполняли комнату ярким светом. Веселые блики сияли на столе, ножках стульев, отражались от гладких мраморных статуэток, расставленных на полках, и даже мерцали на зеленых шелковых шарфах священнослужителей.

Солнечное утро всегда приводило Терсата, помощника Верховного жреца, в отличное настроение. Его, тучного мужчину лет сорока, можно было назвать счастливым. Ведь если просто хорошая погода положительно влияет на бодрость духа, то серьезных проблем у человека нет.

Терсат и в самом деле старался радоваться жизни. Он не упускал ничего, что могло бы разнообразить его рутинный труд на благо Зентела. Театральные представления, спортивные состязания и даже балы в лучших домах жрец посещал с одинаковой охотой. Поэтому он никак не мог пропустить турнир в замке ан-Мерея, да еще с таким призом. Терсат, вместо того, чтобы отправить кого-то к графине, сам вызвался ехать туда. Верховный жрец согласился и через несколько дней страстный поклонник развлечений уже сидел в кресле на третьем этаже вожделенного замка и слушал первый доклад.

— Мы здесь недавно, ваша благость, — говорил молодой и темноволосый жрец, стоя, опираясь на стену около окна, — прошла всего пара часов, но, похоже, что ничего странного в замке не наблюдается. Пока еще.

Терсат, держа в руке небольшой ножик, потянулся и взял со стола небольшое яблоко. Он любил медленно очищать кожуру, откладывая ее в сторону, чтобы потом выгрызть мякоть, немного подумать и… съесть также тщательно удаленные обрезки.

— Неужели ничего? — поинтересовался помощник Верховного жреца. — Совсем ничего? Так ведь не бывает. Всегда где-то что-то есть, Илеа.

— Но не в этом случае, ваша благость, — не согласился собеседник. — Вы же сами говорили, что нам нужно искать что-то крупное. Поэтому я не обращал внимания ни на философские диспуты за ужином, ни на странные голоса, которыми некоторые дворяне пели серенады.

— Странные голоса? — тут же Терсат поднял голову.

— Ну да, ваша благость. Мне рассказали, что один из участников будущего турнира пел очень низким голосом. Это на

многих произвело впечатление. Такое мало кто слышал.

Помощник Верховного жреца вернулся к своему яблоку. Некоторое время царило молчание.

— Я могу идти? — после пары минут ожидания поинтересовался Илеа.

— Нет, — Терсат снова начал говорить. — Необычный голос — это интересно. Вы ведь знаете, что господин наш Зентел очень любит музыку. Вдруг ему понравится, как поет этот дворянин?

— Да, в самом деле…, - озадаченно пробормотал молодой жрец. — Но сначала нам придется его послушать. Чтобы быть уверенными, что голос достоин внимания господина.

— Именно! — кивнут Терсат. — Как вы говорите, его зовут? В последнее время нашему господину нравятся благозвучные имена. Лолоки, например. Но если голос хорош, то сойдет и любое другое.

После обеда, как и планировалось, Виктор выехал из ворот замка в сопровождении Ипика. Если юноша был одет лишь в кольчугу с короткой коричневой накидкой поверх и вооружен ничем не примечательным мечом, то младший сын Алькерта нес на себе почти полную броню. Кольчужную рубаху, выполненную сложным плетением из прочной проволоки, закрывал отличный пластинчатый доспех темно-серого цвета. Он доходил до локтей на руках и колен на ногах, и в свое время славно послужил роду ан-Орреант. Голову Антипова украшал прочный шлем с открытым лицом, а вот на левой голени имелись удивительные поножи из толстого металла. Они были интересны хотя бы тем, что на правой ноге ничего подобного не наблюдалось. Зато к седлу воина был приторочен небольший железный щит, баклер, крепящейся на кулаке. Такие щиты часто использовались не столько для того, чтобы принимать на себя удар, сколько для его отклонения.

Если стража замка и удивилась такой экипировке, то ничем этого не проявила. Тем более чуть ранее из ворот выехала не менее странная парочка: ан-Суа и ан-Крета.

Ипика и Виктор вели неспешную беседу, направляясь в сторону ближайшего леска.

— Говорят, что этой ночью были замечены арнепы, — юноша считал своим долгом делиться с приятелем новостями. — Крестьяне напуганы, а вот ан-Котеа предложил устроить на них охоту.

— Когда? — поинтересовался Антипов, отвлекаясь от мыслей о предстоящем бое.

— Сегодня вечером. Сразу после заката.

Виктор уже сталкивался с арнепами и твердо уяснил одну вещь: от них лучше держаться подальше, если, конечно, за спиной нет какого-нибудь любезного бога, готового разогнать эту нечисть. Но так как любезные боги встречались значительно реже, чем арнепы, то желание находиться от зверушек подальше было весьма практичным.

— И вы хотите принять в этом участие? — вежливо осведомился он у Ипика.

— Да, конечно, — откровенно ответил тот. — Думаю, что все присоединятся к господину ан-Котеа.

— Лучше не просто присоединиться, а вытолкать его в первый ряд, — пробормотал Виктор. — Тогда за него всем захочется отомстить и арнепам мало не покажется.

Воздух небольшим облачком пара вырывался из носов и ртов. В последнее время температура стала неустойчивой. Было то жарко, то холодно, невзирая даже на солнце, которое по-прежнему светило ярко. По мнению Антипова, бывшего географа, это все напоминало начало зимы в субтропиках. Субтропический климат — мечта синоптиков; могут оправдаться даже самые смелые прогнозы, взятые с потолка.

Вскоре всадники достигли оговоренного места. Там с одной стороны располагались деревья, полностью скрывающие замок, а с другой находилось поле. Двое дворян уже ждали. Ан-Суа в черной накидке любовался какой-то веткой, держа на поводу лошадь, а ан-Крета в кольчужно-бригантинном доспехе с мрачным видом ходил вдоль границы леса и степи и внимательно рассматривал что-то под ногами.

Виктор подъехал к своему противнику напряженным. Молодой воин уже принимал участие в сражениях, но дуэль была в новинку. Он не обладал уверенностью в победе, однако не принять вызов не мог. Уже давно, несколько месяцев назад, жребий оказался брошен усилиями Ареса и барона Алькерта. Антипов понял, что он — не лесоруб, не паяц и даже не певец, а воин. Другого достойного пути в этом мире для него не существовало, если принять во внимание самолюбие, раздутое до пределов, которые не вместит здоровое тело крестьянина. Он сознавал, что из него получается очень странный боец, хитрый, непрямолинейный, ищущий обходные пути, но все же боец. Это — бесспорно. Виктор был не готов следовать извилистым путем дворянской чести, ему достаточно и того, что он сам думает об этой чести, но дорожил репутацией. Если местным дворянам кажется, что ради какой-то глупости необходимо рискнуть головой, Антипов рискнет. Сначала их головами, а потом своей. И вообще, рисковать жизнью лучше всего перед смертью.

— Приветствую, господа! — ан-Суа скупо взмахнул рукой, когда Ипика и Ролт приблизились, а потом добавил многозначительную фразу. — Живописное тут место.

— Да, тут хорошо умирать, — согласился Виктор, спешиваясь. — Один из лучших вариантов. Я даже думаю сделать это именно здесь…, когда вон тот красивый дубок подтянется к верхушкам крон остальных деревьев.

Ан-Суа хмыкнул. Ролт собирался прожить еще лет сто.

Филиа хмуро кивнул и подошел поближе. Ипика тоже слез с лошади и, взяв обоих животных (свое и ан-Орреанта) под узду, отвел к деревьям.

— Начнем, пожалуй, — пробурчал ан-Крета, снимая с седла притороченное копье. — А то времени мало.

— Времени всегда мало, — ответил Виктор, взвешивая в руках меч и щит, — господин ан-Суа правильно заметил: его хватает на всякие дуэли, но никогда не достает, чтобы полюбоваться природой.

Антипов говорил то, что думал: он неоднократно замечал, что перед сражением испытывает огромную тягу к окружающему миру. Ему хотелось подолгу смотреть на самый обычный закат, на восход, на листву, молодую и не очень, в крайнем случае могла порадовать даже какая-нибудь невзрачная букашка, ползущая по раскопанной сырой земле. Но зато после сражения Виктор умудрялся игнорировать самые величественные красоты. Парадокс. Человек ценит лишь то, что может потерять внезапно, и пренебрегает тем, что теряет медленно.

— Господа не хотят примириться? — поинтересовался официальным тоном ан-Суа. Рыцарь полагал, что если его позвали, то все должно быть по правилам.

— Нет! — покачал бородой Филиа, ставя копье на землю тупым концом. Среди дворян этого мира бытовал любопытный обычай касательно дуэлей. Противники имели право использовать любое оружие, за исключением стрелкового и метательных ножей. Поэтому бывало, что топор выступал против меча, а палица против кистеня. Обычно об оружии дуэлянты договаривались заранее и загодя знали, с чем столкнутся. Так произошло и на этот раз. Виктору было известно о копье, а ан-Крета о мече и щите. Сюрпризы таились в деталях.

— С вашего позволения, у меня есть несколько вопросов к господину ан-Крета, — сказал Виктор.

Рыцарь в черном кивнул. Перед дуэлью противники имели право прояснить все, что считали нужным.

— Скажите, господин ан-Крета, эта дуэль ваша инициатива или господин ан-Котеа подбросил идею, чтобы избавиться от

меня вашими руками?

Первый же вопрос оказал на ан-Суа стимулирующее действие. Прежде расслабленный барон мгновенно подобрался, его ноздри расширились, а глаза уставились на Филиа в ожидании ответа.

'В яблочко, — с удовлетворением подумал Виктор. — Интересно, кто кого больше ненавидит? Ан-Суа Женара или Женар меня?

— Вы странно говорите, господин ан-Орреант, — сквозь зубы процедил бородач. — Я вызвал вас, а не ан-Котеа.

— Да бросьте, барон, — фамильярно сказал Антипов. — Мы с вами скоро скрестим оружие. Один из нас будет ранен или даже убит. Неужели господин ан-Котеа даже не разговаривал с вами по этому поводу? Я обещаю, что никому не скажу. И думаю, что эти господа тоже сохранят тайну.

Ан-Суа резко кивнул, прожигая приятеля взглядом:

— Да, Филиа, прошу вас ответить.

Барон заколебался, посмотрел куда-то в сторону, а потом выдавил из себя:

— Господа, это целиком мое решение. Конечно, ан-Котеа подходил ко мне, говорил об этом, но решение о дуэли принял я сам.

Виктор ласково улыбнулся.

— У меня больше нет вопросов, — сказал он, поворачиваясь к ан-Суа. — Предполагаю, что перед советами ан-Котеа трудно устоять. И когда мы вернемся в замок не в полном составе, то столкнемся с небольшой неожиданностью.

— Что вы имеете в виду, господин ан-Орреант? — встревоженно спросил ан-Суа.

— Я бы хотел ответить на этот вопрос после боя, — произнес Виктор. — Все зависит от того, кто останется на ногах. Сейчас рано говорить. Если, конечно, господин ан-Крета не передумал драться. Я уже сказал раньше, что прощаю его.

— Я не передумал, — выдавил Филиа, оказавшись под двумя осуждающими и одним насмешливым взглядами. — Мы можем начинать?

— К вашим услугам, господин барон, — Антипов коротко поклонился. Если у него была какая-то надежда, что Кеаль решит проявить инициативу и помешать дуэли, то сейчас она рассеялась.

Противники отошли на ровную площадку, расположенную совсем недалеко от деревьев. Ан-Крета потоптался на ней, а Виктор просто замер, выставив вперед руку со щитом и ногу, защищенную толстым доспехом. Выбор баклера был весьма ожидаем, если приходится противостоять двуручному копью. Как

говорил Нурия, 'только идиот выбирает огромный щит против копья, потому что с этим щитом можно продержаться, но невозможно победить'. Смысл существования маленького баклера был в том, чтобы отбить длинное оружие в сторону и проскользнуть под ним к врагу. А потом уже меч завершит начатое. Большой щит громоздок и, что хуже, может загораживать то, что происходит внизу. Это очень опасно, если речь идет о копье, разящем издалека, — нужно точно видеть, куда устремлен удар острия.

— Готовы? — спросил ан-Суа. — Начинайте, господа!

Ан-Крета поднял над головой почти двухметровое копье, расположив его параллельно земле. Виктор застыл в средней стойке — меч на уровне груди. Он ощутил как легкий ветерок обдувает его лицо и даже живот. Чувство было ложным — никакой ветер не мог проникнуть за броню и поддоспешник. Он почти не волновался, а старался не сводить глаз с длинного наконечника копья, напоминающего лист ивы. Таким можно не только колоть, но и рубить.

Филиа сделал шаг вперед и плавно, словно замедленно, попытался нанести удар в район шеи. Виктор не стал парировать, а отступил. Еще удар, на этот раз по ногам. Отведя мечом копье в сторону, Антипов опять отошел назад.

Ан-Крета ухмыльнулся, отчего края бороды подались наверх, и резко ускорил темп. Виктор больше отступал, чем парировал удары. Он по сложной траектории целенаправленно двигался в сторону деревьев, надеясь, что барон этого не заметит. С длинным оружием там тяжело управляться, а вот короткий меч сразу же даст преимущество.

Копье скользнуло по левой голени — Виктор пропустил удар. Однако доспех выполнил свою роль: Антипов даже не споткнулся. Вообще, он считал себя готовым к противостоянию копью. Учитель Пекста потратил немало времени на то, чтобы его ученик не оказался подколотым каким-нибудь специалистом по этому делу. Но ан-Крета был больше, чем специалистом. Он владел оружием виртуозно и демонстрировал опаснейшую технику: наконечник изменял траекторию в последнее мгновение и Виктор не мог предугадать точно, где он окажется. Догадывался лишь приблизительно.

Антипову наконец удалось слегка углубиться в лесок. Буквально на одно-два дерева. Он решил рискнуть. Отклонил щитом один удар, мечом — другой и уже собрался было пойти на сближение, как в голове внезапно зашумело. Виктор едва не потерял сознание, но усилием воли сумел удержаться на ногах и даже попятился глубже в лес.

Ан-Крета тут же отступил, держа копье вертикально, и, широко улыбаясь, крикнул:

— Вылезайте, господин ан-Орреант! Дуэли не ведутся в чаще.

Виктор только сейчас сообразил, что это было. Он пропустил рубящий удар по голове, когда прекратил отступать. Копье вошло в промежуток между щитом и мечом. Шлем, к счастью, выдержал, а подшлемник самортизировал, но все равно удар был чувствителен. Положение выглядело хреново. Виктор уступал в мастерстве копьеносцу. Он сейчас только поблагодарил судьбу за то, что не выбрал тоже копье, а решил использовать привычное оружие. С копьем против такого бойца Антипов погиб бы в первые секунды.

Теперь, когда Виктор выбирался из леска, в его голову пришла совершенно посторонняя мысль. Он подумал о том, что смог бы, пожалуй, повторить эту технику. Допустим, тренируясь вместе с Ипика. От всех остальных бойцов Антипова отличало то, что он впитывал боевые навыки как губка. Неизвестно, сколько времени потратил барон на то, чтобы освоить этот стиль, но у молодого воина благодаря дару Ареса все получилось бы значительно быстрее. Виктор даже считал, что его мастерство стремительно растет с каждым достойным противником. Он умел копировать их движения и, если не погибнет в каком-нибудь сражении, то через год-другой станет поистине непобедимым бойцом.

Однако сейчас грядущая звезда турниров со вздохом выползала из-за деревьев. Ближайшее будущее представлялось безрадостным. Впереди ждал сильный враг.

— Продолжайте! — распорядился ан-Суа, убедившись, что Ролт не ранен.

Антипов сжал зубы и снова принял среднюю стойку. Ан-Крета же атаковал снизу. Теперь Виктор редко парировал. Он в основном отступал, пользуясь тем, что площадь 'арены' не была ограничена. Ему удалось случайно поймать взгляд Ипика. Глаза юноши выдавали печаль. Тому не верилось, что Ролт выйдет из передряги невредимым.

Выражение лица Филиа было весьма решительным. Его слегка раздражали 'увертки' противника, и он хотел покончить с ним как можно быстрее. Однако Виктору торопиться было некуда, ведь смерть любит торопыг. Он выжидал.

Неутомимый ан-Крета тем временем наносил удары один за другим. Он работал с ритмом мельницы при хорошем ветре. Антипов шагал назад, отпрыгивал, а иногда чуть ли не отбегал, чтобы не попасться в очередную ловушку. Он шел на сближение лишь затем, чтобы убедиться, что защита противника по

прежнему хороша и ему с мечом ничего не светит. За все время даже ни разу не приблизился на расстояние удара. И хорошо, что не приблизился, потому что иначе уже лежал бы на траве с лишней дыркой в теле. Возможно, пластинчатый доспех и кольчугу копье бы сразу не пробило, но сколько у Виктора слабо защищенных мест! И каждое из них ему бесконечно дорого.

Наконец ан-Крета на мгновение замер в верхней стойке метрах в двух от противника. Возможно, он выбирал иной стиль атаки или раздумывал над чем-то другим, но на этот раз Виктор не позволил ему довести мыслительный процесс до конца. К потрясению всех присутствующих, с левой руки дворянина ан-Орреанта внезапно сорвался небольшой щит-баклер и, вращаясь, устремился в лицо барона. Тот тут же отреагировал: слегка наклонился в сторону и автоматически попытался сбить предмет копьем. Это его и погубило.

Воспользовавшись тем, что ан-Крета на какую-то секунду утратил равновесие и не мог нанести удар, Виктор скользнул к нему, отгородился левой рукой от древка копья, а правой нанес удар чуть повыше локтя. Там кольчужная бригантина уже закончилась, а наручи еще не начались. Меч с легкостью рассек плоть и вошел в боковую часть трицепса. Кость Антипов разрубать не собирался, поэтому удар был произведен не в полную силу.

Виктор применил трюк, которому его научил один из дружинников Алькерта. Крепление щита можно было ослабить, чтобы толчком сбросить баклер с кисти. Антипов в совершенстве овладел этим фокусом, как и многими другими. Если 'чистой' победы не получалось, то он был согласен на любую.

Ан-Крета выронил копье, схватился правой рукой за рану и застонал, оскалившись. В настоящем бою он бы, возможно, попытался продолжить сражение, но во время дуэли это было бессмысленно. Рана не позволяла хорошо держать копье. Кровь небольшим ручейком полилась на траву, несмотря на то, что барон попытался зажать разрез.

Ан-Суа тут же бросился к суме, прикрепленной к седлу его лошади, и достал оттуда ткань, заранее порванную на полоски. Через минуту он уже накладывал грубую повязку на рану Филиа. Виктор стоял неподалеку и, будучи виновником случившегося, не знал, что делать.

Антипов не испытывал никакой радости от победы. Возможно, Аресу и перепала значительная доля силы, но Виктор ощущал лишь слабость. Боевой задор быстро угас. Ему хотелось сесть на землю и не двигаться как можно дольше.

— И сколько у вас в запасе таких трюков, господин ан-

Орреант? — поинтересовался ан-Суа подчеркнуто равнодушным тоном, затягивая последний узел на повязке.

— Достаточно, чтобы побеждать, господин барон, — ответил Виктор. — Или я нарушил какие-то правила?

— Нет, все в порядке, — неодобрительно покачал головой ан-Суа. — Щит — не метательный снаряд. Вы использовали его, чтобы отвлечь. Это удалось.

'Да уж, я понимаю, что с тобой подобный фокус не пройдет, — подумал Антипов. — Ты наверное так никогда не поступал. Не было причин. Знаешь, ан-Суа, из тебя бы получился паршивый фокусник. А что паршивому фокуснику нужнее всего? Правильно! Голые ассистентки'.

Виктор сам знал, что не нарушил никаких правил, но подобные хитрости на дуэлях не приветствовались, благодаря влиянию таких, как 'черный' барон. Еще бы, они выживали после всех дуэлей и несли в массы свою разлагающую честность. Прежде всего затем, чтобы новички ненароком не одолели их, старожилов. Лучше опытные 'старички' пусть кромсают молодых и при этом разглагольствуют о духе дуэли и прочей чепухе. Потрясающее лицемерие! Наверняка ни один из таких, как ан-Суа, даже не задумывался над тем, что 'чистота' дуэли служит лишь одной цели — прикрытию его зада.

Однако Антипов благоразумно не стал озвучивать свои размышления. Он потом объяснит Ипика, где зарыта собака, а заодно и все остальные животные. В братской могиле романтичных юнцов.

Ан-Крета с трудом взобрался на свою лошадь, намереваясь возвращаться в замок. Остальные тоже уселись в седло. И лишь тогда ан-Суа вспомнил о незаконченном разговоре.

— Господин ан-Орреант, — сказал он, оборачиваясь к Ролту. — Вы сказали, что господин ан-Котеа подготовит нам небольшой сюрприз, не так ли?

Выражение глаз барона выдавало легкую тревогу. Очевидно, ему не хотелось покидать еще не начавшийся турнир. Еще бы — пока что он самый сильный боец.

— Тут возможны варианты, господин барон, — с охотой отозвался Виктор, ждавший, что вопрос будет задан вскорости. — Ан-Котеа знает, что дуэль должна была состояться. И если, допустим, я вернусь без господина ан-Крета, то постарается обвинить меня в нарушении условия графини. А заодно выставить виноватым и вас. Как свидетеля.

Ан-Суа тронул лошадь. Его лицо было задумчивым.

— А если бы ан-Крета вернулся без вас? — спросил он.

Виктор улыбнулся. Его улыбка была на удивление зловещей.

— Я не знаю, о чем ан-Котеа договаривался с господином бароном, но предполагаю, что тогда господин ан-Крета был бы обвинен. Но не потому, что уважаемый Женар ненавидит его. А чтобы утопить вас. Опять как свидетеля.

Несмотря на боль от раны, лицо проигравшего барона вытянулось. Видимо, он только что осознал эту мысль и допускал, что графский сынок способен и на такую подлость.

— Но мы же возвращаемся все вместе, — заметил ан-Суа. Антипов понял, что когда 'черный' барон старается говорить подчеркнуто равнодушно, то скрывает так свои эмоции.

— Это лучший выход из положения, — согласился Виктор. — Мы ведь просто гуляли.

— Гуляли? — переспросил ан-Суа.

— Ну да. Дышали свежим воздухом, любовались солнцем, ловили кузнечиков… Неважно. Главное, что дуэли не было.

— А как же рана? — встрял Ипика.

— Рана? Какая рана? А-а, рана. Так господин ан-Крета упал с лошади. Да так неудачно, что обо что-то порезался. Мы его, конечно, перевязали и тут же вернулись в замок. Для лечения.

— Я никогда не падаю с лошади, — раздался голос ан-Крета, в высшей степени недовольный. — С детства был отличным наездником!

— Однако в предложении господина ан-Орреанта что-то есть, — ответил ан-Суа. — Может быть….

Но ему не суждено было закончить свою, несомненно, ценную мысль. Лошадь ан-Крета внезапно встала на дыбы, дико заржав. Это произошло так стремительно, что барон не удержался в седле и мешком повалился на землю. Однако его лошадь сумела немыслимым образом изогнуться и лягнуть задними копытами тело своего наездника, когда оно находилось еще в полете. Потом благородное животное, не переставая ржать, с места перешло в галоп и помчалось по дороге, поднимая пыль.

Виктор первым пришел в себя и быстро спешился.

— Что с Филиа? — встревоженно спросил ан-Суа. — Он жив?

Антипов наклонился над лежащим, чтобы узнать ответ на этот вопрос, посмотрел на его лицо, уловил легкое дыхание, приподнял пальцами веки и… увидел в зрачках отражение. Это было отражение совсем не Виктора, а другого мужчины. С черными волосами, зачесанными назад, острым носом и издевательской улыбкой.

— Кеаль! — едва слышно прошептал Антипов, не веря своим глазам. — Но ведь дуэль уже закончилась!

Маленькая фигурка, присутствующая только в зрачках, широко раздвинула руки, словно говоря: 'Ну извини. Опоздал'.

Виктор выпрямился и потер рукой лоб, приходя в себя. Кеаль все-таки решил помочь… Нужно при случае сказать ему спасибо. Раздражение и обида захлестнули Антипова, но тут же пропали. Он понял, что ни от Ареса, ни от Кеаля поддержки не дождешься. Боги способны лишь на то, чтобы ставить своих последователей в затруднительное положение и с любопытством наблюдать, как те будут выкарабкиваться. Жизнь как театр — знакомая мысль. Но если люди в нем несчастные актеры, то боги — жестокие режиссеры, избалованные зрители и скупая бухгалтерия. Может быть Арес прав и этому миру нужно дать шанс шагнуть дальше?

— Еле дышит, — произнес Антипов. — Невероятный случай.

Ан-Суа спешился и наклонился к приятелю.

— Рука провидения, — сказал он.

— Нога лошади, — уточнил Виктор.

— Вы не верите в судьбу, господин ан-Орреант? Напрасно. Бедному Филиа сегодня определенно не везет.

Антипов, конечно, верил в судьбу, но больше верил в взбесившуюся лошадь, а еще больше — в Кеаля. Турнир, еще не начавшись, принял свою первую жертву. Виктор даже не мог предугадать, что будет происходить ближе к концу.

Глава 8.

Вирета медленно перебирала струны серебристой арфы. Графиня сидела за столом боком к нему и выстраивала какой-то дом из полновесных золотых монет. Эта привычка осталась у нее с детства, когда она еще маленькой девочкой пыталась создавать крепости из камушков, но быстро обнаружила, что монеты подходят для подобной цели лучше всего. Особенно тяжелые золотые. Иногда в голову Ласане приходила мысль, что люди используют деньги как-то однобоко. Они покупают на них пищу, одежду, преданность, но даже не думают о том, что можно строить дома из еды, тканей и чувств. Достаточно лишь сложить дом целиком из золотых монет.

— Ваше сиятельство грустны? — спросила доверенная дама, не прекращая музицировать.

Графиня оторвала взгляд от стола и посмотрела на Вирету.

— Я думаю, — сказала она. — О том, кого мне выбрать.

— Вы же собирались выбирать победителя, госпожа. Или хотя бы того, кто будет вторым.

— Да. Женара или ан-Суа, — подтвердила графиня. — Лучше Женара. И уж точно не Менела, если он прибудет. С героями невозможно жить. Они не предназначены для этого. Герой — это огонь. К нему можно быстро прикоснуться, но если задержать руку хоть ненадолго, обожжешься. Или, что хуже, потушишь огонь. А если потушишь, все равно получится, что живешь не с героем.

Вирета решила сыграть кое-что повеселее. Она отлично поняла графиню. Если женщина снова начинает думать о том выборе, который уже сделала, значит, не верит в его правильность. И чем большее число раз подтвердит верность прежним намерениям, тем менее они прочны. Но насчет графини Вирета не беспокоилась. Практичность госпожи известна. Никакие колебания не помешают выбрать Женара.

— Ваше сиятельство беседовали сегодня со жрецами. Они сообщили что-нибудь интересное? — поинтересовалась доверенная дама.

— Нет, — вздохнула Ласана, слегка натянув кружевной вырез платья на груди, — жрецы никого не нашли. Говорят, что ищут, но врут наверное. Их главный, Терсат, так подробно расспрашивал о турнире, что наверняка досмотрит его до конца. Хотя, знаешь, в разговоре с ним мне кое-что сильно не понравилось.

— Что, госпожа?

— Понимаешь, Вирета, — графиня почему-то стала говорить тихим голосом, — этот жрец вел себя со мной так, словно я… как бы сказать… уже не могу ни двигаться, ни думать, а просто… лежу при смерти.

— Ваше сиятельство? — пальцы дамы замерли от удивления.

— Так… жалостливо-снисходительно. Как говорят с тем, кто вот-вот станет покойником. С тем, кто уже отжил свое и не может сделать ни хорошего, ни плохого. Ничего!

— Госпожа! Вы наверное ошибаетесь!

— Нет, Вирета, — лицо графини стало сосредоточенным. — Я все почувствовала. За этим что-то стоит. И я бы очень хотела знать, что.

Трапезный зал замка Мерей был освещен неровным светом факелов. Тени подрагивали на белых стенах и столе, где на этот раз не присутствовали яства. Время ужина настанет потом, но дворяне все были здесь. Некоторые из них сидели на стульях с высокими спинками или скамьях, другие стояли, прислонившись к стенам, а третьи, застигнутые врасплох каким-то вопросом, загораживали проход, общаясь с приятелем. Но они никому не мешали, потому что не сновали слуги, не бродили менестрели и даже не бегали акробаты. Благородные гости ждали начала жеребьевки.

Виктор скромно сидел в тени на большой скамье рядом с Ипика. Он посматривал на дворян, а особенно на Женара, который тоже бросал разгневанные взгляды в сторону ан-Орреанта. И видит Арес, у сына графа для этого были причины.

Когда ан-Крета упал с лошади, Антипов вернулся в замок, чтобы распорядиться насчет телеги. Ан-Суа и Ипика остались с раненым. Виктор ворвался в ворота и стал требовать у стражников, чтобы незамедлительно отправили повозку за ан-Крета. По какому-то 'случайному' стечению обстоятельств рядом с воротами прогуливался и Женар, возможно пытающийся быть незаметным, но красно-золотой костюм слегка препятствовал этому. Ан-Котеа присматривался, прислушивался и очень обрадовался появлению Ролта.

— Что случилось с благороднейшим бароном? — спросил графский сынок, подходя к Виктору, ждущему, когда убежавший солдат вернется с телегой. — Он жив, господин ан-Орреант?

— Ранен, — кратко ответил Виктор.

— Ранен?! — притворно ахнул Женар. — Какая неприятность! На него напали разбойники? Или… страшно сказать… он пострадал на дуэли?

— Упал с лошади, — столь же скупо произнес Антипов.

Ан-Котеа на мгновение опешил, но его губы быстро сложились в понимающую улыбку.

— Барон — хороший наездник, господин ан-Орреант.

— Да, — согласился Виктор. — Мне тоже так показалось.

— Он не мог просто так упасть, — сдвинул брови Женар, не понимая такой сговорчивости собеседника.

— Он упал не просто так, — подтвердил Антипов.

— А как? — ан-Котеа явно обрадовался, что вышел на след.

— Изящно и правильно, ваша милость. Как падают хорошие наездники.

Женар внимательно посмотрел на Ролта. Графскому сынку показалось, что над ним издеваются, но веских доказательств пока не было. Ан-Орреант вещал с самым серьезным выражением лица. Ан-Котеа решил зайти с другой стороны.

— Если он упал правильно, то почему был ранен? — Женар задал логичный вопрос.

— Его ударила копытами лошадь, ваша милость.

— Ударила копытами?! — несказанное изумление отразилось на лице графского сына, отчего его усы забавно встопорщились.

— Да, ваша милость.

— Как это может быть? Вы ведь сами только что признали, что барон — хороший наездник!

— Наездник хороший, а лошадь плохая.

Женар отвернулся и посмотрел на небо, чтобы успокоиться. Лицо Ролта было непроницаемо простодушно. Если бы сын графа не имел с ним дел раньше, то мог бы поклясться, что тот это все говорит всерьез. Но ан-Котеа знал, кто перед ним. Коварный двуличный тип! Чудовищный болтун, которому удалось обманом выудить варсету и место под окном графини. Опаснейший из лицемеров, скрывающий свою сущность под маской защитника молодых дворян. В иной обстановке эти все эпитеты звучали бы как комплименты в устах Женара, но сейчас вина Ролта была не просто в том, что он решил завоевать графиню, но и в том, что делал это с помощью ан-Котеа.

Сын графа решил не настаивать на ответах, а подождать появления ан-Крета и свидетелей. И действительно, вскоре они въехали в замок. Бедного барона везли на скрипучей телеге, а рядом гарцевали ан-Суа и молодой дворянин Ипика.

Не собираясь разговаривать лишний раз со своим недругом, Женар обратился к Ипика.

— Господин ан-Фадор, как же барон попал под копыта? — громко спросил ан-Котеа еще в воротах, чтобы слышали все присутствующие. — Вы своими глазами видели, что случилось?

— Лошадь взбесилась, — просто ответил Ипика. — Барон упал, она его — копытами, а господин ан-Орреант….

— Что 'господин ан-Орреант'? — с надеждой спросил ан-Котеа.

— Сказал, что поедет за телегой и первый ответит на вопросы вашей милости, когда случайно встретит вас прямо у этих ворот.

У Женара не было формальных причин вызвать Ролта на дуэль, да и делать этого не хотелось. Поэтому, ожидая жеребьевки, он просто гневно смотрел на ан-Орреанта, но пока ничего не предпринимал.

Между тем, в зале начали происходить важные события. Появился писарь, невысокий мужчина с лысой макушкой, и уселся за небольшой столик у стены. Там уже стоял пустой темно-желтый горшок и горкой высился нарезанный пергамент. Улеа разложил письменные принадлежности и с важным видом откинулся на спинку стула. Он был еще не готов действовать. Сейчас сюда придут маги и графиня и лишь тогда дворяне смогут подходить и записываться. Жеребьевка должна быть честной.

Виктор, как и многие в зале, посматривал на маленького человечка в потертой коричневой куртке. Улеа выглядел весьма заурядно, но Антипов мог бы многое о нем рассказать. Писарь родился в деревне неподалеку. Он чем-то приглянулся одной из знатных дам, живущих в замке, и та по причине безделья, которое часто наблюдается у пожилых дворянок, отставленных от интриг и общения с противоположным полом, решила заняться его воспитанием. Конечно, Улеа был у нее не единственным воспитанником, но занимался старательно и подавал надежды. Его перевели в замок сначала на должность помощника конюха, потом он стал одним из лакеев, затем дворецкий приметил его и решил использовать наиболее рационально: в качестве писаря. Для урожденного крестьянина Улеа сделал неплохую карьеру.

Это все были факты, известные каждому слуге в замке, но Антипов обладал более глубинными знаниями. А именно — о внутреннем мире писаря. Кто-то может сказать, что внутренний мир каждого загадочен и о нем нельзя знать все. Он будет прав. Душа человека потемки и только два-три места в ней освещены достаточно хорошо: 'деньги', 'страсти' и 'надежда'. Надежда, в первую очередь, на то, что с деньгами и страстями все будет в порядке.

Сейчас Виктор следил за присутствующими в зале и радовался мысли, что известное ему не знает почти никто. Разодетые спесивые дворяне, думающие только о том, как бы правдами и неправдами обратить на себя внимание графини или хотя бы дам попроще, не интересовались скромными надеждами

Улеа. Они не знали, как он любит читать, что копит деньги на хороший дом в родной деревне, что наконец собрался жениться, но девушка упорствует в ожидании дорогих подарков. Никому из них неизвестно, что Улеа — вообще-то, неплохой человек, честный, но с которым можно договориться, если подойти к делу умеючи. Да и зачем дворянам знать о каком-то ничтожном смерде? Он ведь никто и ничто, просто пишушая рука. Самовлюбленные гости приблизятся к нему, скажут свое имя и он, жалкая букашка, запишет его на клочке пергамента и опустит в горшок, который затем передадут графине. Все будет происходит открыто, да еще под присмотром магов, которые обязательно пошарят своими Дланями где только можно. Зачем дворянам снисходить до общения с этим ничтожеством в потрепанной одежде? Что от него зависит?

Зато Виктор был не горд. Гордость — это умение не замечать других. Она нужна, чтобы не расстраиваться, сравнивая свое мнение о себе с впечатлениями посторонних.

Антипов активно и щедро общался с лакеями, особенно с Нисттеа. Когда выяснилось, что распорядитель турнира не окажет никакой помощи, взаимодействие с низшими сословиями стало еще более интенсивным. Виктор многое успел во второй день пребывания в замке. Он заслал Риксту к писарю, а потом встретился с Улеа сам. Простого, но честного человека легко склонить к сомнительным поступкам, если разъяснить, как непросто и бесчестно все получится без его вмешательства.

Через несколько минут после писаря в зал зашли три мага в длинных мантиях неярких цветов. Представитель замка ан-Орреант с трудом сдержался, чтобы не поморщиться. Их Длани, серые полупрозрачные щупальца, так и рыскали по всему вокруг, наталкивались на дворян, защищенных деревом рестр, отдергивались и снова принимались за свое. Хотя у каждого из магов было по одной Длани, три щупальца, перекрещиваясь, создавали впечатление гигантского и наглого спрута-привидения. Дворяне смотрели на магов слегка настороженно. Только ан-Суа и еще несколько человек, удовлетворив любопытство, быстро отвернулись от новых посетителей. Виктору казалось, что 'черный' барон смог бы справиться один на один и с магом. Не самым сильным, конечно.

Две Длани устремились к столу писаря, 'мазнули' по горшку, пергаменту, письменным принадлежностям и, вероятно, не обнаружив ничего интересного, убрались. Маги разбрелись по углам, чтобы дождаться главного действующего лица — графини.

Ласана однако не заставила себя ждать. Она появилась вскоре, одетая в синее платье с серебристыми узорами по краям и

игривым вырезом на груди. Ее, как обычно, сопровождала Вирета.

Графиня уселась во главе стола, словно сейчас был ужин. Серебряное шитье переливалось, привлекая внимание, но глаза всех присутствующих были устремлены лишь на лицо Ласаны.

— Добрый вечер, господа, — звонким голоском сказала девушка. — Я слышала, что прошлой ночью появились арнепы и сегодня затевается на них охота. Это — хорошая мысль, хотя мало кому удавалось справиться с ними. Если так, то не будем затягивать жеребьевку. Мне тоже интересно, что случится вскоре.

Среди дворян наметилось оживление.

— Господа, те, кто не передумал принимать участие в турнире, подходите к писарю и записывайтесь. Правила вы знаете. Если кто-то по какой-то причине останется без пары, то с ним решим позднее. С опоздавшими тоже что-то будем делать. Однако если в замок прибудут великие бойцы с прочной репутацией, то им позволим встретиться с победителями в каждом из состязаний. Надеюсь, никто не возражает?

Всем было ясно, кого имеет в виду графиня. Возражений не было. Если появится Менел, то будет странно выставлять него против неопытных бойцов. Пусть сразу пробует силы на чемпионах.

Поток желающих потянулся к Улеа. Дворяне подходили, произносили свои имена, человечек тут же записывал их и бережно опускал кусочки пергамента в горшок. Каждый раз он погружал глубоко свою руку, чтобы положить их прямо на дно. Виктор тоже добрался до стола, назвал себя, был записан, и кусочек пергамента с его именем отправился в горшок.

Эта часть жеребьевки закончилась очень быстро. Когда записался последний, Вирета подошла к столику Улеа, забрала горшок и отнесла его к графине. Горшок был глиняный и не очень легкий. Ласана приняла его, демонстративно встряхнула, поставила перед собой и опустила внутрь руку, чтобы вытащить первые имена, лежащие сверху.

Все затаили дыхание, а Виктор особенно. Именно сейчас решалась его судьба. Если ему достанется кто-то из сильных противников, то пиши пропало. Вся деятельность окажется напрасной тратой сил. Антипов, конечно, подготовился к жеребьевке, но все равно существовала возможность, что что-то пойдет не так. Он сцепил пальцы в замок и замер, сжимая их изо всех сил. Больше ничто не выдавало его волнение.

— Ан-Туреа и ан-Нерепт, — прочитала графиня.

Писарь тут же записал пару на большом листе. Сердце Виктора застучало. Он не думал, что окажется в числе первых, но надеялся, что будет так. Чем ближе к началу, тем лучше. Главное

— попасть в первые четыре пары. Тогда при отсутствии в них сильных противников выход в 'финал' почти обеспечен.

— Ан-Марек и ан-Фадор-старший.

Прошел брат Ипика, боец не из великих. Антипов еще сильнее сжал пальцы.

— Ан-Приа и… ан-Орреант!

Виктор медленно выдохнул. Он только сейчас заметил, что почти не дышал с тех пор, как прозвучала первая пара. Теперь нужно было дождаться, когда же появятся имена сильных воинов.

Но, к счастью, обошлось без неожиданностей. Имена чемпионов, включая ан-Суа и ан-Котеа, прозвучали в самом конце. Когда графиня вытащила последние кусочки пергамента, сначала даже не все поняли, что произошло, а потом слабый ропот пронесся по залу. Если победитель в одной паре бьется с победителем соседней пары, то получалось, что самые сильные бойцы схватятся друг с другом. Невероятное стечение обстоятельств!

Ласана тоже была удивлена. Она ожидала более равномерного распределения противников. Виктор смотрел на ее озабоченное лицо и даже сочувствовал графине. Он ведь наблюдал внимательно и видел, с каким трудом Ласана доставала последние имена. Тогда очаровательные брови хмурились, а губы поджимались с досадой. Создавалось впечатление, что горшок не совсем чист и часть кусочков пергамента просто прилипла ко дну….

Антипов подумал, что какой-нибудь кухарке наверняка достанется за небрежность. И решил потом материально компенсировать бедной женщине моральные и физические страдания. Виктор заботился даже о своих невольных союзниках. Кухарка ведь ни при чем, хотя горшок был действительно не совсем чист. А именно — покрыт легким налетом из муки и еще каких-то ингредиентов в тех местах, где ко дну прикасался пергамент с именами чемпионов. Антипов так хорошо знал состав этой 'грязи' потому, что ее своими руками сделал Рикста. Отличный клей получился! Если совсем немного нанести на кусочек пергамента и прижать его ко дну горшка, то этот кусочек там и останется. И встряхивание переживет. Спасибо ловким пальцам Улеа. 'Ничтожный человечек, от которого ничто не зависит' женится на своей избраннице и совесть его останется чиста. После разговора с местным оратором Ролтом писарь был уверен, что его труд, пусть и оплачиваемый, служит идеалам справедливости, идет на пользу замку, а особенно — госпоже графине. Впрочем, Антипов во всем этом тоже не сомневался.

Когда собравшиеся расходились, Виктор увидел выражение

лица Женара. Графский сынок о чем-то напряженно думал, бросая озадаченные и растерянные взгляды на то место, где сидела графиня. О мыслях ан-Котеа легко было догадаться. Он был слишком недоверчив, чтобы предполагать случайность. Ему казалось, что Ласана все это подстроила сама.

Глава 9.

Виктору в его родном мире всегда нравились храмы. Во время своих редких путешествий он не упускал случая зайти в местную церковь, чтобы полюбоваться красотами внутреннего убранства. Особое впечатление на Антипова производили старинные здания. Рассматривая почерневшие вековые бревна деревянных церквей или разноцветные фрески величественных каменных храмов, он не мог не думать о тех временах, когда строительство этих сооружений только начиналось. Виктор представлял себе, как в поте лица трудился плотник, имя которого сгинуло во тьме веков, или как молодой, но талантливый и подающий большие надежды художник тщательно выкладывает мозаику, стоя под куполом. С большинством этих художников время сыграло злую шутку: от них остались лишь работы, а надежды, которые они подавали, умерли вместе с телами тех, кто надежды питал.

Однако сейчас, когда Антипов в полном одиночестве стоял в святилище Зентела, расположенном на территории замка Мерея, печальные мысли о судьбе создателей храмов не одолевали его. Даже наоборот, Виктор был полон тихо бурлящей ненависти к тем, кто так или иначе приложил руку к возвеличиванию гадкого сатира (по версии Кеаля). Воин с негодованием осматривался по сторонам и с трудом удерживал себя в руках. После случая в Парреане желание разрушать вспыхивало в Антипове всегда, когда он видел какой-либо храм или слышал о нем.

Святилище было небольшим, может быть пять на пять метров. У каменной стены, противоположной входу, стояла мраморная статуя Зентела ростом со среднего человека. Бог виноделия как обычно сжимал в руках гроздь винограда и кувшин, а его красивое лицо скупо освещалось тусклыми лампадами.

'Жаль, что ты не можешь быть одновременно во всех своих статуях, — думал Виктор. — Увидел бы нового почитателя… похожего на коня. Думаешь, я не похож на коня? Ошибаешься. Похож на троянского'.

Около подножия статуи стояла корзинка с дарами. Пара бутылок хорошего вина, фрукты, несколько серебряных монет…. Антипов собственноручно принес корзинку, причем делал это уже не в первый раз в течение дня. Он ставил подношения перед Зентелом, отходил на несколько шагов, а потом ждал долго или не очень, в зависимости от того, сколько было свободного времени. Когда время истекало, Виктор, разочаровавшись, вздыхал и уходил, чтобы вернуться опять с подношениями. Он не

боялся разориться на дарах, потому что носил с собой одну и ту же корзинку с одним и тем же содержимым. Выходя из святилища, экономный Антипов забирал дары.

На этот раз время тоже поджимало. Вскоре должна была начаться охота на арнепов и Виктор не хотел пропустить такое. Он посмотрел в темное окно, слегка пожал плечами и хотел было уже взять корзинку в руки, как страшный шепот, донесшийся от двери, остановил его.

— Они идут! Идут, господин! — Рикста, оставшийся снаружи, старался вовсю. — Вы слышите, господин?!

— Слышу, слышу, — ворчливо, скрывая облегчение, отозвался Антипов, пригладив волосы на непокрытой голове. — Наконец-то! Все, беги отсюда. Я буду входить в образ.

Виктор придирчиво осмотрел покрытый мелкими трещинами каменный пол и уселся на свои пятки, прислушиваясь к звукам за дверью. Рикста, должно быть, отполз совсем тихо, но зато чужие шаги, начавшиеся как едва заметное шуршание, становились все громче и отчетливее. Два или три человека приближались к святилищу. Антипов глубоко вздохнул и замер, наклонив голову. Приближался его бенефис.

Помощник Верховного жреца Терсат шел по безлюдному коридору в обществе верного Илеа. Они двигались молча. Только что Илеа закончил доклад по поводу странных результатов жеребьевки и Терсат пытался догадаться, почему графиня проводит такую политику. Зачем она стравливает между собой самых сильных претендентов в начале турнира? Ласана произвела на помощника Верховного жреца впечатление неглупой особы. Значит, за ее действиями что-то стоит? Но что? Терсата мучило любопытство.

Жрецы неторопливо шагали к святилищу. По правилам они должны были навестить это место первым делом, но решили пренебречь своими основными обязанностями, чтобы выполнить поручение Верховного жреца и господина — выяснить, есть ли в замке Посредник. Им так ничего не удалось узнать, а откладывать визит к святилищу на утро было бы уже чересчур.

Коридор был слабо освещен светом факелов. По нему мало кто проходил — богобоязненность приезжих дворян не простиралась дальше ежемесячных визитов в храм. Конечно, все они верили в Зентела, было бы чрезвычайно трудно исхитриться не поверить в того, кто реально существует, но нарочитая религиозность не была в моде. Терсат знал, почему. Такова воля господина. Зентел не требовал исступленного всеобщего поклонения.

'Пусть простые люди преклоняются передо мной и боятся

меня, но не нужно доводить это до крайней степени, — говорил он. — От религиозных фанатиков очень мало проку. Они подчиняют свою жизнь лишь одной цели, для которой у меня и так есть жрецы. Вот представьте, что овцы будут есть траву лишь одного вида. Что с ними случится? Они зачахнут и заболеют. Шерсть станет плохой и… все станет плохим. Обычные люди не должны притворяться жрецами. Освободим их от гнета, дадим свободу воли и люди расцветут! Их дух станет сильным, а тело здоровым. Вот чего я хочу!

Терсат отлично понимал господина. Зентел был талантливым пастухом. Он огородил пастбища, но в этих пределах позволял многое. Шерсть была хороша…. Помощник Верховного жреца не смел перечить своему богу, но все-таки в глубине души полагал, что церковь могла бы немного расширить свое влияние, еще больше прижать немногочисленных философов-вольнодумцев так, как прижимает изобретателей, и лучше контролировать дворян. Особенно графов. Верный подчиненный обычно более рьяно исполняет волю начальства, чем этого желало бы само начальство. И если вследствие какой-то чрезвычайной ситуации подчиненные получают карт-бланш, то первоначальный замысел летит в тартарары.

Впрочем, в тот момент, подходя к дверям святилища, Терсат думал в основном о графине и только немного о расширении влияния, но лишь по той простой причине, что о последнем думал всегда.

— Ваша благость! — Илеа внезапно прикоснулся к мантии тучного жреца, прерывая его мысли. — Послушайте! Там кто-то есть.

Терсат остановился вместе со своим подчиненным, слегка отстраняясь от него — жрец не любил фамильярности. Из-за двери святилища раздавалось какое-то гудение.

— Кто там? — тихо спросил Терсат, обращась к Илеа.

— Не знаю, ваша благость. Нужно подойти поближе.

Оба жреца приблизились. Святилище представляло из себя одну из комнат замка, расположенную в нежилом крыле вблизи складов, библиотеки, трапезной и служебных помещений.

Подойдя вплотную к деревянной двери с ржавыми железными скобами, Илеа хотел было взяться за фигурную металлическую ручку, но Терсат знаком остановил его. Из святилища доносился довольно любопытный монолог.

— Великий Зентел, все просят тебя помочь им стать графом, а я прошу лишь помочь выиграть турнир. — неизвестный обладал очень приятным низким тембром. — Ну зачем мне быть графом? Чтобы уменьшить выплаты твоим жрецам, как собирается сделать

ан-Котеа? Или вырубить виноградники и построить на их месте крепость, как намеревается поступить ан-Суа? Нет, великий Зентел, я отказываюсь быть графом на таких условиях. Как можно? Ты послал сюда всем известного мудреца Терсата и его никто не встречает, как это принято в южных странах, золотым паланкином, а прекрасные танцовщицы не устилают его путь лепестками роз! Наши нравы настолько упали, что все думают о деньгах вместо того, чтобы не думать о безденежье.

Жрецы за дверью изумленно переглянулись.

— Нет, я прошу просто помочь мне выиграть турнир. Получу меч героя и вступлю в храмовую стражу! Кто-то же должен защищать мудрых жрецов от проходимцев? А этот турнир весь полон проходимцев. Они готовы на самое низкое жульничество, чтобы его выиграть. Могут даже мошенничать с жеребьевкой! Позор!

— Я не думал, что среди этих дворян есть настолько религиозные, — прошептал Терсат. — Надо бы к нему присмотреться.

— Великий Зентел, прошу, вмешайся! Останови отступников и сладострастцев! Прошли слухи, что молодые дворяне прячутся под кроватью графини. Бедная Ласана. Невинное дитя! Мне стыдно жить в одном замке с этими развратниками!

— Кто это вообще такой? — спросил Терсат.

Илеа недоуменно пожал плечами. Он внимательно прислушивался.

— Я, Ролт ан-Орреант, обещаю приложить все силы для того, чтобы это исправить, если выиграю турнир! Каждый знает, что моим обещаниям можно верить даже больше, чем своим, данным себе же!

— Так это — тот самый Ролт, — Илеа старался говорить как можно тише. — Думаю, что завтра же его нужно пригласить и выслушать.

— Рано утром, — уточнил Терсат. — Его благочестие хотел, чтобы надежный человек выиграл турнир и стал графом. Место графа уже занято, а насчет остального посмотрим.

Стояла безлунная ночь. Еще с вечера небо затянули низкие облака, но сейчас они частично рассеялись, если судить по нескольким выглянувшим звездам. Виктор в числе других дворян ехал на лошади, одетый в свою обычную накидку поверх доспехов. Гости замка Мерея направлялись в ближайшую деревню, чтобы принять участие в одной забавной охоте.

Рядом с Антиповым находились Ипика и его брат. За ними следовали слуги, но Рикты среди них не было. Когда Виктор

вышел из святилища, то обнаружил, что жрецы ушли. Видимо, они решили дать возможность закончить молитву без помех такому замечательному верующему.

Однако дальнейшие действия этого 'замечательного верующего' сорвали покров тайны с его подозрительной и недоверчивой сути. Вместо того, чтобы взять с собой слугу, как это сделали все остальные дворяне, Виктор поручил Риксте проследить за жрецами. Его уже давно интересовал вопрос, что те делают, когда появляются арнепы. Жрецы ведь должны быть на переднем крае борьбы с демонами, иначе получается, что люди находятся строго между злом и священниками и… защищают одних от других.

Деревни достигли быстро. Там уже вовсю кипела деятельность. Дворяне ходили вдоль ограды, деловито осматривая ее, слуги готовили копья, а местные жители путались под ногами, ожидая, что им что-нибудь перепадет. Мальчишки прыгали вокруг и приставали с вопросами. От них пока нетерпеливо отмахивались, но каждый знал, что они скоро понадобятся. В качестве приманки.

Виктор отделился от братьев ан-Фадоров и отыскал Нарпа и Пестера, баронских солдат, остановившихся в деревне. Оба воина относились к кругу доверенных лиц Алькерта и знали об Аресе. Насчет охоты они были предупреждены загодя, поэтому встретили Антипова во всеоружии — с длинными копьями, щитами и сетью. Нарп, молодой безусый воин, забывшись, хотел было дружески хлопнуть своего приятеля Ролта по плечу, но пожилой Пестер сумел вовремя сдержать порыв сослуживца. Гости графини не поняли бы таких отношений между простым бойцом и дворянином.

— Все спокойно? — Виктор ограничился лишь улыбкой. Они расстались совсем недавно. Два дня назад. — Готовы? Знаете, когда начнется?

— Скоро уже, — ответил Пестер. — Решили, ваша милость, кто в середине?

Седовласый воин знал Ролта с рождения и обычно обращался на ты. Но сейчас ради конспирации традиция была нарушена.

— Нарп будет в середине, — ответил Виктор. — У него реакция лучше. А мы с тобой — с копьями.

На арнепов охотились обычно по трое, стоя плечом друг к другу около защитной ограды. Средний выполнял роль загонщика, а двое крайних были ловцами. Это занятное времяпровождение не было принято в родном графстве Ролта, но севернее пользовалось определенной популярностью.

На одной стороне деревни царила суматоха. Жители и часть

слуг держали чадящие факелы, кто-то развел костерок, дворяне вставали на скамьи, только что установленные рядом с оградой, и били копьями воздух, перегнувшись через ограду. Деревенская изгородь была выше полутора метров, но, тем не менее, отлично защищала от арнепов. Она бы выполняла свою роль, будь и пониже. Дело в том, что ночные хищники непонятным образом чувствовали, когда между ними и дичью находится преграда, поэтому никогда не подбегали к огороженным поселениям.

— Все готовы?! — раздался командный голос Женара. — Все? Готовьтесь, господа! Сейчас будем выпускать мальчишек.

Виктор обернулся и увидел, что графский сынок, на этот раз без шляпы, но в отличном железном шлеме, закрывающем поллица, оперся на почти трехметровое копье и пытается командовать одновременно своими слугами и местными жителями. За ан-Котеа маячила полная фигура Терсата. Охочий до зрелищ жрец находился в обществе трех солдат храмовой стражи. Все остальные священники остались в замке.

Антипов слегка волновался перед грядущим событием. Дело новое, незнакомое, легко ошибиться. Он не думал, что опозорится, но на всякий случай тоже взвешивал в руках копье и становился на скамью перед оградой. Конечно, арнепы не появлялись каждый день, существовала вероятность, что их вообще не будет, но что-то подсказывало Виктору — звери придут.

Заунывно завыл рожок. Звук необычно высокой тональности разнесся над деревней и окрестностями.

— Приманивают, — сообщил Пестер, разминая плечи. — Сейчас мальчишек выпустят. Пора, ваша милость!

Виктор, только что сошедший со скамьи, вновь встал на нее. Поле перед поселком было освещено слабо, а холодный ветер дул прямо в лицо. Нарп встал рядом с приятелем, а по другую сторону от молодого воина замер Пестер. Правая рука Нарпа была замотана в кусок плотной кожи, он был безоружен.

Древко копья Антипова не выскальзывало из рук, но ладони слегка вспотели, поэтому он даже жалел, что снял кожаные перчатки. Виктор не чувствовал себя привычно с копьем и пожертвовал защитой рук ради большей их чувствительности. Однако потеющие ладони стыли на холоде и вскоре кисти покраснели и зачесались. Создалось ощущение, что пальцы полны кровью и превратились в неуклюжие сосиски. Но что-то менять было уже поздно — за оградой показались мальчишки, одетые кто во что.

Если арнепы не подбегали к людям, которые находятся в безопасности, то приманить зверей было проще простого: нужно

кого-то выпустить наружу. Ловкие и быстрые деревенские мальчишки были идеальными кандидатами. Они резво высыпали за территорию деревни и сейчас носились там, играя друг с другом в догонялки. Впрочем, никто из них не выходил за пределы круга, освещаемого факелами и костром.

Рожок нескончаемо ныл, ребятня бегала, руки Антипова мерзли, а глаза внимательно следили за происходящим. Он переводил взгляд с детворы на темноту вдали, пытаясь первым увидеть знакомое свечение арнепов. Виктор усердно старался не смотреть влево. Там, почти вплотную к нему стоял Женар, тоже сжимая копье и столь же внимательно вглядываясь за ограду.

Антипов бы никогда не позволил рисковать жизнью детей, если бы не знал, что при малейшей опасности они вмиг перелезут обратно. Их цель проста — подманить арнепов поближе, а потом уже в дело вступят 'загонщики'.

Шли минуты. Виктор менял хват копья, но терпел. Нарп расслаблено опирался на ограду, Пестер вообще уселся на скамью спиной к забору, Антипову казалось, что он волнуется больше всех.

Представитель замка ан-Орреант вглядывался в темноту до слез в глазах. Он не знал, чем вызваны слезы — напряжением или дымом от факелов. Однако ему очень хотелось заметить хищников раньше остальных наблюдателей. К сожалению, это желание осталось мечтой.

— Что-то вижу! — раздался крик откуда-то справа.

— Что?! — заорал кто-то.

— И я! Я тоже вижу!

— И я!

Похоже, что видели все, кроме Антипова. Тот смотрел перед собой и заметил лишь то, как стайка мальчишек сыпанула к ограде. Детей подхватили руки мужчин и втянули внутрь. Снаружи остался лишь один сорванец в черной дырявой куртке, которая была невероятно велика для него, и коротких серых штанах. Он бегал босой, невзирая на то, что земля была холодна.

— Рыка, сюда! — кто-то зычно закричал. — Сюда, кому сказал!

— Пусть поближе подойдут! — независимо ответил мальчишка, пританцовывая на месте. — Я потом.

— А ну быстро!

— Да сейчас, сейчас! Они далеко! — сорванец чем-то напоминал Виктору Рикста.

— Выпорю!

Теперь уже и Антипов заметил легкое мерцающее свечение где-то вдали. Оно было знакомым. Точно так же приближались

арнепы к нему, когда он возвращался из Парреана.

Виктор быстро перехватил копье, свесился через ограду и легонько стукнул тупым концом по плечу пацана:

— Три медяка, если по копью сумеешь взобраться!

— Запросто! — мальчишка пригнул конец копья к земле и, держась руками и ногами, как обезьяна взлетел на ограду.

— Щелбан и три медяка, — исправился Антипов и смачно щелкнул сорванца по лбу. — За остальным зайди позже.

Паренек хотел что-то сказать, но чьи-то руки уже схватили его. Послышались вопли и звуки ударов. У Антипова мелькнула мысль, что после каждого проступка должен следовать период удовольствия от воспоминаний о нем, а уж потом — наказание. Так устроено детство. Бедный мальчик оказался его лишен в этот момент.

Когда Виктор обернулся, то обнаружил, что арнепы значительно приблизились. Они перемещались с невероятной скоростью. Светящаяся масса, подвывая, стремительно накатилась на деревню и замерла в десятке метров от ограды. Можно было рассмотреть каждого из примерно тридцати арнепов, высоких, поджарых и черных гиеноподобных хищников. Шерсть арнепов светилась то тускло, то поярче, а с их оскаленных морд на сухую землю падали капли слюны.

'И как вы это объясните, господин Дарвин? — подумал Антипов, судорожно сжимая копье. — От кого произошел этот вид? От скрещивания ночных светлячков с головой Франкенштейна? Нет… тогда бы арнепы пожирали добычу с жалостью к ней и моральными переживаниями'.

Недоволки не пытались штурмовать ограду, а просто наблюдали за суетящимися за ней людьми. Завидев близко пищу, пусть и недоступную, они не могли убежать. Сейчас дело было лишь за 'загонщиками', но почему-то никто из них не торопился быть первым.

Нарп тоже мялся, Виктор уже хотел было показать пример, но внезапно арнепы коротко рыкнули и бросились налево, к самой ограде.

— Вот так! — раздался торжествующий голос ан-Суа.

Все сразу пришли в движение. Загонщики заработали. Их труд казался простым: нужно лишь опустить руку за ограду. Остальное сделают сами арнепы.

Антипову раньше не было понятно, как можно успеть отдернуть руку, если хищники столь стремительны. Но секрет оказался прост: арнепы не умели прыгать в высоту с разбега, да и вообще очень плохо прыгали. Они должны были остановиться, пригнуться, сжаться как пружина и лишь потом кое-как

подпрыгнуть. У загонщика оставалось время, чтобы спастись. Виктор подумал, что могучие твари похожи в этом на обычных кроликов. Те отлично прыгают в длину и очень скверно в высоту.

Антипов посмотрел налево. Там Женар уже вовсю работал копьем. Он рубил и колол, пытаясь сосредоточиться лишь на одном маневрирующем хищнике, хотя на него насели трое. Арнепы рассредоточились вдоль всей ограды, привлеченные разными целями. Высшим шиком считалось нанизывание недоволка на копье так, чтобы он не мог сорваться. Потом следовало втащить его через ограду, набросить сеть, не вынимая копья, и прикончить множественными ударами. Твари были слишком живучи, чтобы одна-две раны приводили к смерти. А умирали они тоже своеобразно, распадаясь на зловонные куски плоти, которые быстро испарялись, как грязный лед испаряется под жарким солнцем. Еще никто не взял ни одного арнепа живьем. Даже под сетью твари бились до последнего, пока не освобождались или не подыхали. Существовали множественные объяснения существования арнепов, но простые люди мало интересовались теорией, в отличие от Виктора. Они привыкли к ночным хищникам, которые уже много веков стали непременной чертой жизни. Опасной чертой, но которую можно избежать, если соблюдать осторожность.

Сейчас режущие и колющие удары сына графа не приводили ни к какому результату, даже если и достигали цели. Копье входило в бок арнепов, но те даже не визжали и не отпрыгивали, а продолжали перемещаться по небольшому кругу, не отдаляясь от ограды и на два метра. Та же картина наблюдалась и по соседству — раны хищников затягивались невероятно быстро.

Виктор отвернулся от Женара и кивнул Нарпу. Пора и ан-Орреанту поработать! Молодой воин сжал зубы и быстро опустил руку вниз.

Двое разъяренных арнепов тут же примчались откуда-то со стороны. Они резко остановились, врезавшись в забор, и изготовились к прыжку. Нарп моментально убрал руку, а Виктор ударил.

Антипов решил сначала бить не сильно. Не колоть, а резать, чтобы ощутить упругость и податливость тел арнепов. Потом, когда он привыкнет, можно будет попытаться подколоть.

Поэтому первый удар Виктор был слабым, по его расчетам, он должен был бы в лучшем случае лишь оцарапать шкуру. Лезвие наконечника копья слегка прикоснулось к животному, Антипов быстро убрал оружие, чтобы вновь замахнуться, как вдруг ощутил какую-то неправильность. Он сначала не понял, в чем дело, услышал лишь тихий хрустящий звук, но заметил, что арнеп

ведет себя как-то не так. Хищник быстро отбежал на несколько шагов, вернулся, снова отбежал…. Виктор присмотрелся и увидел на его боку широкую незакрывающуюся рану. На арнепах соседей таких ран и близко не было.

Антипов слегка качнул копьем, но рука Пестера, проскользнув между ошарашенным Нарпом и забором, схватила Виктора за плечо.

— Нет! Ваша милость, нет! Остановитесь! — прошептал старый солдат. Его глаза все еще несли отпечаток изумления. — Вам нельзя бить!

Представитель замка ан-Орреант сначала ничего не понял. Ни причины появления раны, ни странных слов воина. Но потом, через пару секунд, до него начало доходить….

— Это какое-то особенное копье? — громким шепотом спросил Антипов. — Что вы мне подсунули?

— Обычное копье, ваша милость! Это — вы сами! — резко качнул седовласой головой воин и быстро оглянулся по сторонам.

Виктор открыл было рот, чтобы заспорить, но замер, пораженный. Конечно, это было не копье, а он сам. Последователь 'щитоносного защитника городов'. Верховный жрец бога войны.

'Охренеть! — мысль молнией мелькнула в его голове. — Антипов — истребитель демонов. Как гордо звучит! Спасибо, Арес, удружил в который раз'.

Следом за этой мыслью пришла другая. Виктор оглянулся по сторонам точно так же, как это сделал Пестер, чтобы убедиться, что никто не видел ранения арнепа. Все было спокойно, если так можно сказать о сражающихся воинах. Каждый был занят своим врагом, а на соседей не обращал внимания. Терсат и прочие зрители сгрудились около ан-Суа, ожидая, что 'черный' барон первым поймает 'рыбку'.

— Пестер, — зашептал Виктор. — Как ты сразу догадался? Жрецы Зентела тоже способны бить демонов?

— Они способны бить только баклуши, Ролт, — еще тише ответил старый солдат. — Жрецы Зентела бесполезны против арнепов. Просто я знаю это копье. Оно обычное! А если не копье виновато, то что? Выходит, что ты. Нам барон приказал следить, чтобы никто ничего о тебе не заподозрил!

Антипов с досадой опять осмотрелся. Все занимались делом и только его группа простаивала. Нужно приступать к избиению арнепов, иначе могут заподозрить неладное. Но с вновь открывшимися способностями нападать на арнепов прилюдно нельзя. Как поступить?

Ответ пришел вскоре и с неожиданной стороны. Слева внезапно раздался истошный крик. Виктор с ужасом увидел, что

слуга Женара не успел отдернуть руку и арнеп вцепился в него и повис. Хруст от дробящихся костей вызывал дрожь у тех, кто это слышал. Этот звук приводил только к одному желанию — немедленно его прекратить. Антипов уже хотел было забыть о конспирации и поразить мерзкую тварь, но Женар успел раньше.

Сын графа сумел изловчиться и нанизать арнепа на копье. Тот сразу же отпустил руку и повис, удерживаемый древком. По его морде стекала человеческая кровь. Ан-Котеа подался вперед, чтобы поднатужиться и перебросить зверя через ограду. Ему это почти удалось, но другой арнеп внезапно прыгнул, целясь в то место, где рука Женара сжимала копье. Дворянин успел немного сместить кисть, зубы хищника клацнули о дерево, и он повис на оружии. Тут бы ан-Котеа бросить копье, разжать руки, но он то ли не сумел отреагировать вовремя, то ли не захотел. Его положение и до прыжка было неустойчивым, а после атаки второго арнепа графский сын опасно перегнулся через ограду и полетел вниз.

— Скорее! — раздался крик. — Ан-Котеа в беде!

Воины бросились на помощь. Ролт оказался ближе всех. Он бросил свое копье и оказался прямо над Женаром, который быстро поднимался. Слева и сзади уже напирали дворяне, устремив свое оружие вниз и пытаясь отогнать арнепов. Пестер находился справа. Отдаленные хищники еще не поняли, что произошло, рядом была лишь прежняя троица, но ночные звери соображали быстро. Еще немного и твари, рассыпанные вдоль ограды, бросятся на упавшего. Время шло на секунды.

— Маги! Пустите магов! — отчаянный вопль произвучал откуда-то сзади. Нетрудно было догадаться, что имеется в виду. Длань не могла проникнуть сквозь воинов, защищенных реестром. Если дворяне не расступятся, то маги не пробьются, а если расступятся, то Женару конец.

Виктор сам не понял, что его подвигло на это. Он быстро ухватил ан-Котеа, успевшего встать на ноги, за подмышки и попытался приподнять. На то, чтобы воин в доспехах, пусть и не полных, мог самостоятельно и быстро перелезть преграду, не было никаких шансов.

Антипов поднатужился и… встретился глазами со своим недругом. В них отражалась ненависть, чистая и незамутненная.

— Я не отдам графиню! — сквозь зубы процедил Женар.

Мерзавец был храбр, Виктор это понял сразу, когда осознал, что в момент спасения жизни тот пытается торговаться.

— Не отдавай! — в тон ему ответил Антипов. — Я сам возьму!

Впрочем, это уже было произнесено в полете. Виктор, стоя на скамье, уперся коленями в ограду и рванул на себя Женара,

который, почувствовав поддержку, оттолкнулся ногами и подтянулся. Бывший лесоруб тяжело упал на спину, а сверху на него приземлился графский сынок. Он весил довольно много, поэтому удар оказался не из легких.

В голове Антипова сразу помутнело. Кто-то снял с него ан-Котеа, начал слегка трясти за шиворот… Виктор решил не разлеживаться и попытался сразу же открыть глаза. Это ему удалось, но с фокусировкой зрения были проблемы.

— Ваша милость, как вы? — Антипов узнал голос Пестера, хотя лицо старого солдата представляло из себя какое-то расплывчатое пятно.

— В порядке, — прошептал Виктор. — А что с арнепами?

— Они за оградой. Все люди здесь, — успокоительно сказал Пестер.

Губы Антипова сложились в едва заметную усмешку. Он по-прежнему видел не очень хорошо, но говорить мог.

— Ограда отделяет людей от арнепов временно, — едва слышно прошептал он. — А постоянно…. Ты разве не понял, что случилось?

— Что, ваша милость? — старый воин наклонился ухом к губам лежащего, не без основания подозревая, что у Ролта временное помутнение рассудка.

— Между людьми и демонами есть только я, — выдохнул Виктор. — В единственном числе. Это — лучшая шутка Ареса.

Глава 10.

Утро в средневековом замке производит впечатление на непривычного человека. Для Виктора это было уже не первое пробуждение в такой обстановке, но все равно он ощущал легкий дискомфорт.

Огонь в камине давно погас, в комнате царила прохлада, от которой могли уберечь либо одеяла, либо быстрый подъем. Антипов спал в куртке и штанах, укрывался какой-то шерстяной тряпкой, а сверху — желтой рогожкой, замечательным изделием из липового лубья, отражающим недостаток нормальных тканей для бытовых нужд.

Пробуждение не было приятным, но Виктор не отчаивался. Он изо всех сил старался забыть об удобных помещениях, где ему доводилось проживать ранее.

— Вставай, Рикста! — Антипов толкнул своего слугу предположительно в бок. Ни лица, ни каких-либо других частей паренька не было видно: он свернулся клубочком под одеялами.

— Вставай, вставай! — повторил Виктор, наблюдая за тем, как из его рта выходит легкий пар. — Приготовь тут все. Я сейчас помоюсь и вернусь, чтобы переодеться.

Слова возымели эффект. Рикста заворочался и высунул из-под одеял нос, покрытый небольшими веснушками.

— Холодно же, господин, — пробурчал он. — Как можно мыться-то? Вода не нагрета!

— Ничего, я как-нибудь. Когда я чист, моя совесть тоже чиста, — Антипов, в отличие от многих в замке, принимающих водные процедуры исключительно по вечерам, предпочитал это делать два раза в день. Самые знатные гости мылись в своих апартаментах, а остальные — в купальных бадьях, расположенных на первом этаже. Нужно было только заставить слуг натаскать туда воды.

Примерно через полчаса свежий и замерзший Виктор шел по каменному коридору. Он направлялся к жрецам, но специально вышел задолго до назначенной аудиенции, приглашение на которую ему вручил страж храма после охоты на арнепов. Антипов вовсе не был излишне торопливым и не собирался просиживать под дверью жрецов, ожидая, когда 'солнце поднимется над горизонтом', как говорилось в послании. Виктор просто-напросто намеревался заблудиться. Из стратегических соображений.

Он спустился по лестнице и свернул в первый же коридор на

нижнем этаже. На этот раз его путь лежал в противоположную от купален сторону.

Идя по голому камню или по дорожкам, прислушиваясь к своим гулким шагам, Антипов вспоминал вчерашнее происшествие. Его мысли касались не столько выявленной удивительной способности наносить раны демонам (это он уже успел обдумать), сколько спасению жизни своего недруга ан-Котеа. Почему он так сделал? Отчего не притворился, что разжались руки? Ведь возможно без его участия Женар погиб бы или получил ранения, несовместимые с участием в турнире.

'Выходит, что я — добряк и гуманист, господин Толстой? — с недоумением думал Виктор. — Ну что мне стоило Женара не удержать и уронить? Одним врагом было бы меньше. Что-то я не замечал за собой раньше кротости и всепрощения… надо бы вообще в зеркало посмотреть. Вдруг там нимб вырос? А это явный провал!

Но, несмотря на иронию, Антипов сумел быстро разобраться в себе и в произошедшем. Конечно, он не стал гуманистом и не приобрел такое лишнее для воина качество, как терпимость к врагам, просто…. любой человек, не будучи убийцей, убивает так, как может, и никак иначе.

Возьмем для примера домохозяйку. Тихую, безропотную женщину, тайно ненавидящую пьяницу и тирана мужа. Она ловко обращается с кухонным ножом, когда разделывает мясо или режет хлеб, но пустит ли нож в ход, если ее жизнь станет совсем невыносимой? Нет, вряд ли. К человеческой крови тяжело привыкнуть, а чтобы вонзить нож в тело, нужно это делать либо сгоряча, либо хладнокровно, другого пути нет. Поэтому бедная женщина выберет привычное оружие домохозяек — отраву. Если продолжить логический ряд, то можно легко установить, что отчаявшийся грабитель убьет кинжалом, благородный дворянин — мечом, истеричная сожительница — скандалом (медленное и ненадежное средство), а лесной разбойник — стрелой. И смешение тут невозможно. Дворянин не станет бить кинжалом в спину, грабитель не закатит скандал, а сожительница не выстрелит из лука. Иначе убийство будет выглядеть подлым, странным и, что хуже всего, неприличным.

Так и Виктор оказался неспособным на неприличный поступок. Он мог бы 'подставить' врага, обмануть, опозорить, прикончить в честном бою, разорить, переспать с его женой, поджечь дом, но все остальное противоречило высоким моральным убеждениям Антипова.

Представитель замка ан-Орреант свернул в нужном месте, прошел еще немного и оказался у дверей, к которым он и

стремился. Прочная древесина, составляющая дверь, выглядела обычно, но почему-то чувства Виктора всколыхнулись, а в груди потеплело. Однако он не стал заниматься самоанализом, это было бы совсем некстати, а начал претворять в жизнь очередной виток своего плана.

— Сердце красавицы склонно к изменам и переменам…, - напел Антипов, оглядываясь по сторонам. Потом откашлялся и громко спросил, стараясь, чтобы голос шел к замочной скважине. — Если ли кто здесь? Господа, я заблудился! Мне нужно указать дорогу, господа!

За дверью послышалось какое-то шуршание. Потом все стихло, а через несколько секунд дверь медленно отворилась. Уже не было слышно скрипа, кто-то очень хорошо смазал петли.

— Госпожа Вирета, — поклонился Виктор. Доверенная дама графини была дворянкой как-никак. — Простите, что побеспокоил. Не думал, что здесь ваша комната. Просто заблудился и хотел спросить у кого-нибудь дорогу. Дело в том, что меня пригласили уважаемые жрецы….

Вирета доброжелательно улыбнулась. Вопреки обыкновению на ней было обычное коричневое платье с высоким поясом.

— Это не моя комната, господин ан-Орреант, — сказала она. — Не угодно ли войти?

Антипов смутился. Точнее, сделал вид, что смутился. Ему было отлично известно, чья это комната. Графини. Так же Виктор уже досконально знал и о распорядке дня ее сиятельства. Ласана очень поздно ложилась, но вставала рано, еще до восхода. В это время она занималась хозяйственными делами вместе с доверенной дамой, а иногда и другими. Потом завтракала, гуляла или ездила верхом, обедала и ложилась спать. А просыпалась уже ближе к вечеру.

— Конечно, госпожа Вирета, спасибо за приглашение, — Виктор шагнул мимо отошедшей в сторону дамы и оказался в уже знакомой комнате.

На стуле перед зеркалом сидела Ласана. Зеленые глаза с интересом наблюдали за смущенным мужчиной, а точеные руки неторопливо перебирали жемчужины на снятом браслете, который отлично подходил по цвету к бело-голубому платью.

Виктор поклонился гораздо глубже, чем Вирете.

— Ваше сиятельство, прошу простить меня за вторжение, но….

— Знаю, знаю, вы искали жрецов, — прервал его звонкий голосок.

— Искал, а…, - Антипов сделал вид, что замялся.

— Мужчины часто ищут неожиданные вещи, когда хотят

найти лишь женщин, — улыбнулась графиня.

— Но я на самом деле искал жрецов. Вот, посмотрите, они меня пригласили, — Виктор протянул бумагу, полученную от посланника.

— Я верю вам, господин ан-Орреант, — Ласана слегка приподняла руку, отказываясь от предложенной бумаги.

Антипов не был бы самим собой, если бы не воспользовался моментом. Он шагнул к графине, опустился на одно колено и поднес ее кисть к губам.

— Хм…. Что вы делаете, господин ан-Орреант? — графиня справилась с удивлением и вытащила руку из сильных мужских пальцев.

— Целую руку, которую вы столь любезно предложили мне поцеловать, — пояснил Виктор, не делая ни малейшей попытки отодвинуться.

— Я предложила?! — Ласана сдвинула брови.

— Ну да, только что протянули ее мне. Вот и госпожа Вирета видела, не так ли? — Виктор полуобернулся к даме.

— Ее сиятельство просто сделала жест, чтобы отказаться от бумаги, — пояснила недоумевающая Вирета, которая все еще стояла около двери.

— Моя ошибка, — покаялся Антипов, приложив ладонь к сердцу. — Как же быть? Ваше сиятельство вряд ли согласится вернуть мне поцелуй.

После короткой паузы графиня тихо рассмеялась. Коварный Виктор внутренне напрягся, приходя в себя. Эмоциональное отношение к смеху Ласаны могло спутать все карты. Он твердо собирался не поддаваться на чары девушки, иначе результат был бы непредсказуем. Женщины чувствуют, когда их любят, и сразу же становятся нечувствительными к любви.

— Я хотела поблагодарить вас за то, что вы спасли жизнь ан-Котеа, — сказала графиня, отводя от посетителя взгляд, в котором блестели веселые искорки. — Без него турнир прошел бы скучно.

— Я ради этого и спас Женара, ваше сиятельство. Турниру будет не хватать его фиолетовой шляпы.

Ласана подавила смешок и положила браслет на полированный столик перед зеркалом. Жемчуг тускло блеснул.

— Господин ан-Орреант, что у вас на уме? — внезапно спросила она, глядя прямо в глаза Виктора. — Я поспрашивала о вас. Все считают, что вы неплохо владеете оружием, но недостаточно для того, чтобы выиграть турнир. Тем не менее, вы развили такую деятельность, что о вас уже говорят наравне с ан-Котеа и ан-Суа.

Виктор с удовольствием бы переместился еще ближе к графине, но, стоя на одном колене, это сделать было затруднительно.

— Ваше сиятельство, — вздохнул Антипов, — вот то же самое мне сказал менестрель в замке отца перед моим отъездом. А задолго до моего отъезда он утверждал, что я не смогу петь, не сумею хорошо сыграть на варсете и никогда не добьюсь любви самой прекрасной из всех женщин.

— Вот как? Получается, что вы уже добились этой любви? — с иронической улыбкой спросила графиня.

— Вам лучше знать, ваше сиятельство, — ответил Виктор, пытаясь уловить на лице Ласаны малейшие эмоции. — Вы ведь — самая прекрасная из всех женщин.

Попытка Антипова преуспеть в физиономике не увенчалась успехом. Графиня быстро отвернулась, взметнув мягкие волосы.

— Господин ан-Орреант, Вирета вас проводит к жрецам. И еще… запомните, господин ан-Орреант: женщины часто не знают, любят они или нет, только мужчина может их убедить в этом или обратном.

Через несколько минут, когда Вирета вернулась, Ласана все еще сидела в той же позе, отвернувшись от двери и глядя в окно, наполненное утренним светом.

— Госпожа, мы возвращаемся к делам? — спросила доверенная дама, осторожно прикрывая за собой дверь.

— Да… конечно…, - ответила графиня и, подперев рукой лоб, добавила. — Когда я была на королевском балу, со мной разговаривали двое молодых остроумцев, которые мне понравились. Если бы не мой дядя, то я бы устроила совсем другой турнир. Эти двое заняли бы в списке второе и третье места, а на первом был бы… впрочем, давай заниматься делами.

Когда Вирета оставила Антипова рядом с резиденцией жрецов, было еще слишком рано. Красноватое солнце показалось над горизонтом наполовину, и Виктор подумал о том, где лучше подождать: здесь или спуститься вниз, во двор. Сначала он решил остаться на месте, но потом изменил свое мнение. Мужчина направился к узкой винтовой лестнице, ведущей наверх, поднялся на два пролета и оказался на крыше круглой зубчатой башенки. Он изо всех сил старался не думать о предстоящей встрече, по опыту зная, что это только испортит настроение.

Вид открывался замечательный: поле перед замком, по которому едут две телеги, полоска леса вдали, золотистый восход, ярко-синее небо и странный коршун над головой. Птица с большими белыми пятнами на крыльях выписывала круги над

замком, что вызвало легкое удивление Виктора. Что тут делает коршун? Рассчитывает поохотиться? Тогда летать лучше над полем. Глупая птица! Антипов немного понаблюдал за ним, а потом наклонился и перегнулся через холодный каменный выступ в стене башенки, чтобы рассмотреть происходящее во дворе.

Там, на тренировочной площадке, суетились люди. Виктор не совсем понимал, зачем они там, ведь первая часть турнира, состязания с мечом и щитом, начнутся только перед обедом. Антипов опознал ан-Суа, почему-то уже расхаживающего в доспехах, отлично рассмотрел Женара, сидящего на скамье, и увидел, как двое знакомых дворян пытаются фехтовать. Один из них вел свою партию весьма активно, наседал, непрерывно бил под разными углами, а его противник лишь отступал, но умело блокировал удары щитом.

'В день экзамена нужно читать не учебники, а шпаргалки, — подумал Виктор. — До обеда улучшить свое мастерство все равно не успеете. А после обеда — не захотите'.

Антипов постоял еще немного на ветру, вдыхая пахнувший прелыми листьями и дымом воздух, а потом спустился вниз. Настало время встречи, пожалуй, самой важной за последние месяцы. Виктор был морально готов к ней, но все-таки испытывал волнение. Такие чувства, вероятно, беспокоят шпиона, который не покладая рук трудится в самом логове врага, опасаясь разоблачения, но утешая себя тем, что является единственным в мире настоящим правдоискателем.

Молодой воин подошел к заветной двери и вытер разом вспотевшие ладони о куртку. Ему удалось не позволить себе излишних эмоций рано утром, удастся и теперь. Он бы вообще не связывался с жрецами, но если хочет оказаться в числе лидеров на турнире, то придется. Иначе они сами свяжутся с ним. Лучше попытаться извлечь пользу из своих врагов, чем просто стараться предотвратить вред, который они будут наносить.

Стук в дверь отозвался звоном в ушах, что показало Антипову, как он далек от спокойствия. Но пути назад нет. За ним люди, которые надеются на него, и не люди, на которых он уже давно не надеется, но подводить их все равно не хочется.

— Войдите! — раздался чей-то хрипловатый голос.

Виктор взялся за ручку, медленно распахнул дверь и вошел.

Он оказался в просторной комнате со столом, скамьями, стульями и сундуками. Стены были завешены красно-желтыми коврами, а около окна стояли два человека: Терсат и другой жрец, имя которого Антипов запамятовал. В комнате была еще одна дверь, из-за которой доносился негромкий разговор. Наверное, там находились остальные.

— Рады видеть вас, господин ан-Орреант, — сказал Терсат, подвигая к себе широкий стул и усаживаясь на него. — Много наслышан… о вашем голосе.

— Ваша благость, благословите! Это большая честь встретиться с вами! — Виктор согнулся в поклоне. Ему показалось, что если так пойдет дальше, то остеохондроза не нужно будет опасаться. Постоянные поклоны отлично тренируют мышцы спины. Беспокоиться не о чем — его здоровье не пошатнется до встречи с палачом.

Толстяк описал рукой полукруг в воздухе. Благословение. Антипов разогнулся, силясь одним лишь взглядом выразить всю полноту благодарности, которую испытывал. У него мелькнула мысль, что он подражает своему коту из прошлой жизни, который любил вот так таращиться на колбасу, мяукать и пытаться заставить хозяев бросить на пол кусочек, забыв о том, что кот ест только рыбу. Иногда хвостатому шутнику удавалось ввести людей в заблуждение.

Виктор сосредоточился и попытался прогнать столь легкомысленные ассоциации. Это темный простолюдин имеет право сравнивать себя с котом в любое время, а просвященный дворянин — лишь после того, как намалюет кота на гербе.

— Господин ан-Орреант, вы… глубоко религиозный человек? — голос Терсата был негромок, но это не ввело в заблуждение Антипова. Вопрос был важен.

— Очень, ваша благость, — незамедлительно подтвердил Виктор. — Так воспитан. В строгости и в почитании!

— А сколько у вас братьев, господин ан-Орреант?

— Четверо, ваша благость. Двоих из них мой отец усыновил, как и меня.

Терсат слегка приподнял брови.

— Вот как? Барон ан-Орреант усыновил вас? По какой причине?

— По обычной, ваша благость, — печально ответил Виктор, сделав неопределенный жест рукой. — Я рос при замке под присмотром менестреля и прочих, а когда у меня стали проявляться воинские способности, отец вспомнил обо мне и послал на турнир. Так что, я — младший дворянин, которому не светит никакое наследство.

Терсат и темноволосый жрец переглянулись.

— Это многое объясняет, ваша благость, — пробормотал тот. — Урожденные дворяне менее… искренни.

— Да, Илеа, — кивнул толстяк. — Они привыкли к безнаказанности и ничего не берут в голову, кроме охоты и турниров. Впрочем, не нам оспаривать установившийся порядок

вещей.

Виктору эти фразы сказали больше, чем того хотели жрецы. Его собеседники были недовольны тем, что храмы контролировали только короля и крупное дворянство. Остальные демонстративно игнорировались. Жрецам Зентела прямо запрещалось притеснять баронов. Антипов бы дивился такой странной политике, не объясни ему Арес в общих чертах, что к чему. Если будут править исключительно жрецы, то это не принесет счастья людоеду. Ему нужна была видимость независимости светской власти. Виктор в этот момент подумал, что все людоеды — большие обманщики. Он, конечно, не знал их лично, а те, о ком слышал, не ели людей, но все равно были обманщиками. Видимо, людоеды не могут не лгать, причем, врут всегда одно и то же касательно государственного устройства.

— Я слышал, что у вас необычный голос, господин ан-Орреант, — сказал Терсат, переключаясь с Илеа на гостя. — Не споете ли нам что-нибудь?

— Без варсеты? — удивился Виктор.

— Без.

— Ну ладно, а что спеть-то, ваша благость?

— Да что угодно, — развел руками Терсат.

Антипов показательно пожал плечами и затянул дурацкую, но популярную песню про рыцаря и львов, которую узнал еще от ученика менестреля. Она для баса не совсем годилась, но Виктор справился. Воин не хотел показывать весь свой диапазон, поэтому работал вполсилы. Когда он умолк, спев только часть песни, жрецы снова переглянулись, на этот раз недоуменно.

'Не знаете, что сказать, — злорадно подумал Антипов. — Понимаю. Трудно решить хорошо спел или плохо? Бывает. Трудности укрепляют дух преодолевающего и воображение создающего'.

— Мы еще вернемся к вашему голосу, господин ан-Орреант, — пробормотал Терсат. — А сейчас расскажите, как вам нравится замок Мерея и его хозяйка?

Виктор счет малозначащий вопрос добрым знаком. К нему приглядываются, все идет как надо. С интересным человеком даже разговор о погоде покажется познавательным.

— Госпожа графиня мне нравится сильнее, чем ее замок, — честно ответил он, подумав, что еще к счастью остались темы, где с одинаковым успехом можно врать или говорить правду.

Илеа укоризненно покачал головой, отчего его шарф слегка сдвинулся:

— Господин ан-Орреант, так отвечает тот, кто больше мужчина, чем достойный дворянин.

— Ваша благость, я бы очень хотел стать достойным дворянином, но, увы, родился мужчиной, — развел руками Виктор.

Терсат изучающе смотрел на собеседника своими маленькими глазками.

— Вы наверное удивляетесь, господин ан-Орреант, почему мы так подробно обо всем расспрашиваем, — медленно произнес он. — Но я буду с вами откровенен. Нам нужен человек, на которого можно положиться…. Конечно, остальные дворяне готовы помочь нам, но вряд ли сделают это от чистого сердца. Такими они уродились. Нам с Илеа нужен верный, благонравный и богобоязненный человек. Он будет оказывать нам разные услуги, а взамен этого мы почтим его покровительством.

'Вот она, золотая рыбка, господин Пушкин, — подумал Виктор. — Кажется моя карьера собирается пойти в гору. Жаль только, что не в ту, которая мне нужна. Кстати, а почему он сказал 'нам с Илеа? . Неужели в их жреческом обществе тоже есть политические группы? О, это интересно'.

— Ваша благость, да я готов всем сердцем служить вам! — сообщил Антипов вполголоса, опасаясь переиграть. — Помимо того, что много наслышан о вашей мудрости и преклоняюсь перед ней, я понимаю, что воину в моем возрасте нужен могущественный покровитель. Иначе не достичь успеха! Сейчас я никто и ничто, но тешу себя надеждой, что рано или поздно все изменится.

Терсат довольно кивнул. Доброжелательность в его взгляде стала отчетливой:

— Ваша искренность пока не вызывает сомнений, господин ан-Орреант. Но разрешите задать вам главный вопрос. А как вы владеете оружием? Хорошо ли?

— Ваша благость хочет спросить, достаточно ли для того, чтобы выиграть турнир? — простодушно поинтересовался Виктор.

— Да, — толстяк двумя пальцами убрал с белоснежной мантии невидимую пылинку.

— Хорошо владею оружием, ваша благость. И шансы есть, если не победить, то оказаться в числе первых… Если мне будет везти.

Илеа подошел к столу и многозначительно забарабанил пальцами по стопке бумаг, лежащей там.

— Может быть я поторопился насчет вашей искренности, господин ан-Орреант, — улыбнулся Терсат, слегка прищурив глаза. — У нас есть иные сведения.

Антипова прошиб пот. Он и так был на взводе, а сейчас с трудом удержался от того, чтобы не схватиться за рукоятку

короткого меча, висящего на поясе. Что жрец имеет в виду? Он что-то раскопал? Может быть пришло время бежать? Виктор не стал оглядываться, но помнил, что дверь находится прямо за спиной. В нее можно выскочить, кликнуть Рикста и… идти на прорыв? Куда на прорыв? И если за дверью уже стоит стража? Виктор незаметно глубоко вздохнул, стараясь унять волнение. Мысли о разоблачении вихрем пронеслись в его голове, но он обуздал их, сделав над собой усилие, и решил дождаться продолжения.

Жрецы скорее всего не заметили волнения. Терсат говорил, а Илеа перебирал бумаги.

— Вчера мы заинтересовались вашим голосом, господин ан-Орреант, а также благородным поведением во время охоты на арнепов, — сказал толстяк.

'И молитвой в храме', - мысленно добавил Антипов, пытаясь прийти в себя.

— Поэтому сегодня утром навели о вас кое-какие справки.

'Да когда успели-то?!

— Илеа, зачитайте, пожалуйста.

— Все подряд читать, ваша благость? — темноволосый жрец поднял брови.

— Да. Господину ан-Орреанту это будет интересно.

— Извольте, — Илеа взял в руки лист бумаги. — Вот что сказал о вас Анкелм ан-Фадор. 'Господин ан-Орреант, уважаемый молодой дворянин, красноречив, благороден, общителен, оружием владеет на среднем уровне'.

— Что скажете, господин ан-Орреант? — поинтересовался Терсат, откровенно изучая посетителя.

— Правда, но частично, — ответил Виктор, все еще оставаясь настороже, но догадываясь, что непосредственной угрозы нет. У него мелькнула мысль, что жрецы работают как профессиональные дознаватели. — Анкелм видел меня на тренировке, когда за мной следил Женар ан-Котеа. Я не хотел раскрывать свои способности перед этим хитрецом.

— Хитрецом? — в глазах Терсата блеснул интерес.

— Еще каким хитрецом, ваша благость! Лиса, чистая лиса! Мне как раз ан-Фадоры рассказывали, что месяца два назад ан-Котеа выиграл какой-то турнир, где был и ан-Суа! Ан-Котеа то ли подкупил судей, то ли пообещал им что, но все спорные удары толковались в его пользу!

Терсат и Илеа снова переглянулись.

— А что, ан-Котеа стал таким хитрецом внезапно? — вкрадчивым голосом поинтересовался толстяк.

— Это мне неизвестно, ваша благость, но о нем пошли слухи

месяца два или три назад, как кажется. Спросите ан-Суа, он лучше знает!

— Я проверю ан-Котеа, — тихо сказал Илеа. — Правда на это уйдет несколько дней.

— Продолжайте, — произнес Терсат, соглашаясь.

Темноволосый жрец снова обратился к бумаге:

— Кстати, вот что сообщил ан-Суа: 'Господин ан-Орреант — молодой, но подающий надежды воин скромного достатка. С оружием ловок, очень быстро учится, способен перенимать стиль противника даже в течение одной скоротечной схватки. Не брезгует сомнительными приемами'.

И без того высокое мнение Виктора о 'черном' бароне поднялось на недосягаемую высоту. Тот был действительно супербойцом, подмечающим любые мелочи.

— С этим согласен, — буркнул Антипов. — А что до сомнительных приемов, то мне же нужно как-то выигрывать?! Когда я достигну мастерства ан-Суа, то буду так же следовать канону, как и он. А иначе просто не доживу до той поры!

Грубоватое простодушие понравилось Терсату. Он ободряюще улыбнулся гостю и кивнул Илеа.

— А вот и слова Женара ан-Котеа, — темноволосый жрец снова принялся читать. — 'Господин ан-Орреант — вульгарный и невежественный тип. Он плохо воспитан, не уважает чужие родословные, задирист, некультурен, женщинам в нем нравится звериная суть мужлана'.

Виктор чуть не задохнулся от возмущения и неожиданности. Как это — звериная суть мужлана?! С остальным еще можно поспорить, но звериная суть… Женар вообще очумел от ревности?

— Что скажете, господин ан-Орреант? — прервал его мысли Терсат.

— А что сказать? — у Антипова дернулось плечо. — Он прав, конечно. Я такой в его глазах. Потому что Женару жизнь спас.

Илеа тонко улыбнулся:

— Мы знаем об этом. Не все люди способны простить человека за то, что обязаны ему жизнью.

Виктор подумал, что пока все складывается неплохо. Он не ожидал, что жрецы наведут справки о нем, но в целом это не повредило. Отзыв Женара выглядел несправедливым, но было бы гораздо хуже, если бы графский сынок сообщил, что Ролт — коварная личность. Однако Женар просто не мог так сказать, потому что хитрец с гордостью никогда не признается в том, что его обставил другой хитрец. Такому можно продать лжеэликсир бессмертия и он, когда обман выйдет наружу, не только не начнет кричать, что его обманули, а еще перепродаст эликсир дороже.

Известный тип личности.

— Достаточно, Илеа, — Терсат взмахнул рукой. — Думаю, что мы узнали все, что хотели и… могли узнать сейчас. Господин ан-Орреант, не считаю возможным отнимать ваше время перед сегодняшним соревнованием. Готовьтесь к нему тщательно! Я буду с большим интересом следить за вашими успехами.

Антипову все было ясно как дважды два. Жрецы кое-что узнали, но успокаиваться не собирались. Они наверняка постараются навести больше справок. Особенно, если Ролт проявит себя. Трудно точно сказать, что на уме у Терсата, но возможно ему очень нужны верные люди среди дворян. Жрец будет их продвигать, а они — приносить ему пользу. Виктор рассчитывал на нечто подобное. Другое дело, что дожидаться результатов окончательного расследования как-то не с руки. Если жрецы выявят связь между осадой замка Орреант и событиями в Парреане, то доблестный Ролт окажется под подозрением. Однако Антипов небезосновательно полагал, что турнир закончится раньше, чем жрецы получат полную информацию. Здесь почти все происходит со скоростью, не превышающей скорость лошади, а остальное — со скоростью меткой стрелы. Но Виктор знал, что когда скорость связи превысит скорость выстрела, наступит настоящий прогресс. И если верить Аресу, то местному миру это вообще не грозит.